Четыре жизни. 2. Доцент

Четыре жизни - 2

Эрвин Гельмутович Полле

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Тюмень. Девятилетний бег с препятствиями: отличный старт и нелепый, по мнению коллег, финиш. Частично иллюстрированный вариант.

- Эрвин Гельмутович Полле
  - Введение
  - Учебная работа
  - Научная деятельность
  - Общественная активность
  - Житейские страсти
  - Разгрузка
  - Профессиональный тупик

Эрвин Гельмутович Полле
Четыре жизни. 2. Доцент

Введение

Внимательный читатель по оглавлению успел заметить, что зигзаги «второй жизни» описываются не временными, а функциональными отрезками жизни. Разделение *условно*, так как проблемы личные, научные, учебные, общественные тесно переплетаются и взаимозависимы. Какой раз пытаюсь излагать важный для меня материал, стараясь не запутать читателя именами, событиями, специальными терминами, географическими названиями… и в то же время минимизировать повторы. «Вторая жизнь» чётко ограничена местом проживания. Тюмень. Описания командировок, поездок привязаны к конкретным главам (учебной, научной…), хотя чаще всего функции совмещались. Скажем, основное время четырёхмесячного повышения учебной квалификации в 1975 г. посвятил оформлению научных статей, расширению культурного и политического кругозора (театры, музеи, кино, прослушивание «вражьих голосов») и ознакомлению с достопримечательностями Ленинграда и его окрестностей.

В августе 1968 г. с женой и двумя детьми прибыл в Тюмень. Внешне Тюмень не выдерживала сравнения с Барнаулом, поразила обилием грязи. Оказалось, в городе не было ливнёвой канализации, в дождливый период грязь плавала повсеместно, в сухой период грязь превращалась в пыль. Практически перед всеми учреждениями стояли резервуары с грязной водой и палками с намотанной тряпкой для мытья обуви (жаль, не сохранились у меня фотографии подобной достопримечательности Тюмени 60-х — 70-х). Преимущественно старые двухэтажные дома. Безобразный вокзал 19-го века. Отвратительная система транспорта. Градостроительная ситуация в Тюмени начала понемногу изменяться в 70-х после появления «нефтяных» денег, естественно со строительства шикарных контор нефтяных и газовых королей Муравленко, Эрвье, Салманова, Нестерова. За 9 лет активной жизни в Тюмени так и не ощутил любви к городу, как таковому.

Тюменская область настолько большая, что из Москвы на Ямал быстрей долетишь, чем из Тюмени. На юге области засушливая степь с большим числом озёр, здесь я провёл несколько «сентябрей» со студентами на сельхозработах. Центральная часть — бесконечные болота, богатые нефтью (один Самотлор чего стоит). Север области — вечная мерзлота и колоссальные запасы природного газа. Нефть и газ вдохнули

жизнь в умиравшие территории, выросли современные города с сотнями тысяч жителей. К стыду своему, мне ни разу не пришлось побывать непосредственно на нефтяных и газовых промыслах. Как-то не получилось, хотя и стремился. Зато посчастливилось ознакомиться с древним Тобольском. Только-только пустили новую железнодорожную ветку Тюмень — Тобольск. Красивый реставрируемый кремль. Действующая тюрьма, построенная в 18-м веке, в ней ещё сидел Кюхельбекер. Могилы декабристов. Множество церквей со сброшенными куполами хорошо просматриваются с верхней части города, где расположен кремль. Жилая застройка прежних времён расположена в нижней части города, регулярно заливается в период весеннего наводнения. Тобольский нефтехимический комбинат строился на незатопляемых землях. Я читал лекции в четырёхэтажной каменной средней школе, принимавшей гимназистов ещё в 19-м веке. Удивительное ощущение прикосновения к старине. Не забуду старую бабушку-служку часовни около кремля: открытым текстом проклинала коммунистов за погибших от холода людей в 30-е годы, когда их зимой на санях перевозили из Тюмени в Тобольск. 70-е годы! Для меня — откровение, при посторонних людях не принято было говорить вслух о преступлениях коммунистов.

Учебная работа

14 августа 1968 г., в день приезда в Тюмень зачислен на должность доцента кафедры химии и технологии нефти и газа тюменского индустриального института. Получили ключи от квартиры, неожиданно выяснилось, от двухкомнатной (обещание трёхкомнатной квартиры выполнено через *восемь* лет).

Квартирный вопрос — первая неприятность, но не последняя (а как внешне доброжелательно принимали в ректорате полтора месяца назад). Вернуться в Барнаул гордыня не позволила.

Вторая неожиданность — не принимают на работу Нину. Бумага на официальном бланке за подписью ректора оказалась клочком «на память». Мы попали в ножницы между завкафедрой химии и технологии нефти и газа и «хозяином» химико-технологического факультета доцентом Р.З.Магарилом, который принимал меня для ведения курса «современные физико-химические методы исследования» и только появившимся из Томска завкафедрой физической химии профессором М.С.Захаровым, категорически отказывавшимся брать «посланца Магарила». Декан факультета — Подборнов Николай Владимирович — фигура номинальная, человек слабый духом, поставлен Магарилом. Позиция Захарова чисто эмоциональная. Нина по диплому физикохимик, к тому же специализировалась в области электрохимии, а Захаров — электрохимик, но новый профессор желает показать твёрдость своего «я». Ходил к Захарову выяснять отношения, Матвей Сафонович стоял на своём: «Магарилу нужен доцент, пусть берёт и ассистента!» Ректорат удовлетворил амбиции факультетских бонз, Нина принята ассистентом кафедры общей химии.

Спустя полгода знающие люди открыли глаза, что бумага о прохождении по конкурсу на должность доцента является «Филькиной грамотой». На этой почве начались манёвры Магарила за спиной, разговоры об испытательном сроке. Пришлось резко поговорить в ректорате, проявить твёрдость и, получив вверху поддержку, пройти с нуля необходимые этапы получения звания доцента (сначала открытый конкурс на должность, через год представление к учёному званию). Утверждён в учёном звании доцента по кафедре «химия и технология нефти и газа» в Москве только 17.05.71 г. Почти три года моральной нервотрёпки.

Первый учебный год в Тюмени раскрыл наивные глаза на психологическую важность верности слову первого руководителя,

позволил ощутить, как повезло с ректором в аспирантские годы. Ректор алтайского политехнического института Радченко и ректор тюменского индустриального института Косухин — противоположности. Оба деловые, решали вопрос становления молодого института, пытались обеспечить научными кадрами, но подход разный. Косухин многим многое обещал, но выполнял выборочно. И не чувствовал при этом никаких неудобств. Кстати, Косухин любил публично рассказывать про партизанские годы в Крыму. Я уже упоминал («Жизнь первая. Школьник»), что с колымских лет в шкафу стоит подаренная «за отличную учёбу и примерное поведение», изрядно потрёпанная книга воспоминаний И.Козлова «В Крымском подполье». Просмотрел и увидел резко отрицательный отзыв о деятельности Косухина (кличка «Костя»). Удивительное чутьё секретаря подпольного обкома Козлова выявило и показало черты характера Косухина, не исчезнувшие и через 25 лет.

В Тюмени впервые серьёзно окунулся в учебную работу. Разработал новый для себя (и института!) курс: «Современные физико-химические методы исследования» (СФХМИ), лекционный курс и с нуля поставил лабораторный практикум. Пришлось нелегко, так как о большинстве имевшихся в наличии приборов (хроматографы, спектрофотометры, диэлькометры, современные рефрактометры) я только слышал (в Барнауле о них мечтали). Дополнительно осложнила работу чрезвычайно морозная зима (по-моему, ничего подобного со времён Колымы я не ощущал). Практически не функционировала стеклодувная мастерская. Баллоны с пропанобутановой смесью (власти России до сих пор предпочитают добываемый природный газ — метан, не сжижающийся при сибирских морозах, отправлять в Европу) находились на улице, при низкой температуре давление газа резко падало, горелки не работали, а для диэлькометров нужны было впаивать платиновые электроды в специальные стеклянные ячейки.

На лекции я ходил одетым в несколько рубах и свитеров (не в пальто!), пар шёл изо рта, руки синие, а студенты в зимней одежде и варежках. В моей жизни такого семестра (осень 1968 г.) не было. Работа шла в экстремальном режиме, начал читать первую лекцию (40 часов + 64 часа лаборатории химикам 4-го курса), когда курс не был готов и на половину, программ не было, составил позже по фактическому материалу.

Суровая зима сделала невыносимой работу сотрудников института, каждый грелся, как мог. Впервые близко столкнулся со смертью, связанной с исполнением служебных обязанностей. Лаборант нашей кафедры, греясь около открытой муфельной

печи, выронила колбу с вспыхнувшим нефтепродуктом. Загорелся халат, девушка растерялась. Вместо того чтобы сбросить халат, начала кричать и бегать по кафедре, пока её не сбили с ног. Типичная трагедия недостаточно профессиональных химиков, в критический момент человек забывает, чему его учили на «технике безопасности». К сожалению, меня рядом в этот момент не было, пара подобных случаев, к счастью без тяжёлых последствий, в личной практике описана выше («Жизнь первая. Аспирант»). Обгорело 40 % поверхности тела. Принято считать, с такими ожогами советская медицина умела «вытаскивать» больных, но через неделю 20-летняя девушка, не имевшая в Тюмени родственников, умерла. Трагедия сопровождалась очень некрасивыми вещами: в больнице пострадавшую заставили задним числом подписывать инструктажи по технике безопасности; заставили написать объяснение, в котором всю вину брала на себя; подделывались подписи в соответствующих кафедральных и факультетских журналах. Хоронили её в лютый мороз, никаких поминок, пришлось час отогреваться дома в горячей ванне.

Именно страшная судьба 20-летней лаборантки, её трактовка заведующим кафедрой с явным стремлением уйти от минимальной ответственности за смерть малоопытного сотрудника стала началом внутреннего противостояния между мной и Магарилом, продолжавшегося все 9 лет работы в тюменском индустриальном институте. Тогда, в ноябре-декабре 1968 г. я и представить не мог, что конфликт с Магарилом зайдёт гораздо дальше, чем в Барнауле с Андреем Троновым и превратится в шоу для сотрудников факультета, в некоторых случаях всего института, и головную боль ректората.

Курс СФХМИ мне дорог, когда через пару лет Магарил захотел от меня избавиться, он просто передал СФХМИ на кафедру технологии основного органического и нефтехимического синтеза (ТООС). Я — следом. Но предшествовали этому процессу манёвры в течение двух-трёх лет «в целях совершенствования учебного плана»: сокращение лекционных часов, замена экзамена на дифференцированный зачёт, затем на простой зачёт, прекращение выделения дипломников (якобы моя тематика не соответствует специальности выпускника), наконец, перевод курса на другую кафедру. Но и на этом Магарил не успокоился и перебросил курс СФХМИ на кафедру общей химии (все, кто учился в институтах, понимают разницу между общими кафедрами и профилирующими). Вот туда я уже не пошёл, достаточно, что там вынужденно ещё в сентябре 1968 г. оказалась Нина, остался на

кафедре ТООС читать лекции и вести занятия по органической химии.

Не открою Америки, чтение лекции — тяжёлый труд. Первоначальная подготовка курса требует раз в 10 больше времени, чем сама лекция, на второй год это соотношение 2:1, на третий год и дальше 1:1. Не знаю, кто как, но перед лекцией я волновался всегда, а после лекции некоторое время сидел без движения. 2 лекции подряд — истязание преподавателя. К сожалению, у составителей расписания не принято считаться с преподавателями: на первом месте возможности аудиторного фонда, на втором — загрузка студентов. Несколько слов о методике чтения лекций.

Всегда сознательно читал лекции по подробному и тщательно литературно обработанному конспекту, это способствует лучшему усвоению материала студентами, меньше лекторских ошибок. Личные наблюдения убеждают, читающие лекцию без конспекта пытаются демонстрировать якобы безупречное знание излагаемого материала, вместе с тем под влиянием эмоций непроизвольно допускают перескакивание с темы на тему, студентам трудно записывать. Студенты на лекциях зачастую лучше воспринимают лектора без «бумажек», однако подобный метод идеален в случаях, когда по окончании лекции студент получает добротный печатный конспект лекции (в те времена — привилегия богатых центральных ВУЗов), реальная оценка выставляется лектору при подготовке и сдаче самого экзамена (лекционного зачёта).

26.01.1974 г. Тюмень. Зачёт по современным физико-

химическим методам исследования.

В ТИИ разработал ещё один, неизвестный в институте лекционный курс «Введение в специальность. Основы методики научных исследований» для студентов-химиков 1-го курса. Курс небольшой (18 часов), но и литературы никакой, как и программы. Всё сочинял сам. И читал с большим удовольствием. В 1-м семестре у большинства студентов глаза ещё горят, не то, что в 7-м семестре, когда они с первой лекции чувствуют трудность освоения СФХМИ и в то же время принципиальную полезность излагаемого материала. Приятно видеть интерес первокурсников к тому, что им рассказываешь. Начинал первую лекцию следующей фразой: «Были ли Вы на старом кладбище (в районе улицы Мельникайте, недалеко от института и общежитий)? Рекомендую сходить. Там есть памятник: здесь в 1893 г. похоронен такой-то, такой-то — инженер. Желаю Вам в будущем такую надпись на памятнике. Слишком многие сейчас называют себя инженерами, сам термин девальвирован (инженер по труду, инженер по информации, инженер по соцсоревнованию…), но мало *Инженеров»*. Впрочем, спустя 35 лет, в начале 21-го века термин «инженер» звучит в российских СМИ редко, гораздо чаще мы слышим о менеджерах. Подмена понятий, соответственно изменение престижности профессий, ещё больно отрыгнётся России.

В ТИИ пришлось читать разные варианты лекций по органической химии. Поясню. В институте существует дневная, вечерняя, заочная формы обучения, причём многие курсы читают как специальностям химического профиля, так и непрофильным. При одинаковом названии подобные курсы отличаются как количеством часов, так и доступностью для понимания. Распределение нагрузки на будущий учебный год будоражит кафедру пару весенних месяцев (скандалы, ссоры, обиды…). Уважаемые заведующим кафедрой лекторы получают лекции и занятия для профильной специальности, что считается престижным. Мне приходилось обслуживать все категории студентов. Удручающее впечатление оставляли лекции вечерникам: ты видишь, что они устали после работы и не в состоянии воспринимать органическую химию, не говоря уж о СФХМИ. На мой взгляд, студенты вечерней и заочной форм обучения (большинство и учится только ради диплома!) технических и естественнонаучных специальностей на 99 % уступают дневникам (о гуманитариях не говорю, не знаю). Я встретил *одного* вечерника-пятикурсника, действительно понимавшего, что он изучает (оказалось, по семейным обстоятельствам 3 года назад перевелся с дневного отделения).

Считал и считаю, в 70-е и последующие годы (в отличие от послевоенных лет) вечернее и заочное образование в химии, где важнейшая составная часть — обширный лабораторный практикум, является профанацией высшего образования. В Тюмени заочники превратились в кормушку для преподавателей в прямом и переносном смысле. Напомню, это был период бума геологоразведки, обустройства нефтяных и газовых промыслов на севере Тюменской области.

Массовое распространение заочного образования порочно в принципе, хотя и сопровождается рассуждениями из сферы благоглупости, дескать, даёт возможность учиться жителям медвежьих углов (легко опровергается просмотром списков студентов). Действительно лет двадцать после войны широкое распространение вечернего школьного и вечерне-заочного институтского образования было оправдано объективной реальностью, необходимостью кормить семью, в первую очередь. Прошло ещё полвека, о вечерних школах напоминают прекрасные советские фильмы типа «Весна на Заречной улице», а вот высшее заочно-вечернее *платное* образование в наш рыночный век расцветает и расширяется. Цель — продажа дипломов. Стало модным подчёркивать, тот-то имеет 2-3-4 высших образования. Характерно крупное объявление в центре Томска (08.01.2007 г.) «Диплом юриста за 10 месяцев». Умный город! Институты простейшим путём (сюда же можно добавить платное дневное образование) решают проблему масла на бутерброд преподавателя, но что получает общество? Иллюзию всеобщей образованности!

В советские времена существовала практика назначения «политически правильных» хозяйственных руководителей. Далеко не всегда проверенные партийным руководством кадры имели образование, соответствующее занимаемой должности. Условием назначения являлось партийное задание и личное обязательство повышать образовательный уровень. С другой стороны, в любой более или менее солидной организации появлялось всё больше работников с высшим образованием, руководитель начинал чувствовать себя недостаточно комфортно. Ликвидация безграмотности под ленинским лозунгом «учиться, учиться и учиться» понималась однозначно: необходим диплом о высшем образовании. Любым способом. Самый надёжный легальный путь — заочное образование.

В начале 70-х на заочном отделении тюменского индустриального института появилась масса руководителей среднего звена из северных районов Тюменской области. Ведомства Муравленко (Главтюменьнефтегаз), Эрвье

(Главтюменьгеология) занялись подготовкой руководящих кадров, непосредственно обеспечивающих поиск и разработку нефтяных и газовых месторождений. Появлялись на сессию мужики из Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска, Уренгоя, Надыма с карманами, набитыми деньгами. Учёба для проформы, главное — положительные оценки. Неоднократно в ТИИ выступал самый известный нефтяник Тюмени, впоследствии замминистра, Фарман Салманов, помню, как убеждал студентов лучше учиться и предпочитать книжку сберкнижке. Но нефтяники-заочники чувствовали себя в Тюмени после северных болот как на курорте, проводя основное время в ресторанах, зачастую с приглашением «нужных» людей из института, т. е. тех, кто способен организовать плавное, без неудов, прохождение сессии. Многие преподаватели, даже без взяток и подарков, делали поблажки нефтяникам-заочникам: они творили великие дела, один Самотлор чего стоит. К сожалению (или к счастью?), времена энтузиастов, работавших не за деньги, а за идею и славу, таких как Салманов, начали уходить в прошлое. Не случайно, заочники 70-х стали основой нефтегазовой элиты в рыночной России. Они влиятельны, с большими деньгами, нередко мелькают на телевизионном экране, однако реальное управление нефтяной и газовой отраслями промышленности оказалось в руках молодых, более образованных менеджеров.

Распространённым феноменом является связь заочника с преподавательницей. Налицо взаимовыгодный альянс: ты мне, я тебе. Страдает общество, государство, получая дипломированного специалиста, не обременённого требуемым набором знаний, и это не громкие слова, а суть проблемы. Пара примеров 100 %-ной достоверности. ТИИ, 70-е. Ассистент кафедры общей химии, крупная незамужняя женщина чуть старше 40, на первой же консультации очередной сессии «кладёт глаз» на физически крепкого и финансово состоятельного заочника. Дальше — дело техники, он 3–4 недели отрабатывает в постели, но не имеет никаких проблем с экзаменами и зачётами, не только по химии. И так не один год, причём заочники регулярно меняются. В моём присутствии она гордилась, что сейчас имеет 17-го любовника, хорошо бы до 20 довести. Думаю, рубеж был превзойдён ещё до моего уезда из Тюмени. Другой пример с той же кафедры. 30-летняя преподавательница выбрала красивого молодого первокурсника дневного отделения, умудрилась женить его на себе, перевести на заочное отделение, выучить, родить…. Вроде бы внешне нормальная семья с некоторым возрастным дисбалансом, вскоре после окончания института брак распался, дипломированный строитель выскочил из клетки.

В конце моей вузовской карьеры, в весеннюю сессию одна из заочниц поставила на стол экзаменатора большую тарелку с крупной земляникой (дорогая, не сезон). Картинка почти как в нынешнем «Поле чудес» на ТВ, только не Якубович перед студентами. Не знал как повести себя с взяткой (подарком?), чтобы не быть смешным в глазах десятка присутствующих заочников (чёрт его знает, может они сбрасывались, как покупают цветы на стол экзаменатора) и не обидеть. В конечном итоге, после экзамена на кафедре землянику мигом коллективно сожрали.

Кроме лекций любил лабораторные занятия продолжительностью 4–6 часов. Появляются возможности для близкого контакта со студентами (на лекции человек 100, а здесь 12–13 человек). Нередко занятия вёл без лаборанта. Помимо непосредственного выполнения работ много индивидуальных бесед на разные темы: от политики до искусства. Помню, как для разрядки читал студентам вслух отрывки из фактически запрещённых произведений Фазиля Искандера («Начало», «Созвездие Козлотура»). Книга издана небольшим тиражом периферийным издательством, в моём сознании Фазиль Искандер — лучший юморист СССР. Любопытно, когда я поделился своим мнением с абхазским поэтом Терентием Чания (муж моей троюродной сестры Гедвиги), понимания не встретил.

Несколько слов о приёме экзаменов и зачётов. Всегда считал, бесполезно следить, чтобы студент не списывал, только собственную нервную систему расшатаешь. Посмотрю исписанные листки и, если всё правильно, начинаю задавать вопросы вразброс по всему курсу. Неподготовленный студент сразу «плывёт». С точки зрения факультетских методистов (бабушки, всю жизнь проработавшие с первокурсниками и заочниками) это неправильный подход к экзаменам, вопросы надо задавать по теме билета. Я оставался при своём мнении, хотя экзаменационные билеты вынуждено подготовил (до этого задавал вопросы без билетов). Однажды принимал зачёт у ленинского стипендиата (не имел ни одной четвёрки за 7 семестров). Задав два дополнительных вопросов по СФХМИ, выгнал самоуверенного студента. Через пару минут появились делегаты от группы с просьбой перенести зачёт на 3–4 дня, чтобы лучше подготовиться. Эффект потрясающий: группа сдала хорошо, а «умник» подтвердил заслуженную репутацию круглого отличника.

Несколько слов о специфичности режима работы в ВУЗе. Занятия преподавателя могут начинаться в 8 утра и в этот же день пара для вечерников в 20.30. Ясно, человек не может

постоянно находиться в институте 14 часов, поэтому преподаватель как-то отлаживает свой режим, чтобы 36 часов в неделю в институте быть. Но доля преподавателей среди сотрудников института 20–30 %, причём количество действительно занятых в конкретное время в учебном процессе существенно меньше. Свободный график работы хотят иметь и те, кто непосредственно не занят обучением студентов. Много раз приходилось видеть, как ректорат пытался навести порядок: стоят кадровики и переписывают тех, кто появляется после 9 утра. К 11 часам отдел кадров начинает «обработку результатов» и тот, кто пришёл на работу после обеда или вообще не пришёл, в обзорную сводку и строгий приказ не попадает. Месяца через 3 процедура повторяется. Реальная эффективность подобных проверок близка к нулю. Ко мне никогда претензий в плане работы не было, так как находился в институте значительно больше положенных часов. Если не было утренних занятий, то до обеда занимался дома написанием статей, обработкой экспериментальных данных, подготовкой к лекциям (вообще утро для меня, типичного жаворонка, наиболее плодотворно). Сравнительно свободный преподавательский график работы позволял нам с Ниной обходиться без больничных листов, когда дети болели, а они в дошкольном возрасте болели постоянно. Удавалось выкроить время для регулярной бани, спортивных занятий и даже походов в кино в дневное время. Подобное невозможно представить при работе на промышленном предприятии.

Один из нелюбимых преподавателями, исключая закоренелых взяточников, разделов учебной работы — участие в работе приёмной комиссии. Лето, жара, большинство сотрудников института в отпусках. Ранее в Барнауле я уже имел опыт набора студентов, знаком с махинациями при зачислении первокурсников, но всё это «семечки» по сравнению с Тюменью. Произносятся правильные высокопарные слова, а у каждого экзаменатора список фамилий, которым надо поставить повышенные оценки. Физики, химики, математики, литераторы действовали по принципу: ты мне, я тебе. Естественно, и я крутился в этой карусели, устраивал в институт своих родственников и родственников знакомых, но никогда денег не брал.

Лето 1971 г. отработал ответственным секретарём факультетской приёмной комиссии, индивидуально знакомился с каждым из 150 поступивших, позже вёл у них две учебные дисциплины, следил за успехами курса до самого выпуска в 1976 г. Неожиданно ребята «забыли» пригласить на выпускной вечер. Вроде бы, случайно. Может быть, но обидно! Впрочем,

общая фотография сохранилась, да и подготовленный стихотворный тост с десятками фамилий.

Запомнилась агитационная поездка в Тобольск, где начиналось строительство нефтехимического комбината, призывал выпускников старинной школы (до революции — гимназия) поступать в ТИИ. Провёл химическую олимпиаду, победителям вручил персональные приглашения с гарантией «отлично» на экзамене по химии. Прошло всё здорово, но немедленно «возбудились» представители местного пединститута (мы что-нибудь такое тоже придумаем). Точно не помню, но 3–4 тоболяка поступили на химико-технологический факультет ТИИ.

Дискомфорт во взаимоотношениях с Магарилом частично компенсировался появлением на факультете новых специалистов. С одним из них мы крепко подружились. Неупокоев Геннадий Иванович. Гена, практически мой ровесник, выглядел гораздо солидней, сказалась производственная школа, пришёл в институт с должности начальника крупнотоннажного химического цеха в Салавате после защиты диссертации. Поступил в ТИИ на должность доцента в 1970 г. и буквально сразу избран деканом ХТФ (Магарил жестоко обманулся, рассчитывая управлять факультетом, как и раньше, в роли серого кардинала).

Мы совершенно разные по складу характера и даже сейчас непонятно, почему сблизились (научные интересы «близко не стояли»). Скорей всего, на «антимагарильской» платформе. Гена постоянно подчёркивал еврейское происхождение Магарила, указывая на характерные признаки в его внешности, но я эту тему принципиально в разговорах не поддерживал. Кстати, я даже не мог понять, откуда он нахватался такой дури, как определение национальности по форме ушей, но в споры не вступал. Я проработал в ТИИ 9 лет, Гена только 2, однако контакты с ним оставили большой след в душе и, в значительной мере, определили продолжение моей трудовой деятельности.

Как-то сразу Гена стал нашим семейным другом. Сколько коньяка мы с ним вдвоём выпили за разговорами о жизни! А жёны отдельно болтали о чём-то своём. В 1972 г. Гену вызвали на работу в Москву. Руководитель Салаватского нефтехимического комбината Л.И.Осипенко назначен 1-м заместителем министра химической промышленности и начал обновлять кадры общепринятым способом — тащить с периферии *лично* знакомых специалистов (иначе московские чиновники съедят любого начальника). Живописная картинка: ректор ТИИ Косухин удивлённо крутит в руках красную правительственную телеграмму с требованием откомандировать Неупокоева в минхимпром.

Гена быстро стал начальником отдела управления науки минхипрома, получил отличную квартиру в прекрасном зелёном районе близ станции электрички «Лосиноостровская», купил дачу в 20 минутах от квартиры на электричке по Ярославскому направлению, перевёз родителей. В Москве я останавливался только у него, сначала в общежитии, затем в зимней квартире и на даче. Невозможно забыть, как через полгода московской жизни утром Надя Неупокоева (жена) спрашивает: «Эрвин! Тебе сколько сосисок сварить, одну или полторы?». И это коренные сибиряки. Столичная жизнь быстро ломает психику, хлебосольство остаётся в прежней жизни. С тех пор я появлялся у них только с полной «авоськой» продуктов.

Гена умер 18.11.1974 г. от рака в 34-летнем возрасте. Потрясение не передать. Примерно, месяц назад я был в Москве, мы обсуждали с Геной его предстоящую командировку в Японию. Кидаюсь в ночь на самолёт, похороны в Подмосковье, поминки (говорят, блестяще выступил), на такси в аэропорт, ночь обратно. Успел даже на занятия, начинавшиеся в 8 утра. Несколько суток перевозбуждения, ни минуты сна. Безвременный уход Гены привёл к жестоким конфликтам в его семье (жена Надя, Генины родители и брат) по поводу московской квартиры и подмосковной дачи. Кого сейчас удивишь подобными коллизиями? Но тогда мне это показалось дикостью. На родном факультете поразила человеческая чёрствость, никто не откликнулся на призыв скинуться на памятник бывшему декану.

Николай Константинович Иванов, доцент, чуть постарше меня, я всегда относился к нему почтительно (Колей не называл). Иванов — человек, спасая которого (на конкурсной комиссии факультета не допустил его увольнения) я углубил затяжной конфликт с «хозяином» факультета. Позже Николай Константинович стал заведующим кафедрой тюменского университета, приложил много усилий, чтобы я перешёл из индустриального института в университет на аналогичную должность. Если память не изменяет, мы ни разу вместе не пили, но остались от Иванова только положительные эмоции, несмотря на его максимализм правдоискателя. Помню недовольство Николая Константиновича по поводу отправки денег, выплаченных мне по решению комиссии по трудовым спорам Магарилом из своего кармана, в Фонд мира.

Лето и осень 1973 г выявили много проблем в семейной жизни («Житейские страсти»), что, конечно, сказалось и на личной производительности труда. Особенно в сфере подготовки к занятиям. Каждый учебный год начинался с запуска хроматографов, спектрофотометров и других приборов. В

учебном процессе это тонкое оборудование работает на износ (гигантская разница между отношением аспирантов и дипломников и текущего потока студентов). Первые записи в дневнике (начал вести 14.10.73 г., дошёл до такого состояния, что посоветоваться не с кем) пестрят заботой о необходимости отлаживать хроматографы. На работе постоянно раздражительный, на что обращают внимание не только Магарил (что понятно, чуть публично его на три буквы не послал), но и Щипанов (зав. кафедрой ТООС).

Поговорил со Щипановым (мужик неплохой, но не тот, что станет за своего сотрудника стеной). Объяснил: любая отрицательная эмоция заводит меня с полуоборота; сильно устаю, проводя занятия по СФХМИ совершенно один без помощи лаборанта; никогда не думал, что у меня могут так ослабнуть нервы. Щипанов вроде бы меня понял и отстал, хотя и не дал требуемого по штатному расписанию лаборанта.

Неожиданно возникли неприятности ещё с одной стороны. 21.11.73 г. на лекцию по СФХМИ без предварительного уведомления с 8 утра посетила методическая комиссия во главе с факультетской «бабушкой» Ореховой, давно переступившей пенсионный возраст, с кафедры общей химии. После лекции доброжелательно поговорили, особых замечаний не было (надо поменьше ходить во время лекции, желательно иметь плакаты со спектрами, расспрашивали о работе лаборатории). Сказали, что претензий к качеству материала нет, скорость чтения лекции нормальная. Желательно больше эмоциональности. Через 10 дней на учёном совете факультета Орехова докладывает о работе методической комиссии и неожиданно заявляет (меня на совете не было), Полле безразлично, доходит что-то до студентов или нет (не видно желания научить студентов). Чушь какая, можно просто посмеяться, не за что больше укусить, но в этот момент не до смеха, Магарил обкладывает со всех сторон.

В институте все ждали больших перемен, вместо Косухина ректором стал Копылов, бывший проректор по науке, неплохо меня знавший. Магарил попытался стать проректором по учебной работе, но не был в Москве утверждён.

Кто-то начал распространять слухи, что Полле уходит в университет. Один из деятелей, близкий к ректорату, говорил, что слышал об этом из разговора на высшем уровне. Кому это выгодно? Нутром почувствовал, это дело рук Магарила. По-видимому, в связи со сменой руководства, когда решались кадровые вопросы, квартирные и т. д., всплыла моя фамилия.

29 ноября 1973 г. был на приёме у нового ректора Копылова. Узнал насчёт квартиры, улучшения условий для завершения

докторской диссертации. Насчёт квартиры не получил никаких обещаний. Порекомендовал обратиться в совет факультета для утверждения плана завершения докторской диссертации, а потом, дескать, мы ещё встретимся. Вышел от него со сквернейшим настроением.

Это не первый поход к ректору насчёт квартиры. Предыдущий состоялся примерно год назад. После обмана в августе 1968 г. ректор Косухин на демонстрации 07.11.1972 г. подошёл ко мне и пригласил зайти после праздника по поводу трёхкомнатной квартиры. Во время аудиенции допустил тактический промах. Косухин спросил, не собираюсь ли я переходить в университет. Вместо отрицательного ответа, я начал рассуждать о зависимости решения от условий работы и о том, что в университете тоже предлагают большую квартиру. Косухин отрезал, нельзя сидеть на двух стульях. И всё, квартира попала другому специалисту. Искренность повредила, очередной жизненный урок.

С уездом из Тюмени Неупокоева, деканом факультета стал Магарил, я понял, уходить придётся. Куда? Когда? Масса верёвок: семья, квартира, доступ к научному оборудованию, проблемы с диссертациями Нины и аспирантки Нагарёвой, перспективы личного роста…. Варианты появлялись, исчезали («Профессиональный тупик»). В данной главе я покажу только попытку перейти на заведование кафедрой в Тюменском университете.

Уважаемый читатель! Я напоминал птичку, безуспешно пытавшуюся вырваться из клетки. Привожу дневниковые записи того периода без купюр, это будет короче последовательного объяснения, в то же время важно для понимания, почему всё-таки пришлось бросить ВУЗ.

30.03.75 г.…*Началась новая попытка перехода в университет. Приглашают на заведование кафедрой неорганической химии. Предварительные переговоры с деканом и Ивановым* [завкафедрой физической химии университета, в главе «Общественная работа» описано, с каким трудом проходил в 1970 г. его конкурс на должность доцента ТИИ] *состоялись в первых числах января. Я поставил 2 условия: передача курса аналитической химии на кафедру и более крупная квартира. Декан обсудил ситуацию с ректором Александровым и 12 января 1975 г. появилось объявление в «Тюменской правде» о конкурсе в течение двух месяцев. Подал заявление ректору ТИИ о выдаче характеристики, а сам напросился на приём к Александрову. 14 января разговаривал с Александровым в присутствии декана Соловьёва минут 45. Александров пел мне дифирамбы и заявил, что передача аналитики — дело более простое, чем квартирный вопрос. Впечатление от разговора —*

неприятное.

В ТИИ события развивались так. Ректор, получив заявление, созвал Захарова [проректор по учебной работе]*, Чемакина* [секретарь парткома] *и ещё кого-то и начали решать, как задержать меня в институте. Партийной дисциплиной — беспартийный, квартирой — жена остаётся, работой — на повышение идёт и т. д.*

15 января вызывают. Захожу в приёмную, направляют сначала к Захарову. Захаров спрашивает, связан ли переход с квартирой. Если из-за квартиры, то, дескать, получишь, но теперь я решил бить в одну точку, только работа. Выхожу в приёмную и жду, пока освободится Копылов. Подсаживается секретарь парткома Чемакин и начинает петь мне дифирамбы. Разговаривали минут 40. Затем зашёл к Копылову и — 30 минут разговаривал с ними двумя: Копыловым и Чемакиным.

Первый вопрос: связан ли уход с Магарилом? Я продолжаю линию: университет — моя «хрустальная мечта». Вопрос: это же Вам не по специальности? Пришлось объяснять про СФХМИ и передачу аналитики. Чемакин: «А почему у нас в ТИИ Вы не возьмёте кафедру общей и аналитической химии?» Объяснил разницу между кафедрами общей химии ТИИ и неорганической химии университета. Копылов: «Связан ли переход с квартирой и обещали ли мне её в университете?» Да, обещали, но главное — работа! Чемакин: «Но там ведь опять придётся ждать квартиру года 2?» Отвечаю: «Здесь ждал 7 лет, ещё 2 подожду. В университете хоть вижу перспективу для своего роста. Здесь же в ТИИ даже если удастся защититься, мне не найдётся кафедры, так как я не инженер.» Копылов: «Разговаривали ли Вы с Александровым?» Пришлось «потемнить» и сказать, что разговор был предварительный и что Александров хотел переговорить с Копыловым после подачи документов.

Всего сейчас уже не вспомнишь, но помню, как и Чемакин и Копылов в голос вспоминали, как они не дали меня в обиду в прошлый конфликт, когда Магарил требовал у руководства раздавить меня.

В заключение ректор сказал, что если они меня отпустят, то только с очень хорошей характеристикой и что они заинтересованы, чтобы мы остались хорошего мнения друг о друге. Окончательно вопрос о выдаче характеристики будет решён после разговора Копылова с Александровым.

Разговор ректоров состоялся и окончился благополучно для меня.

Начал оформлять характеристику. Подписал у Щипанова, затем отнёс к Магарилу [декан]*, неделю она у него лежала. Затем*

на треугольнике [администрация, партбюро, профбюро ХТФ] *(Магарил, Обухова, Амелин) её обсудили и, не показывая мне, перепечатали и отдали в отдел кадров. Я зашёл к Лиде (ОК) узнать, что с характеристикой, она звонила несколько раз к Щипанову, так как там не было его подписи. Оказалось, что в характеристике полностью отсутствует абзац о научной работе, а вместо него написано: «Э.Г.Полле занимается научной работой, но мало уделяет внимания методической работе». Я возмутился, поговорил с Щипановым и тот отказался подписывать такую характеристику. Лида пошла к Чемакину с обоими экземплярами характеристик и тот сказал, что надо подписывать первоначальный вариант и пусть Щипанов сходит к Копылову. Щипанов как будто два раза пытался сходить к ректору, но затем его Магарил уже уговорил подписать второй вариант. Я настоял, чтобы Щипанов просто приложил записку Копылову и оставил этот вопрос на его рассмотрение. Он это сделал, Лида сходила к Копылову, и тот дал указание подписать первоначальный вариант. Так была подписана положительная характеристика…*

31.03.75 г. *Продолжаю. Передал документы в отдел кадров университета и жду. В это время Магарил вдруг поднял вопрос о передаче курса СФХМИ на кафедру общей химии. Часть приборов получила Комиссарова, пришлось даже поругаться с ней, так как она не хотела утром вставать, а я в 12 дня уходил домой кормить детей обедом.*

12 марта истёк срок подачи документов, и я стал ждать Совета. 15 марта Иванов пригласил меня в университет, чтобы решить вопрос об аналитике. Были Соловьёв, Колесников [и.о. завкафедрой, на которую я подал документы]*, Иванов и я. Решили аналитику передать, а в понедельник 17.03 пригласить аналитиков Окунева и Сироткину и попытаться их уговорить. Пришёл в деканат, сидят Иванов, Колесников и Окунев. Декана нет. Он появился минут через 45, исчез Колесников. Появилась Сироткина. Декан заявил, что он разговаривал с ректором и тот подтвердил, что не возражает против передачи аналитиков. Так как Колесникова нет, декан предложил рассмотреть вопрос на расширенном заседании кафедры неорганической химии с приглашением аналитиков, меня, Иванова и декана.*

Позднее оказалось, что вдруг Колесников категорически отказался от передачи на кафедру аналитики (Окунев же ещё в начале января рвался с курсом на неорганику). В этот же день 17.03 Окунев и Сироткина побежали к ректору и Дерябину (проректор по учебной работе, предыдущий ректор). Ректор сказал, что он ничего не обещал относительно аналитики. Дерябин возмутился, что был не в курсе. Не может быть и речи о передаче

аналитики, т. к. студенты уже распределены и т. д. и т. п. На следующий день, во вторник 18.03 Дерябин сказал Иванову, что он меня помнит, против кандидатуры не возражает, вопрос о передаче аналитики можно будет потом без шума поднять, и вообще надо было прийти к нему посоветоваться.

В этот же день декан собрал кафедру неорганической химии, присутствовали 4 человека: Колесников, Шпонько, Ханжина и Слета. Первые трое высказались против моей кандидатуры.

*20 марта состоялся Совет факультета специально собранный по моему вопросу. Резким противником выступил секретарь партбюро факультета Зарубин. Он оперировал фактами, которые могли поступить только от Магарила. Сработала цепочка: Магарил — Комиссарова — Окунев — Зарубин (последние двое всегда вместе пьют). Зарубин даже говорил о моей факультетской характеристике и ещё бог знает что. Совет проголосовал: +8, *3, =1(против Зарубин, Колесников, и человек с кафедры Зарубина).*

21 марта вызвал Александров, спросил о моём настроении, смогу ли я после всего, что говорят, работать. Я высказал мысль, что всё инспирировано и кем-то руководится извне, и если будет положительно решён вопрос о моём избрании, разговоры сразу утихнут. Ведь люди совсем меня не знают, а Зарубина я вообще в глаза никогда не видел. Ректор заявил, что передаёт моё дело в конкурсную комиссию (было 11.30, а конкурсная начиналась в 14.00). После приёма у ректора я поговорил с Ивановым и тот пошёл к Дерябину. Дерябин заявил, что если ректор передаст документы, то меня проведут.

На заседание были приглашены декан и Зарубин. Зарубин опять начал лить грязь, Дерябин его выругал и решил отправить члена парткома (Яклевский) к секретарю парткома ТИИ, а решение по моему вопросу отложить до 13.30 субботы. В субботу конкурсная комиссия собралась, но Яклевский не явился. Отложили до понедельника 24.03 — день Совета, рассматривали за час до Совета. И здесь Яклевский, ссылаясь на Чемакина, дал резко отрицательную характеристику, по всем пунктам противоположную той, что была ранее подписана. Насколько я понял, все были в недоумении и решили моё дело на Совет не выносить. Кстати, из 5 намечавшихся к избранию, было вынесено только 2 дела завкафедрой. Не исключено, что сыграл свою роль и конфликт новый ректор — старый ректор, но Чемакин! — каков подлец?!

Во вторник, 25.03, зашёл к председателю месткома Овчинникову, рассказал. Он обещал выяснить и поговорить с Чемакиным.

27.03 снова зашёл в местком. Овчинников понёс галиматью,

что я не договорился как следует, и что я не партийный и ещё что-то. Чемакин, дескать, сказал, что он ни с кем не разговаривал и возможно Яклевский беседовал с кем-то из других членов парткома.

В 14.30 27.03 пришёл на приём к Копылову. Копылов считал меня уже «отрезанным ломтем». Удивился и не поверил мне. Анатолий Михайлович [Чемакин] *не мог дать такую характеристику. Я настаивал. Копылов: «По-видимому, Чемакин дал объективную характеристику о прошлых событиях». Я настаивал. Копылов звонит Александрову* [ректор университета] *и тот подтверждает мои слова. Копылов говорит в трубку, что, по-видимому, Чемакин был в плохом настроении. Разговаривали долго. Копылов подтвердил положительную характеристику и сказал, кто мол в молодости не совершает ошибки. Стало ясно, что до университета донесли всю грязь, которую месили 3–4 года назад. Копылов сказал, что не будет возражать, если конкурсная комиссия университета изменит своё мнение. Это было в трубку. Далее он обратился ко мне: «Работайте, но как я понял, вопрос окончательно ещё не решён». Мой вопрос: «А как с жильём?» Ответ: «заберите заявление из месткома и верните мне». Оказывается, он уже передал заявление в местком.*

В этот же день мне стало известно, что ещё 26.03 Александров по секрету передал декану Соловьёву, что он всё-таки хочет меня провести.

На сегодняшний день это всё, что мне известно. Настроение поднялось! Сильно задело за душу не отклонение дела конкурсной комиссией, а мерзость Чемакина, который явно выступал с голоса Магарила. Да и сама кампания была тщательно продумана, подготовлена и началась вовремя. Нужно было во что бы то ни стало сорвать выборы сейчас, а дальше видно будет. Копылов же в моих глазах явно поднялся.

01.04.75 г. *Заходила вчера Ирина Максимова* [доцент, ранее работала у Магарила, активный участник антимагарильской коалиции; вынужденно, в связи со слабым здоровьем, ушла в университет; значительно моложе меня, но в живых уже давно нет.] *и рассказала, что там говорят в университете обо мне (на кафедре Зарубина — ботаники). Ужас! И склочник, и бог знает что ещё. Т. е. Магарил провёл крупную работу. Мне же, прямо скажем, оправдываться не хочется. Ни к чему, да и воспринималось бы это как самореклама. Неделю назад порывался пойти в обком, а теперь, после встречи с Копыловым, не вижу в этом необходимости. Ещё приклеят ярлык «правдоискатель». Да, надо защищаться!*

На этом в дневнике заканчиваются записи о попытке уйти в университет. Дальше и писать не было смысла. Три месяца

переживаний, доказательств, что «не верблюд», и всё осталось на своём месте. Кстати, ректора тюменского университета скоро съели, через пару лет я обнаружил его профессором alma mater, томского университета (в мои студенческие годы имя математика Александрова звенело в Томске, как самого молодого доктора наук). Грубая ошибка Александрова в Тюмени, что при организации университета на базе педагогического института, он прежнего ректора оставил первым проректором. В результате Александрову не дали «влить свежую кровь» в старый пединститут. Александров мне лично говорил, что собирается одновременно заменить 8 заведующих кафедрами (я — один из новичков). Старые пединститутские кадры при тайном голосовании отработали, как надо было первому проректору. К сожалению, и я попал в центр конфликта интересов верхушки университета, а подсказчиков о недостатках (мнимых или подлинных) из родного института хватало. Полностью развеялись иллюзии о возможности стать заведующим кафедрой открытым конкурсом без подковёрной борьбы.

Нужен глоток свежего воздуха. И особенно в связи с тем, что с курсом СФХМИ распрощался окончательно. Каждый доцент обязан раз в пять лет пройти через систему повышения квалификации (формы могут быть разные). Кто-то подходил к этому делу совсем просто, скажем, оформлялся в соседний институт, а сам занимался своим делами (от учебных занятий освобождён). Я пытался пробиться на факультет повышения квалификации (ФПК) сначала в МГУ, получил отказ, затем в Ленинградский университет, снова отказ. Тюменский индустриальный институт «рылом не вышел» для помощи со стороны ведущих университетов страны. В конечном итоге в сентябре 1975 г. удалось попасть на ФПК в технологический институт в Ленинграде.

4 месяца в Ленинграде дали море новых ощущений. В институте появлялся далеко не каждый день, да и то ближе к обеду с целью поесть в неплохой и дешёвой столовой для преподавателей. Утром работал в общежитии, оформлял статьи (портфель экспериментальных материалов привёз с собой) в ведущие журналы АН СССР, подготовил две статьи в журнал общей химии, одну в журнал физической химии…

А затем по городу. Месяца два изучал Ленинград по расположению кинотеатров (реклама на неделю, здесь же адреса). Почти каждый день смотрел по художественному фильму. Как-то попал на декаду норвежского кино. Фильм «Жёны». Ничего подобного на нашем экране не видел (голые беременные женщины во всей красе, по-моему, перебор). Насмотрелся кино на

10 лет вперёд.

В Ленинграде многое удивляло, в том числе внешние проявления шовинизма. На стенах домов и панельных заборах антисемитские лозунги. И свастика! Как-то ещё можно понять (не оправдать), когда это делают безмозглые недоросли, но шокировал масштаб лозунгов (1975 год!). Можно по-разному относиться к евреям, но проявления великорусского шовинизма очень быстро перекидываются на другие национальности, а то и просто на «черножопых», «узкоглазых», «лиц кавказской национальности»… Подобный подход для меня неприемлем даже в разговоре. Повторюсь, я никогда не поддерживаю разговоров о повышенной «умности», исключительности евреев, немцев или кого-то ещё. Национальный вопрос является тонкой и крайне чувствительной материей, способной быстро всколыхнуть огромные массы людей и погубить любое государство. Особенно страшно, когда национальную карту начинают разыгрывать политики.

Ленинград красив, но мрачен (стоит отойти от Невского или Литейного проспектов, попадаешь в каменные трущобы). По маршрутам движения иностранных туристов ещё со сталинских времён всё вылизано, а чуть в сторону — караул! Дороги в городе отвратительны. Новые районы, вдали от центра и метро, строятся на достойном уровне, впрочем, вспоминаешь «Иронию судьбы» Эльдара Рязанова.

Трижды по 4–5 часов провёл в многочисленных залах Эрмитажа, больше ноги не выдерживают, да и внимание притупляется. Эрмитаж не имеет конкурентов в России, думаю, входит в первую десятку музеев мира. Нет смысла описывать впечатления, нового ничего не скажешь: великий музей, великие произведения искусства. Завидно только, что дети Санкт-Петербурга с малых лет могут видеть произведения искусства в оригинале и, наверняка, добросовестные учителя рисования этим пользуется. Здесь, в Эрмитаже, остро сознаёшь, как обделены мои дети и внуки. Культурно образовывает даже аура великого музея, мягкие шлёпанцы (чуни?) на входе, разговоры шёпотом перед великими творениями.

Когда видишь огромную великолепнейшую малахитовую вазу 18 века, изготовленную русскими мастерами-камнерезами Урала или Колывани (не помню), и узнаёшь, что в октябре 1917 года её превратили в общественную ночную вазу куражившиеся простолюдины, что-то переворачивается в душе. Как говорил Николай 2-й перед смертью «не ведают, что творят!» И это действительно так.

В Санкт-Петербурге произведения искусства собраны не

только в Эрмитаже, по сути, город (дореволюционная застройка) является музеем. Русский музей, Кунсткамера содержат много удивительных экспонатов. Масса архитектурных произведений: мосты, адмиралтейство, театры. Любил ходить по Невскому проспекту. С интересом разглядывал многочисленные скульптурные группы, начиная с памятника Екатерине в окружении знаменитых любовников перед входом в Пушкинский (Александринский) театр. Медный всадник, скульптуры в Летнем саду, сфинксы — перечислять нет смысла, так как всё основное показано в разнообразных художественных и документальных кинофильмах. Что меня поразило — кладбище при Александро-Невской лавре, где захоронены известные деятели культуры. Великолепны памятники работы скульптора Мартоса (к стыду своему и фамилию раньше не слышал). Посмотрел захоронение зверски убитого декабристами Милорадовича.

Изъездил пригороды Санкт-Петербурга. Прекрасные дворцы Пушкина (Царское село), Павловска и особенно Петродворца (Петергоф), являясь произведениями искусства 18 века, заполнены великолепными картинами и скульптурными группами. Потрясающие парки Петродворца с его фонтанами и Павловска с высокой садовой культурой собирают в выходные дни тысячи и тысячи посетителей. Помню, как в домике Петра в парке Петродворца удивился длине его личной спальной кровати, максимум 180 см (не мерил), а ведь Пётр был ростом 203 см. Гид разъяснил, что в 18 веке было принято спать полусидя (что-то я себе это плохо представляю).

Ну а вечерами театр, не каждый день, 2–3 раза в неделю. Много крупных советских актёров удалось посмотреть «живьём». Билеты в главные театры покупал с нагрузкой, но нагрузка по периферийным меркам очень даже «ничего», скажем спектакль «Лошадь Пржевальского» (о жизни студенчества) в молодёжном театре. Зато удалось посмотреть несколько спектаклей в Большом драматическом театре (БДТ в 70-е, 80-е — лучший театр Советского Союза). Увидеть «живьём» Лебедева, Юрского, Стржельчика, Лаврова в спектаклях Товстоногова даже стоя на одной ноге где-то на галёрке БДТ не каждому посчастливилось. Здание театра явно недостойно великой труппы.

Внешним видом покорил Пушкинский (бывший Александринский) театр, интерьер в позолоте и бархате, царская ложа привлекает общее внимание: кто сегодня там сидит? Фойе и закоулки перед входом в зал заполнены фотографиями великих актёров прошлого и настоящего, сцен наиболее удачных спектаклей. Впрочем, подобные фотовыставки — неотъемлемая составная часть театра, но не все театры могут похвастаться

богатой историей. В таком театре внутренне ощущаешь суть классической фразы Станиславского «театр начинается с вешалки». Чувствуешь собственное плебейство, кажется, что окружающие с осуждением смотрят на грязные ботинки, мятый костюм и портфель командировочного, пытаешься скорей ускользнуть в своё кресло и не подниматься до конца спектакля (даже при наличии двух антрактов). Труппа Пушкинского театра в то время была значительно слабее созвездия артистов БДТ, выделялся актёр и главный режиссёр театра Игорь Горбачёв (неоднократно позже приезжал на стройку Томского нефтехимического комбината).

Потрясла игра Алисы Фрейндлих в спектакле «Дульсинея Тобосская». Отличная игра супружеской пары выдающихся актёров (муж Фрейндлих Игорь Владимиров одновременно являлся главным режиссёром театра имени Ленсовета) сделала знаменитым и модным невзрачный, по столичным меркам, театр. Алису Фрейндлих мне посчастливилось видеть также в Тюмени на каком-то (не помню) гастрольном спектакле, причём сидел недалеко от сцены. Поражаюсь, какую мощную энергию способна выделять эта маленькая, внешне невзрачная женщина. Думаю, Алиса Фрейндлих — лучшая актриса России 70-х — 80-х. Артистка выросла в семье выдающегося ленинградского актёра театра и кино Бруно Фрейндлиха (русского немца, чудом избежавшего трудармии, иначе не состоялась бы в качестве великой актрисы Алиса, талант «засох» бы в каком-нибудь райцентре Северного Казахстана). Жаль, что большинство россиян знакомы с талантом Алисы Фрейндлих только по отличным кинофильмам Рязанова.

Однажды сосед по ленинградскому общежитию «потащил» меня в театр юного зрителя посмотреть игру талантливой молодёжи, к тому же билеты в ТЮЗе дешёвые. Воскресенье, 12 часов, кругом дети с родителями, никогда бы не подумал, что может так понравиться зрелище-сказка. Впервые увидел в театре Георгия Тараторкина, ныне известного актёра. Помню Тараторкина лет через десять в гастрольном спектакле по «Преступлению и наказанию» Достоевского в томском Доме офицеров. Зрители испытали неподдельный ужас, когда Тараторкин (Раскольников) с окровавленным топором над головой оказался в глубине зрительного зала. Никакой фильм ужасов не может дать такой эмоциональной встряски как непосредственный контакт с великим искусством в исполнении выдающихся актёров.

Присутствовал на эффектном представлении зонг-оперы Журбина «Орфей и Эвридика». Эстрадные концерты посещал

реже, проблемы с билетами и их сравнительной дороговизной (минимум в 10 раз дороже, чем на спектакль БДТ). Тем не менее, запомнил виртуозное исполнение английского ансамбля «Douling Family». Один из членов коллектива, поляк, автор песни «Синий платочек» (в СССР все знали её, но только в привязке к Клавдии Шульженко) исполнил своё произведение в сопровождении ансамбля блестяще. Дворец спорта аплодировал стоя.

В свободные от театров вечера играли в карты и слушали (я привёз с собой радиоприёмник ВЭФ-201) с большим любопытством «вражьи голоса», в Тюмени глушили всё напрочь. Мыслей много, поговорить по существу не с кем (коллеги по ФПК из более глубоких медвежьих углов, чем Тюмень). Запомнил прямую трансляцию из Осло по «Голосу Америки» нобелевской лекции А.Д.Сахарова (читала Е.Боннэр). По «Голосу Америки» услышали объявление об открытии в Ленинграде выставки «Техника и жилище США». Мы с Колей Федотовым (жили в одной комнате) попали в первый же день. Правда, простояли 3 часа в очереди и промёрзли до костей (декабрь!). А ведь в городе не было объявлений, ни устных, ни письменных. Километровая очередь поразила воображение, сколько же людей слушают «Голос Америки». Выставка впечатлила, хотя с высоты 2008 г. ничего особенного. Удивил средний размер квартир в США — 94 кв. метра в 70-е.

Из Ленинграда съездил на сутки в Москву отметить годовщину смерти Гены Неупокоева. На поминках присутствовали профессор из Свердловска Георгий Дмитриевич Харлампович, генеральный директор Томского химкомбината Виктор Стефанович Гетманцев и 2 человека из минхимпрома. Вот и все посторонние! А сколько людей при жизни вокруг него крутилось. Харлампович недобрым словом помянул Магарила, назвал его больным человеком и обещал преподнести ему очередной «подарок» в виде отрицательного отзыва к защите докторской диссертации.

Между тем соль на незаживающую рану трудоустройства продолжала сыпаться. Получил несколько писем из Тюмени с одним предложением. Объявлен конкурс на заведование кафедрой органической химии и ТООС тюменского индустриального института (место моей работы). Уговаривают подать на конкурс. Написал Славе Агаеву (доцент кафедры), что это авантюра, хватает конкурса в университете, куда меня официально приглашали. Документы будут поданы на конкурс только в случае поддержки большинством ведущих преподавателей кафедры и ректором. Если поддержки не будет, то всякие переговоры бессмысленны, пустая трата нервной

энергии.

Спускаюсь на ленинградскую землю. Как-то, гуляя по Васильевскому острову, увидел объявление на общественной бане, что открылось отделение люкс с сухим паром. Зашёл и не пожалел.

Отделение работало 2-й или 3-й день. Второй этаж большой общественной бани. Огромный холл-раздевалка с крупными удобными индивидуальными кожаными креслами (идеально сидеть, закутавшись в простыню), бар с большим цветным *работающим* телевизором (1975 год!). По раздевалке бродит культурного вида массажист. Просторная моечная человек на 50–60, работают десяток душевых и две парные. Одна — чисто русская парная с обработкой тела веником, вторая — сауна с температурой ~120?. Я предпочитал сауну. Чисто, светло. Сидят 5–6 мужиков в простынях и «травят» анекдоты. Попотел и под душ, а затем — пиво. Прекрасно!

Я сразу же сделал рекламу бане среди «ФПКашников». Нашлись умники-теоретики, очевидно, с чужих слов указали мне, где самый лучший пар в Ленинграде. Не поленился, по трём адресам ознакомился. Наконец, мне говорят, что лучший пар в городе Пушкин. Поехал. Боже мой, пародия, да и только. Горячий сырой пар, перед парилкой стоят деревянные шлёпанцы (типа голландских), без которых даже на пол парной невозможно наступить, грязь в моечной и раздевалке на уровне провинциальных бань.

Поиски прекратил, убедившись, лучше общественной бани, чем на Васильевском острове, в Ленинграде нет. Определил себе день — пятницу и не пропускал. Приезжал часов в 10 утра, уходил часов в 9 вечера. Самое скверное — это добираться домой после бани (на метро полчаса, затем минут 40 на троллейбусе в общежитие на Стрельне). Иногда со мной приезжали 2–3 сокурсника, но никто из них не был энтузиастом бани. По дороге в баню набирали закуски и сухое вино. Да, да! Я убедился, что сухое вино после сауны лучше пить, чем пиво. Две бутылки по 0.7 «на нос» — вполне достаточная дневная норма. И голова не болит. А местные мужики предпочитали водку. Приходилось видеть, как двое тащат невменяемого третьего в сауну, обратно он выходит своими ногами. И через 15 минут все трое продолжают пить. Явный перебор!

Немало забавных эпизодов связано с этой баней. Скажем, билеты продают на 2 часа. Минут за 15 банщица начинает «верещать»: чьё время вышло? Мы спокойно берём простыню и в сауну, не показываемся минут 20, пока раздевалка не наполнится новыми клиентами. Наконец, одна из банщиц — баба Лиза —

приметила, что мы регулярно посещаем баню, и предложила платить не в кассу, а прямо ей. Нам без разницы, зато вообще проблем со временем нахождения в сауне не стало. Баба Лиза охраняла нас от наскоков других работников бани.

Через два года я привёл в эту баню человек 7 сотрудников ТНХК (занимались приёмкой у итальянцев окончательного проекта завода полипропилена). Стоит огромная очередь, начал искать бабу Лизу. Кассир (злобно): уволили Вашу бабу Лизу! Стоять в очереди не стали. Однажды я всё-таки выбрался. Лучше бы не ходил, что-то бы в памяти осталось доброе. Чисто российская ситуация, красиво начали, а дальше как обычно: грязь, обслуга грубая, кресла заменили «больнично-вокзальными» топчанами, бар и телевизор не функционируют, в душевых барашков нет. Впечатление, что плюнул в собственную душу. Но можно ведь десятки (сотню) лет поддерживать высокий уровень Сандуновских бань в Москве, а ленинградцы считают свой город более культурным.

Завершающим и впечатляющим аккордом четырёхмесячного пребывания в Ленинграде явилось празднование Нового, 1976 года. Ночь в вечернем ресторане «Застолье» (середина Невского проспекта). В компании 9 иногородних «ФПКашников» (5 мужчин, 4 женщины, никто ни с кем, просто одной кучей). Живую музыку обеспечивал на каких-то хитрых приспособлениях человек-оркестр, сам же пел. Игра отличная, и пение и репертуар. Не один раз повторял: «Мой друг Александр Зацепин подарил мне эту песню». В 4:30 мы оказались на Невском проспекте, бродили до открытия метро. В общежитии празднование продолжили. Непривычный эмоциональный подъём, «личный фонтан не закрывался». Много пил, но не перебрал, хотя все мужики «вышли полностью из строя», с удовольствием смотрел 1 января трансляцию хоккейного матча ЦСКА из Нью-Йорка. Недели через две приступил к учебным занятиям в Тюмени.

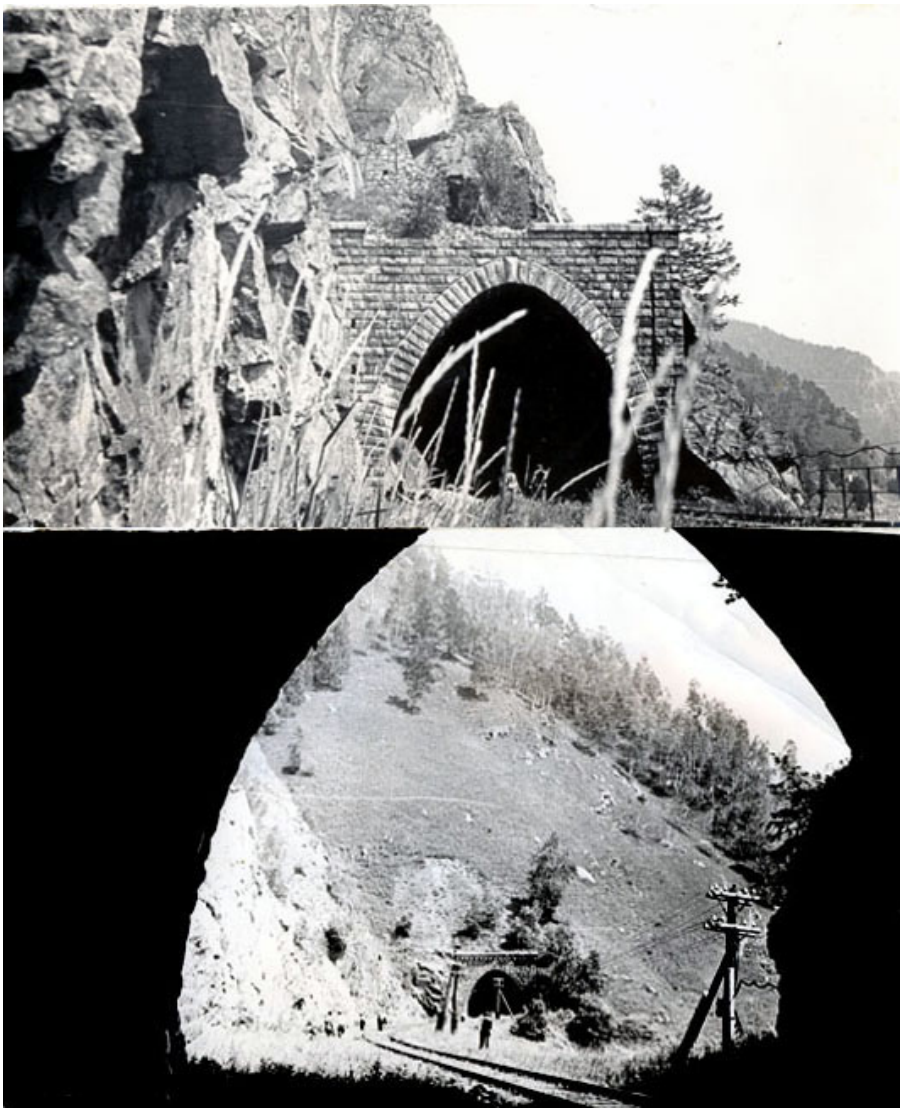
В учебной работе преподавателей есть такие разделы, от которых все пытаются отказаться: руководство студентами на производственной практике и сельхозработах. Главное здесь — ответственность за молодых девушек. Не забуду, как нелепо погибла на практике в Ангарске девушка, симпатичная татарочка, собиравшаяся у меня дипломировать (шли группой вдоль железной дороги, проходящий поезд зацепил подножкой). Руководителю практики эта смерть добавила много седых волос. У меня крупных ЧП, слава богу, не было ни на практике, ни на селе. Может быть потому, что всегда находился вместе со студентами. Проблемы на сельхозработах в Тюменской области связаны в первую очередь с мужским контингентом (либо бывшие

лагерники, которых в города не пускают, либо дебилы; из нормальных мужиков директор совхоза и агроном).

В июле 1976 г. повёз студентов на производственную практику в Ангарск. Гигантский нефтехимический комбинат. В городе отчётливо чувствуется присутствие «химии», иной раз дышать нечем. На комбинате ещё работают несколько крупных установок, вывезенных после войны из Германии.

В Ангарске разместился в одноместном номере с телевизором, как никогда много посмотрел репортажей с олимпийских игр в Монреале. Электричка регулярно ходит в областной центр. Обошёл центр и окраины Иркутска. Старинный сибирский город, напоминающий Томск. Хороша городская зона отдыха на Ангаре.

Июль 1976 г. Чудо света — Байкал.



Июль 1976 г. Из тоннеля в тоннель вокруг Байкала.

Главное впечатление месяца — Байкал! Дважды ездил со студентами в выходные дни на Байкал. Первый раз повёз студентов (35 человек, из них только 2 парня) в район Слюдянки. Группа мало похожа на туристов и выглядела экзотично. Одеты и обуты как попало. Ни одного рюкзака, палатки, одеяла, провизию… несли в сетках, сумках.

Приближаемся к цели, прелесть неописуемая. Крупные синие и красные дикорастущие цветы поразительно насыщенных расцветок среди каменных осыпей, слюда под ногами при движении от электрички к озеру. Вода прозрачная, вкусная, очень холодная, глубина начинается прямо с берега. Говорят, есть на Байкале места, комфортные для купания, например, остров

Ольхон, но я там не был.

10.07.1976 г. На берегу Байкала (район Слюдянки) со студентами.

Перед поездкой в Слюдянку купил набор юному рыболову. В качестве наживки использовал кузнечиков (оказалось, дождевых червей рыбаки возят из Иркутска). Самое удивительное, в течение первых 20-ти минут (ещё даже лагерь не разбили) поймал трёх омулей, да попались такие приличные экземпляры, что первая рыбина крючок разогнула. К счастью, леска была новая и выдержала. Получилось ведро отличной ухи. Кстати, невдалеке рыбачил иркутский «абориген» со спиннингом и за 2 дня поймал всего 4 штуки. Кстати, на Байкале рыболовные снасти имеют

особенности, впечатлили высокие поплавки, видимые при забросе спиннинга метров на 50. А я с деревянной палкой в метра полтора и детской удочкой с маленьким пластмассовым поплавком. Думаю, просто повезло, случайно попали на место, где у берега грелась небольшая стайка омуля. Три кузнечика, три поклёвки, три рыбины. И всё. Я был очень доволен, пытался ещё что-то поймать. Девицы расползлись по косогору ловить кузнечиков, но хорошего помаленьку.

Ещё раз на Байкале был в месте рождения Ангары (Листвянка). Добрались на автобусе (5 человек, большинство девушек пожалели ноги), провели на Байкале полдня. Пытались попасть в знаменитый лимнологический музей Байкала, расположенный в Листвянке. К сожалению, в музей пускали только организованных туристов. Из Листвянки добирались до Иркутска по Ангаре на «Ракете», дальше электричкой. Не хватает слов для выражения положительных эмоций от встречи с одним из немногих действительно чудес света — озером Байкал.

3 сентября 1976 г. выехал с большим количеством студентов на сельхозработы в Казанский район, причём студентов разбросали по множеству деревень. Юг Тюменской области, степь с большим количеством озёр. В некоторых ихтиологи экспериментально разводили ценные речные породы рыб: муксун, сырок. Как-то подъезжаю вечером к селу, где располагалась моя штабная точка в виде кровати в домике двух стариков. В центре села приличное озеро. Вижу несметное количество громко орущих чаек, по берегам бабы суетятся, тряпками, марлей вылавливают сеголеток муксуна, которые высовывали рты над поверхностью воды, пытаясь глотнуть кислород. Среди рыболовов и мои девчонки, на следующий день уже ели солёного муксуна. А произошло элементарное колхозное разгильдяйство, с птицефермы слили (или смыло) в озеро куриный навоз и запущенный весной дорогостоящий молодняк ценнейшей рыбы потравили. Уж не знаю, кто за это безобразие отвечал (и отвечал ли), огромные убытки просто списали.

В этот сентябрь основное время провёл в переездах на перекладных из деревни в деревню, никакие автобусы внутри района не ходили. Обычно добирался до райцентра Казанка и около «заготзерна» ждал транспорта в попутном направлении. В основном это были грузовики, перевозящие зерно. Большинство водителей пьяные. Однажды я даже вылез из машины прямо на пустой дороге. Водитель гружённого зерном автопоезда (с прицепом), был настолько пьян, что ни стоять, ни ходить был не способен, укрывной брезент полоскался как флаг, зерно сыпалось по дороге. Такого я не видел в студенческие годы на

сельхозработах, хотя в основном занимался перевозкой зерна.

По результатам этой «колхозной деятельности» дважды положительно отмечался в институтской газете «За инженерные кадры», в т. ч. о вынесении благодарности «за хорошую организацию работ и ударный труд на уборке урожая» (под большим секретом, чтобы не узнал Магарил, об этом меня предварительно уведомил один из членов парткома). Заслужил, наконец, одобрения и в сфере «учебной» работы.

Одним из важных разделов учебной работы является руководство дипломниками, я их использовал при решении конкретных научных задач (подробнее в следующей главе). К 1977 г. Магарил практически закрыл для меня возможность использовать дипломников. Известно, «нормальные герои всегда идут в обход». Так попытался и я.

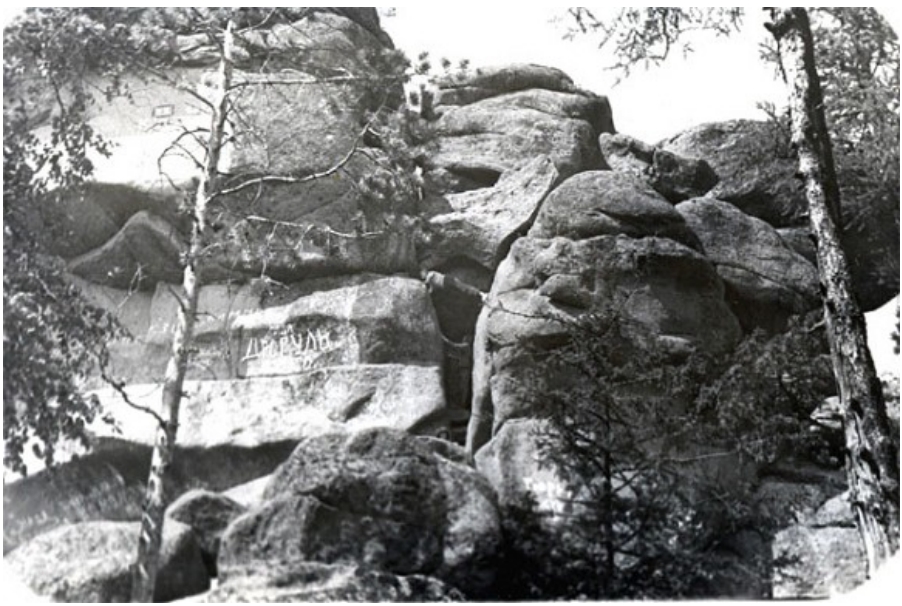
В 1976 г. на научной конференции в Риге познакомился с профессором из института химической физики (Черноголовка) Михаилом Львовичем Хидекелем, работавшим в научной области, соприкасающейся с моей тематикой. Разработали планы совместных работ, в т. ч. с использованием совместных дипломников и аспирантов. Я отправил из Тюмени Хидекелю письмо о согласовании с ректоратом ТИИ выделения одного аспиранта с 01.02.77 г. (официальный руководитель — М.С.Захаров), нескольких дипломников. Кроме того 2–3 дипломников обещали в тюменском университете. Возвращаясь из Болгарии в августе 1976 г. посетил Черноголовку и лично обговорил с Хидекелем детали совместной работы.

Ближе к утверждению тем дипломных работ опять возникли проблемы с Магарилом. В качестве декана категорически отказывается утверждать мои темы, как непрофильные специальности. Тлеющий конфликт вновь вспыхнул. Пришлось идти к ректору, объяснять про командировку дипломника и эксперимент в Черноголовке. Копылов разрешил использовать одного из подобранных мной дипломников *ленинского стипендиата* Сушко.

К сожалению, с таким трудом пробитая совместная работа с Черноголовкой закончилась конфузом для меня, но практически и к счастью незамеченным в ТИИ Магарилом и ректоратом. Через неделю после прибытия студента в Черноголовку звонок. Тот руководитель, к которому Сушко прикрепил Хидекель, не признаёт темы, с которой Сушко появился. Дескать, в Черноголовке впервые сталкиваются с ситуацией, когда дипломник приезжает со своей темой. Направил его напрямую к Хидекелю. После ещё нескольких панических звонков понял, что смышлёным москвичам нужны только рабочие руки, и

скомандовал возвращаться. Полтора месяца дипломника пропало впустую. Но ведь спрос за дипломника будет с меня. А учитывая историю вопроса…

Мало было мне ленинградской «научной мафии» (следующая глава), так вляпался в подмосковную. Только дураки не могут учиться даже *на собственных* ошибках. Более омерзительного состояния давно не испытывал. Срочно пришлось изменить программу эксперимента, пойти по отлаженной годами схеме, дипломная работа была готова в установленный срок и с необходимым качеством. Однако уязвить меня Магарил всё-таки смог.



Июль 1977 г. Красноярские «столбы».

Конфликт разгорелся по ходу работы ГЭК в конце июня 1977 г. Магарил подготовился и переиграл меня. Защита Сушко приказом определена в 14 часов, а вызвали его в 12, когда меня не было в институте, более того отсутствовал единственный член ГЭК с нашей кафедры. Я не слышал защиты, Сушко получил «хорошо». Казалось бы, ничего страшного, большинство дипломников так защищаются, но эта первая четвёрка в студенчестве лишала Сушко «красного» диплома. В завершении работы ГЭК на расширенном учёном совете факультета председатель А.И.Наровлянский (главный инженер Тобольского нефтехимического комплекса) начал и много говорил о несоответствии дипломных работ Сушко и Ивановой (вторая моя дипломница) специфике профессии. Тут я взорвался. Высказался и о нарушениях положения о публичных защитах и о том, что в

составе ГЭК отсутствуют представители фундаментальных разделов химии: физической, органической, неорганической. Говоря о тенденциозности подхода ГЭК, подробно разобрал работы Сушко и Ивановой, высказался, что ГЭК не понял, что фенольная, нитробензольная, фурфурольная очистки масел представляют собой процессы комплексообразования. Недопустим стиль работы ГЭК, когда вопросы дипломнику задаются с усмешкой.

Раздалась резкая реплика Магарила: «Не учите ГЭК! Регламент!» Меня поддержал проректор Захаров: «Критика снизу, пусть говорит!» К сожалению, в выступлении чётко не прозвучало, что именно Магарил — инициатор тенденциозности. Конечно, можно было выступить и лучше, но экспромт, если это не одна фраза, редко бывает удачным. В ответном слове Наровлянский доказывал доброжелательность ГЭК, обвинил меня в инсинуациях, высказал мысль, что в научной среде выступать так, как я, некорректно. Думаю, председатель ГЭК не был в курсе наших взаимоотношений с Магарилом, но не сомневаюсь, хорошо им подготовлен.

Демагогией и разговорами за моей спиной Магарил добился того, что и Сушко начал публично рассуждать, что я виноват в лишении его «красного» диплома. Такое простить невозможно, когда через год талантливый Сушко попробовал устроиться в ЦЗЛ ТНХК, отказал ему. Кстати, и Магарилу, который в 1978 г. пытался выйти на рабочие контакты с ТНХК (хоздоговора, практика студентов…), однозначно «дали от ворот поворот».

Июль 1977 г. Красноярские «столбы». Я справа.

Сразу после памятного ГЭКа улетел в Красноярск организовывать производственную практику на заводе синтетического каучука, прощальная работа в тюменском индустриальном институте. Хорошо запомнил встречу студенток 7 июля (день Ивана Купалы) на железнодорожном вокзале. Пока на перекладных (автобус, трамвай) добирались до заводского общежития, девушки были совсем мокрые, даже перестали реагировать на веселящуюся молодёжь с вёдрами. Кстати, день Ивана Купалы всё больше превращается в дурь, ночью бесчинствуют (половозрелые) великовозрастные балбесы,

выворачивают дорожные знаки, перевёртывают и растаскивают лодки, киоски, перегораживают проезжую часть даже центральных дорог, днём дети и подростки хулиганят с водой. Для меня день Ивана Купалы — ориентир, пора заготавливать берёзовые веники.

Устроился в двухместном номере дрянненькой гостиницы автовокзала в центре Красноярска отдельно от студентов. Свободное время посвятил знакомству с городом.

Красноярск — красивый город вдоль Енисея, основная промышленная зона с правой стороны и обслуживается самым «рабочим транспортом» — трамваем, на левой стороне — троллейбус. С левой стороны Енисея отличная набережная, не хуже, чем где-нибудь на Чёрном море. Великолепный центральный парк культуры. Летняя зона отдыха спланирована на одном из островов посредине Енисея, напротив центра города. В 45 минутах на «Ракете» расположен Дивногорск, выше Красноярская ГЭС и море с тёплой водой. Незабываемое место — Красноярские «столбы», груды камней, некоторые высотой в 95-105 м. В выходные дни много желающих полазить, причём все местные «идут на штурм» в подвязанных галошах. Самые сложные маршруты оказались для нас недоступными. Имеется канатная дорога, сверху виден весь Красноярск, огромная разница в загазованности правого и левого берега.

Июль 1977 г. Красноярские «столбы». Я слева.

Организовал экскурсии для студентов и сам с интересом осмотрел комбинат химических волокон, городские очистные сооружения (пропускная способность — 250 тысяч кубометров стоков в сутки).

С интересом побывал на чемпионате СССР по вольной борьбе.

Красивое зрелище. Близко рассмотрел олимпийских чемпионов Дмитриева, Пинигина, Ярыгина, Тедиашвили, Андиева, Али Алиева…

Обследовал бани в центре Красноярска. Ничего лучше тюменской железнодорожной бани не нашёл. Что новое — попробовал пихтовый веник. Кто-то хвалит, а мне не нравится. Наверно, в прохладной парной такой веник и эффективен, но в жаркой просто тело обжигает.

В выходные дни организовывал выезды студентов с ночёвкой как вверх по Енисею, так и вниз. Потрясающе красиво! Для тех, кто не очень боится комаров.

В завершение темы учебной работы в ТИИ хочу напомнить, что начал в нём работать в возрасте 27 лет, немало сделал и чувствовал, в 36 лет нельзя останавливаться в росте.

Научная деятельность

В учебном институте главным является обучение студентов, для молодых преподавателей стимулом к росту является научная работа. Преподаватель ВУЗа без учёной степени и звания — никто, по социальному статусу недалеко ушёл от лаборанта (к слесарю-сантехнику относятся с большим уважением). Защитил кандидатскую диссертацию, можешь претендовать на учёное звание доцента. Для подавляющего большинства преподавателей (особенно женщин) это потолок, хотя существует формальный порядок, кандидат наук немедленно приступает к работе над докторской диссертацией, пишутся и переписываются планы…

На фоне основной массы преподавателей ТИИ удалось неплохо раскрутить научную работу. Не хочу никого конкретно обидеть, в 1968 г. институту исполнилось всего 4 года, шло трудное становление коллектива и учебного процесса, приехавшим с разных мест преподавателям было не до науки, хотя каждый торжественно клялся уделять ей максимум внимания.

Помимо личной амбиции несколько факторов способствовали научному прорыву:

— никто не мешал работать (сам себе научный руководитель, к тому же ректорат сдерживал закулисные манёвры Магарила);

— относительная самостоятельность (курс СФХМИ создавал и преподавал студентам 4-го курса единолично, здесь же отбирал талантливых и трудолюбивых студентов);

— квалифицированная рабочая сила (дипломники);

— набор современного физико-химического оборудования;

— великолепная, по тем временам в СССР, вычислительная техника.

Последний фактор требует дополнительного пояснения. К концу 60-х появилось много марок простейших настольных вычислительных машин, как отечественных, так и импортных (ГДР, Чехословакия, Болгария). Поступали машины механические, электронные и смешанные. Первые электронные настольные ЭВМ (скажем, типа «Вильнюс») с одной стороны отличались исключительным удобством в работе и быстродействием по сравнению с «Феликсом». С другой стороны, ЭВМ этого типа способны были «не поморщившись» выдавать неверный результат, приходилось регулярно перепроверять результаты на других калькуляторах. Неуверенность в правильности результатов мгновенно отбивает у пользователя охоту к конкретной ЭВМ.

Более надёжно (любой сбой в расчётах немедленно вызывал остановку) работали электрические механические машины типа «Sellatron» (ГДР), но они работали шумно, к тому же их ремонт представлял проблему, тогда как у отечественных ЭВМ ремонт состоял в простой замене испорченных блоков. В «надёжности» многообразия калькуляторов конца 60-х и первой половины 70-х годов можно было убедиться, заглянув на склад кафедры технологии нефти и газа ТИИ. Десятки счётных машин, купленных за бешеные, по моему восприятию, деньги, превратились в не нужный хлам, ожидающий нормативного времени списания.

Летом 1972 г. на пляже в Сухуми у меня состоялся интересный разговор с интеллигентным армянином (жена — француженка), приехавшим в гости с Ближнего Востока (боюсь соврать, из Бейрута). Он рассказал, что хозяин их крупной ювелирной фирмы, еврей, не признаёт электронные калькуляторы, пользуется только деревянными счётами, которые ему регулярно привозят из России. Любопытный факт косвенно подтверждает ненадёжную работу электронных калькуляторов первых поколений. Постепенно ситуация изменилась. В середине 70-х комиссионные магазины Советского Союза заполнились импортными карманными калькуляторами, надёжными в работе и сравнительно дешёвыми (100–150 рублей при окладе доцента 280 рублей). К сожалению, отечественная индустрия калькуляторов и персональных компьютеров к концу 70-х полностью и надолго (навсегда?) проиграла конкурентную борьбу за рынок с японскими и американскими производителями.

В Тюмени поставил задачу выйти на «большую» ЭВМ. Прослушал факультативный курс по языкам программирования Алгол и Фортран. Составил программу для ЭВМ «Наири-2», позволяющую методом наименьших квадратов рассчитать уравнение прямой линии по экспериментальным результатам. Для специалистов — примитив, для меня достижение. «Выбил» время работы ЭВМ, в основном ночью. Наладка программы заняла несколько дней. Затем требовалось каждый раз «набивать» на перфокарты экспериментальную информацию. Для моих диссертантов и дипломников возможность обсчитывать результаты на «Наири-2» — счастье. Кстати, эта программа четверть века хранилась в моём письменном столе как память о прошлой научной деятельности, хотя давно уже не функционируют ЭВМ типа «Наири-2». Да и сама аналогичная задача ныне не требует ночных бдений в вычислительном центре, всё быстро решается на персональном компьютере, стоящем на рабочем столе.

Первые годы в ТИИ получал в руководство до 5 дипломников. Дипломник — лучшие руки для эксперимента, если студент трудится в тесном контакте с руководителем, видит интенсивную работу самого руководителя (очень важно!) и реальный интерес к плодам своей деятельности. К сожалению, заинтересованность в экспериментальных результатах зачастую приводила к тому, что времени на подготовку к хорошей защите дипломной работы, теоретическому осмыслению материала у студента практически не оставалось. Поэтому, даже при отличных результатах, оформленных *мной* в виде статей в специальные журналы, дипломники защищались не лучшим образом, одна даже «уд» получила. Члены ГЭК не понимали сути выполненных работ, что давало повод глубокомысленно рассуждать на учёном совете факультета о высоком научном уровне дипломных работ, но оторванности тем от специальности конкретных студентов. В результате, добиваться выделения очередных дипломников приходилось с боем, подключая ректорат.

Экспериментальные материалы, наработанные дипломниками, становились частью защищённых в Свердловске кандидатских диссертаций (Нина Полле, Валя Нагарёва), в свою очередь, потенциальными главами моей несостоявшейся докторской диссертации. Эксперимент оформлялся в виде научных статей и докладов, которые я старался печатать и излагать в центре (в Тюмени публиковался и выступал на конференциях тоже, но «столица деревень» — значительно более глухая научная периферия, чем Томск, хотя и ближе расположена к Москве).

Эффективность научной работы существенно возрастает, когда автор не просто печатает статьи, но и участвует в дискуссиях, демонстрирует своё видение конкретной проблемы открыто, не боясь выглядеть дураком в кругу себе подобных. В Тюмени оппонентов моему научному направлению не было, активно искал выход на Москву, Ленинград, Прибалтику, Свердловск (позднее). Чувствуя поддержку ректората (не отказывали в поездках, хотя командировочные расходы для ВУЗов — сложность, приходилось ездить и за деньги менделеевского общества) я пять раз вылетал из Тюмени на Всесоюзные совещания по близким мне проблемам. На каждом лично выступал с 1–2 докладами, в т. ч. и на пленарных заседаниях. Среди участников, помимо представителей ВУЗов, сотрудники академических и отраслевых институтов, закрытых «ящиков»…

На крупных научных форумах отчётливо заметен элемент безнравственности в научной среде. Приёмы некоторых участников совещаний: доклад заявлен, включён в повестку,

напечатаны тезисы, докладчик на месте, но от выступления уклоняется. Боится критики присутствующих оппонентов. А печатная работа («печработа») в списке научных трудов уклонившегося докладчика зафиксирована. Из хорошо знакомых к этому типу «докладчиков» относится профессор томского университета Г.Л.Рыжова. Но уж если среди присутствующих нет компетентных специалистов по конкретной проблеме, такие докладчики заливаются соловьями. Противно, тем более на симпозиумах не так много людей, желающих слушать «чьи-то бредни» (завышенная самооценка большинства). Как правило, все участники собираются на первое пленарное заседание. В будущей своей работе это неписаное правило я учёл при организации десяти совещаний по проблемам и перспективам Томского нефтехимического комбината. Секционные совещания нередко превращаются в клуб докладчиков, т. е. руководитель секции и 10–15 докладчиков, причём распространено: сделал доклад и ушёл. Говорить желают многие, а вот слушать (*и слышать*) чужую работу мало желающих. Исключение — доклады общепризнанных корифеев, а они, как правило, выступают на пленарных заседаниях.

Главное положительное влияние симпозиумов, крупных научных совещаний — *общение в неформальной обстановке* с научными работниками, работающими в одной сфере и известными по публикациям. Завязываются бесценные научные связи. Иной раз мигом разочаровываешься и понимаешь, что результатам некоего деятеля верить нельзя. Всегда остаётся достаточно времени для знакомства небольшими группами коллег с местными достопримечательностями.

Я уже писал («Жизнь первая. Аспирант»), впервые на 2-й симпозиум по физико-химическому анализу жидких систем попал, «обкатывая» результаты диссертации среди квалифицированных специалистов. В Яремче (май 1967 г.) познакомился с известным по химической литературе профессором Абрамом Яковлевичем Дейчем из Риги. Наметили план совместных работ.

В апреле 1969 г. на 3-й симпозиум в Ригу прилетели вдвоём с Ниной (детей оставили у родителей моей дипломницы, будущей аспирантки Вали Нагарёвой). Председатель оргкомитета — А.Я.Дейч. Для института гражданской авиации, в котором работал профессор, тематика симпозиума не профильная и оргкомитету пришлось трудно с организацией мероприятия (основная часть докладчиков размещена на турбазе «Вайвари», 50 минут на электричке). По блатному списку Дейча мы с Ниной попали в типичную для того времени занюханную гостиницу по

8-10 человек в комнате, рядом с вокзалом, зато в Риге. На симпозиуме услышали немало интересного, значительно расширились личные контакты. Дейч познакомил с академиком Усановичем из Алма-Аты (единственный докладчик, удостоенный одноместного номера), неплохо знавшим моего учителя Б.В.Тронова. 7 пленарных докладов и 131 секционных. Наше с Ниной сообщение «Спектральное определение концентраций молекулярных комплексов в неравновесных системах» сопровождалось оживлённым обсуждением. Скептиков хватало.

В свободное время изучали столицу Латвии. Рига произвела впечатление. Прежде всего, старая Рига. Домский собор (13 век), величественный и строгий. Случайно увидел афишу об органном концерте, купил билеты и не пожалел. Оказалось, орган восстановлен в конце 60-х западными мастерами, собор стал государственным концертным залом. Теперь, надо думать, снова действующий собор. Внутри собор производит ещё большее впечатление, чем снаружи. Высоченные своды, великолепная акустика, число слушателей более 2-х тысяч человек. Музыка органа объёмна, обволакивает слушателя, почти усыпляет. Музыка растворяется в твоём организме как углекислый газ в шампанском. После окончания концерта далеко не сразу удаётся прийти в обычное состояние, музыка уходит не спеша как пузырьки из открытого бокала. А исполнявшиеся мелодии вспомнить (напеть) невозможно. Следующие поездки в Ригу сопровождались ритуальным посещением органных концертов в Домском соборе. В соборе начинаешь понимать, какое воздействие на психику оказывают проповеди в сопровождении органа.

Вывод очевиден, Рига в культурном отношении ближе к Европе, чем Тюмень или Барнаул.

Любил посещать рижские церкви: скромные лютеранские, разукрашенные православные, величественные католические. Не заходил в мечеть и синагогу, ограничился внешним осмотром.

Забавный случай произошёл в старинной лютеранской кирхе. Трое участников симпозиума зашли в воскресенье во время утренней службы. Несколько сот человек стоя слушают проповедь на латышском языке. Один из наших, высоченный мужик из Челябинска, решил поближе рассмотреть кафедру и пастора. Он почти добрался до первого ряда молящихся, как раздалось «аминь». Прихожане упали на колени, наш мужик стоит практически перед пастором, оглянулся и бухнулся на колени. Мы выскочили из кирхи, смеялись так громко, что привлекли внимание прохожих.

Ранним утром кривые мощёные улочки старой Риги,

пропахшие отличным кофе из маленьких в 2–3 столика кафе — нечто особенное, трудно поддающееся описанию. Повсеместно ощущаешь давление старины. Прекрасно смотрится пригород Риги, протянувшийся вдоль рижского взморья — Юрмала (турбаза «Вайвари» — часть её). Отличные песчаные пляжи. К сожалению, ни разу не удалось покупаться в Балтийском море, «бедную науку» принято собирать в межсезонье, так как разместить одновременно 200–300 человек, из которых несколько десятков человек «с претензиями» всегда проблема.

Впервые, в Риге увидел культурные кладбища, могилу Яна Райниса, совместные захоронения погибших в войне (независимо на какой стороне воевали) латышей. Здесь, на Рижских кладбищах, сознаёшь, насколько далека Россия от цивилизации, коммунистический режим ещё дальше откинул Россию в нравственном отношении (если государство не заботится о живых соотечественниках, и в этом духе воспитывает молодёжь, то зачем думать об ушедших?). Уже позже, в 90-е, латыши, литовцы, эстонцы специальными авиарейсами вывозили из Сибири останки своих соплеменников, двумя волнами (1940–1941, 1946–1950 годы) сосланных ретивыми строителями коммунистического общества. Это государственная политика национальных лидеров, восстановивших самостоятельность Латвии, Литвы, Эстонии. Благородная политика, ориентированная на человека. Впрочем, перевозились останки тех, у кого остались в Прибалтике заинтересованные родственники и есть, кому хлопотать. Мои родственники (по мужу младшей дочери) — латыши, привезены в 1949 г., умирают в Томской области по очереди в нищете и никому в Латвии не нужны ни они, ни их останки.

Рига была и остаётся многонациональным городом с соответствующими проблемами. Конкретный случай описан выше («Происхождение и родственники. Полле Нина Николаевна»).

В сентябре 1971 г. на 4-е совещание по физико-химическому анализу жидких систем в Ворошиловград (Луганск) вывез аспирантку Валю Нагарёву (без доклада). Рассматриваю старые программы, и мне до сих пор непонятно, по какому принципу однотипные научные сборища назывались то симпозиумами, то совещаниями. Научные бонзы из центра совещание в Ворошиловграде проигнорировали (Прибалтика им больше нравится), тон задавали киевляне, прежде всего школа профессора Ю.Я.Фиалкова. Докладов больше, чем в Риге, но уровень дискуссий пожиже. Большинство сообщений прошли вообще без вопросов, в том числе и мой доклад (соавтор — Нина). Кое-что полезное из совещания извлекли, как минимум для расширения кругозора Нагарёвой.

Город Ворошиловград ничем особым не запомнился, кроме звона трамваев рядом с центральной гостиницей (размещены участники совещания отлично), утром невозможно было спать. Обычная зелень. Ворошиловград не выглядел чистым, что непривычно для южных городов.

Съездил на экскурсию в Краснодон. Маленький одноэтажный шахтёрский городишко весь в терриконах с тяжёлым запахом сероводорода, похоже, со времён Молодой гвардии мало изменился. Но музей красивый. Не экспонатами (лежит большой зелёный огурец, под ним подпись: огурец выращен таким-то молодогвардейцем в бутылке — чушь какая-то!), но архитектурой. На крыльце сидят 2–3 пенсионера, бывших молодогвардейца, ждут вопросов и стаканчик вина. Я и раньше скептически относился к сознательному искажению картины гибели молодёжи Краснодона. Много безвинных ребят сброшено в шахту, но ведь не за подвиги, расписанные Фадеевым. Методы выявления врагов гестапо и НКВД мало отличаются: из одного-двух слабых выбивают любые нужные показания, приближается фронт, разбираться некогда, всех ликвидируют и пытаются спрятать концы в воду. Во времена хрущёвской оттепели некоторые историки пытались разобраться с фактической деятельностью Молодой гвардии, им быстро заткнули рот под предлогом, что молодёжь надо воспитывать на положительных примерах. Так и стоит музей Молодой гвардии как памятник сталинской пропагандистской машине оболванивания молодёжи.

На обратной дороге из Ворошиловграда в Тюмень сделал крюк через Киев (аспирантка полетела напрямую). Понимал, придётся нудно объяснять главному бухгалтеру причины перерасхода командировочных, но не использовать момент, чтобы посмотреть Киев не смог. Вторая половина сентября. Золотая осень. Киев прекрасен. За сутки сумел бегло ознакомиться с центром: Владимирская горка, несколько раз прошёл туда-сюда по Крещатику, заглянул на центральный рынок — это сказка, даже с учётом того, что приходилось видеть южные рынки в Алма-Ате и Бишкеке. Проехал с автобусной экскурсией по городу, ухоженные деревья, море цветов, чистые улицы. Днепр красив, киевляне его любят, но своей мощью, несомненно, уступает Оби.

В 1973 г. дважды приезжал в Прибалтику. В марте в Ригу. Сделал два доклада, остальное время пили пиво и обсуждали научные проблемы с Валентином Аникеевым, приехавшим из Барнаула, и Щипановым (заведовал кафедрой, на которую я ушёл от Магарила). Размещены в новой гостинице «Даугава», прекрасный вид из скромного двухместного номера на одноимённую реку. Как-то втроём мы спустились в ресторан, мест

нет, устроились за стойкой бара, посасывали водку, запивая соком манго, и принялись наблюдать местную публику. Разница в поведении с посетителями сибирских ресторанов бросается в глаза. Вот за столом сидят 8 девиц, посреди одна бутылка вина, никакой закуси. Оркестр заиграл красивую музыку, свет в зале выключили (слабое освещение только у нашей стойки), девицы пошли нарасхват. В 23:30 свет включили, ресторан закрывается. Деталь запала в память, я неоднократно приводил собеседникам эпизод в качестве сравнения нравов в Риге и Тюмени, обычно в Сибири клиентам напоминали о прощании выключением или миганием света. Впервые я видел «живьём» обилие проституток с близкого расстояния. Нам, троим, этот контингент без надобности, но наблюдать интересно.

В Риге продолжились контакты с профессором Дейчем (кстати, интенсивная переписка с ним продолжалась до переезда в Томск, когда я полностью прекратил работу в прежнем направлении). Существовали планы публикации совместной монографии по разрабатываемой мной теме (я пишу, он издаёт). Не получилось. Мне такое «соавторство» претит, тем не менее, напечатан ряд совместных статей. Одним соавтором больше, но публикация в центре (для провинциальной Тюмени важно). Удивительное дело, переписка с Абрамом Яковлевичем (большинство родственников уже тогда отбыли в Израиль) мне давалась значительно легче, чем разговоры тет-а-тет. Возможно, причиной является моя малая коммуникабельность. Да и не могу скрывать неприязнь к соавторству подобного рода. С одной стороны, Дейч существенно старше, фронтовик, профессор, с другой, я чувствовал, как он постоянно из меня что-то тянет. В Известиях Академии Наук Латвийской ССР напечатано более десятка моих статей и кратких сообщений, в каждой Дейч фигурировал как соавтор, хотя его функция заключалась в том, чтобы, получив статью на домашний адрес, лично передать главному редактору.

Чёрт его знает, чем я им «нравился», с одной стороны Магарил выдавливал из института, с другой Дейч высасывал научную информацию.

В июне 1973 г. 5-е совещание по физико-химическому анализу жидких систем исключительно хорошо организовано Литовской сельскохозяйственной академией. Докладчики с известным именем (оргкомитет к таковым отнёс и меня) размещены в хорошей гостинице в центре Каунаса, остальные в студенческом общежитии на окраине города. Масштаб совещания всё увеличивается. 6 секций, 296 докладов +114, обсуждаемых по желанию участников секций. К открытию выпущен 400-

страничный сборник тезисов докладов. Впервые среди участников иностранцы, в частности на пленарном заседании крупный доклад сделал зав. кафедрой Лодзинского университета Богдан Янушевский. Интересных докладов так много, что не знаешь, куда бежать. Кстати, и наши два сообщения (один в соавторстве с Ниной, другой с Нагарёвой) докладывал в разных секциях.

Каунас находится в центре Литвы, до войны её столица, и, как говорили в то время, самый литовский город в Литве. Сразу увидел разницу с Ригой. Практически нет надписей на русском языке (1973 год!). По центральному бульвару группами в 5–6 человек «прогуливаются» милиционеры с открытыми дубинками, нигде такого *раньше* не видел. В Каунасе много достопримечательностей. Музей Чюрлёниса, живописца и композитора начала века, фамилию которого, к стыду своему прежде не слышал. Поразительные по цветовой гамме картины.

Единственный в мире музей чертей, сотни экспонатов со всего света — рассматриваешь с «разинутым ртом», то ли удивляешься, то ли смеёшься. Каких только скульптурных и рисованных чертей со всего мира там нет. Естественно, в изобилии черти женского рода, «Баба Яга» в разных вариантах. Удивляюсь, что музей существует в Каунасе, столице литовского национализма, переплетённого с католицизмом, а ведь церковь, мягко сказать, не одобряет «чертовщину».

Не могу забыть и ощущения от концерта на колоколах собора (кирхи?) на одной из центральных площадей Каунаса. Исполнялись разные мелодии от «Подмосковных вечеров» до произведений Баха и оригинальных мелодий специально для колоколов. Исполнитель — потомственный звонарь преклонного возраста, местные жители на площади (регулярный вечерний воскресный концерт собирает тысячи людей) рассказывали, что звонарь готовит к работе своего сына. И всё. Специалистов такого класса в СССР не было.

И ещё. В Каунасе функционировали два ночных кафе. Группа сибиряков (со мной Аникеев, Мироненко из Барнаула) решила посмотреть, что это такое. Напомню, шёл 1973 год, в России подобное не допускалось. Пришли к открытию (19 часов) и часов до 22 в зале из посетителей мы одни, попили, поели, запланированные денежные ресурсы на исходе. Ближе к полночи начинается концертная программа, свободных мест в зале нет. Выступают артисты местного театра оперы и балета, появляющиеся после спектакля. Танцевальные номера, возможно, эротической направленности (такие выражения не употреблялись). Игра светом, временами кажется, танцуют совсем голые мужики и бабы, включается яркий свет, все видят, что

артисты в костюмах, освещение снова меняется. Аплодисменты! Красиво! В 2 часа кафе закрывается. Сейчас подобными концертами никого не удивишь, но в то время…. В гостинице обсуждали вечерний поход, не могли понять, почему такие кафе не могут функционировать в России. Повсеместно существующие ныне ночные клубы гораздо более порочны, чем ночные кафе Каунаса первой половины70-х.

Съездил на экскурсию в Вильнюс (100 км от Каунаса, отличное скоростное шоссе). Вильнюс — столица республики, внешние признаки лояльности центру налицо, в т. ч. витрины имеют надписи на двух языках. Строения города свидетельствуют об исторической многонациональности Вильнюса, много поляков, русских, евреев. Посетили древний университет, в котором учился Адам Мицкевич. Потрясающе красиво выглядит главный костёл Вильнюса, роспись, скульптуры. На службе присутствуют тысячи верующих, поёт хор мальчиков — впечатляющая торжественность происходящего. Посмотрели в Вильнюсе, как можно строить типовое крупнопанельное жильё (не «хрущобы») и при этом сохранять национальные и градостроительные особенности. Создатели нового района Лазденай в Вильнюсе получили ленинскую премию по архитектуре, на мой взгляд, заслуженно. Многоэтажные дома красиво вписаны в холмистый рельеф местности, причём вековые сосны не повреждаются строителями. Объекты социальной сферы (магазины, детские учреждения, спортивные площадки, автостоянки…) органично вписаны в структуру застройки.

Заключал совещание в Каунасе крупный банкет, где главной фишкой оказалась водка «Паланга» (организаторы заявили, что её поставляют в Кремль, в свободную торговлю не поступает). Не могу ни поддержать, ни опровергнуть (вроде бы водка как водка, только коричневая как «Старка»), но утром, по дороге в аэропорт голова не болела.

18-22 апреля 1976 г. очередная научная командировка в Ригу. Поселены с Ниной в центральной гостинице «Рига» в шикарном номере (большинство участников, включая барнаульцев Валентина Аникеева, Андрея Тронова, размещено в Юрмале, пансионат «Лиелупе»). В последующие годы ночевал в сотнях гостиничных номеров в России и за рубежом, подобных не встречал.

Участие в 3-е Всесоюзном совещании по комплексам с переносом заряда и ион-радикальным солям (КОМИС-76), проводившемся в главном здании АН Латвийской ССР, явилось, без ложной скромности, апофеозом личной *научной деятельности*. Сделал два доклада на *первом пленарном*

заседании, на прощальном банкете в Юрмале (две сотни присутствующих, несколько десятков профессоров) тамада мне *первому* предоставил слово. И это в присутствии Г.Л.Рыжовой, пытавшейся угробить диссертацию Нины, и Андрея Тронова, виновника моего ухода из Алтайского политехнического института («Жизнь первая. Аспирант»). Такое не забывается. Самое сильное впечатление: участники совещания, работающие в близких научных направлениях, меня знают и признают.

Одной из причин возросшего авторитета в научной сфере стала публикация крупной статьи (без соавторов) «Определение устойчивости слабых органических комплексов методами УФ-спектроскопии» в августовском номере 1974 г. обзорного журнала Академии Наук СССР «Успехи химии». Журнал просматривают *все* химики, занимающиеся научной работой, и не только химики, и не только в СССР. В двадцатистраничной статье не забыл указать свои ранее опубликованные в центральных журналах сообщения. Успех публикации превзошёл самые смелые ожидания.

Тема молекулярных комплексов (для не химиков поясню, что комплексы с переносом зарядов — одна из разновидностей молекулярных комплексов) в 70-х находилась на пике научного внимания в развитых странах. Сохранилось более полусотни открыток из Англии, Бельгии, США, Японии… с просьбой выслать оттиск статьи. Поясню, в журналах Академии Наук существовала традиция отправлять бесплатно после выхода журнала автору 25–50 оттисков статьи (советский вариант гонорара). Заинтересовались в тюменском КГБ, выясняли, что за открытки я получаю (1975-76 гг.!), предупредили не отправлять оттиски, дескать, это прерогатива государства. «Взял под козырёк», но большую часть просьб известных мне по научным публикациям зарубежных учёных удовлетворил.

Действительно, журнал «Успехи химии» продавался за рубежом в английском переводе и я, как автор, получил 96 рублей с копейками в чеках Внешторгбанка (мелочь, конечно, но Нина в «Берёзке» что-то приобрела). Сдерживание личных контактов с заграничными учёными — большая дурь, тем более, что я активно использовал переписку для получения оттисков интересующих меня зарубежных (и не только) авторов. Имел отдельные папки с работами крупнейших учёных в области молекулярных комплексов.

В 1977 г. отправил ещё крупную статью в «Успехи химии». Получил негативный отзыв от рецензента, когда уже жил в Томске. Плюнул, не стал отвечать, жаль только несколько месяцев интенсивной и полезной для специалистов работы. Хотя должен сказать, что научился письменно разговаривать с анонимными

рецензентами резко, в наступательной манере, соглашаясь с замечаниями эпистолярного характера, но, объясняя, что рецензент не понял по существу в статье то-то и то-то. Во всех случаях добивался успеха, публикации практически выходили в первоначально заявленном варианте. Пытался здесь процитировать хоть один отзыв тех времён, но, по-видимому, когда-то копии выбросил, смена семьи и проживания не способствует сохранности архива.

В Тюмени, как и в Барнауле не было достойной научной библиотеки, какие издавна существуют в Томске. Создал крупную личную научную картотеку на перфокартах с краевой перфорацией (молодёжь не знает что это такое, но в 1968-70 гг. это был информационный прыжок вперёд, чистые картонные бланки размера А-5 с трудом доставал в Риге), только в июле 2008 г. с сожалением выбросил тысячи собственноручно заполненных карт. В основном необходимые для работы печатные материалы приходилось заказывать через Москву, часть в ксерокопиях, часть в виде микрофильмов. И сегодня в письменном столе хранятся микрофильмы книг корифеев проблемы молекулярных комплексов Mulliken, Foster, Rose, но микрофильмы больших книг читать неудобно. Переписывался с авторами и самостоятельно перевёл книги R.Foster «Комплексы с переносом заряда», J.Rose «Молекулярные комплексы», последний перевод можно было печатать, но не хватило времени, а позже желания этим заниматься. Как подумаешь, что кому-то надо жопу лизать, так интерес пропадает. Прошло чуть больше 30 лет, как изменилась научная жизнь, любую информацию можно найти в интернете (были бы только деньги).

В 1970 г. черновик диссертации Нины, составной части моей предполагавшейся докторской, был готов, наработано достаточное количество новых экспериментальных данных. Диссертация Нины получилась неплохая, но возникли непредвиденные проблемы с организацией защиты («Происхождение и родственники. Полле Нина Николаевна»). Неожиданный «удар под дых» получили в alma mater, на кафедре органической химии родного университета. Похоже, счёты за мою предыдущую строптивость сводила бывший дипломный руководитель, завкафедрой, в первой половине 70-х декан химического факультета Г.Л.Рыжова. Сначала требовала что-то переделать, затем отказывалась даже на кафедре заслушивать, не то, что допустить первичный доклад на учёный совет. Бесконечные поездки Тюмень-Томск (сутки на поезде в один конец) при двух дошколятах в семье, превращались в ужасную нервотрёпку с последующими семейными конфликтами.

Обратились за помощью к председателю учёного совета химического факультета уважаемому профессору Виктору Васильевичу Серебренникову. Всемирно известный мэтр хорошо нас помнил ещё студентами, выразил сочувствие, но на конфликт с агрессивной Рыжовой не пошёл. Знала бы Рыжова, что через 7–8 лет она будет канючить у меня хоздоговор. А пока ситуация почти безнадёжная, Томск — единственный научный центр СССР, где широко и всесторонне изучались органические молекулярные комплексы (школа Бориса Владимировича Тронова). В Тюмени же вообще не было Совета по защитам диссертаций химического профиля.

Сложный, нередко самый сложный в периферийном институте, этап работы над диссертацией — подготовка к защите (часто бывает достаточно *одного* положительного отзыва *крупного научного черепа*, чтобы решить вопрос защиты, но этот отзыв надо получить). При отсутствии солидного шефа над соискателем, как правило, изощрённо издеваются под личиной объективности (пример с диссертацией Нины выше, Б.В.Тронов умер), бесконечно советуя то-то доделать, то-то перепроверить. Умасливают сторонних научных грандов самыми разными способами: прямыми деньгами (реально не доказуемо), крупными подарками, угощением в ресторане, организацией финансово выгодных хоздоговоров с промышленными предприятиями… Женщины-соискатели нередко отрабатывают телом, как молодые актрисы, пытающиеся через связь с режиссёром или продюсером получить ответственную роль. Я не преувеличиваю, конкретные примеры сидят в памяти. Помнится, Нина обратила моё внимание, как на симпозиуме в Риге в 1969 г. «заинтересованные» женщины, не стесняясь, ныряли на ночь к 70-летнему грузному широко известному академику в области электрохимии.

Как ни облагораживай поступки соискателя учёной степени, даже в собственном сознании, всё это элементы коррупции, попросту дача взятки. Ради будущей карьеры соискатель заискивает, унижается, готов выполнять функции «шестёрки». Всё это противно моему нутру и именно поэтому в 1977 г. я бросил заниматься наукой (на стадии готовности к оформлению докторской диссертации) и ушёл на производство.

Непосредственно защита диссертации, за редчайшими исключениями, акт формальный, хотя и предельно эмоционально нагружен для соискателя, члены учёного совета настроены благодушно, банкет соискателем заказан, приглашения получены.

Появление в ТИИ Гены Неупокоева, да ещё в должности декана химико-технологического факультета, позволило выйти на крупных учёных Свердловска. Научный руководитель Гены

Георгий Дмитриевич Харлампович свёл меня с мировой знаменитостью, крупнейшим специалистом СССР в области слабых взаимодействий органических систем Рафаилом Оганесовичем Матевосяном.

Свердловск (Екатеринбург) — крупнейший город рядом с Тюменью (~ 300 км). Первое посещение Свердловска весной 1969 г., не связанное с научными проблемами, приятно удивило просторным центром, широкими проспектами. Много раз позже я бывал в Свердловске: в институтах Академии наук, Уральском политехническом (напоминает томский аналог), районе знаменитого Уралмаша. Каждую поездку кто-то из местных показывал место убийства Николая Второго с семьёй, похоже, для свердловчан — это основная достопримечательность. Отвратительное впечатление оставили аэропорт Кольцово и железнодорожный вокзал, объёмные, но какие-то неухоженные, грязные.

Профессор Матевосян заинтересовался, приехал в ТИИ, ознакомился с лабораторией, оборудованием, условиями эксперимента, посмотрел результаты и согласился стать официальным оппонентом диссертации Нины. Более того, встретился с ректором ТИИ Косухиным и сделал рекламу высокому научному уровню наших работ. Можете себе представить как «завертел хвостом» доцент Магарил, увидев такое светило науки на факультете. Дальше — «дело техники». Защита прошла успешно в институте химии Уральского отделения Академии Наук СССР. Матевосян — человек южный, увлекающийся, но всё равно приятно слышать публичные рассуждения, что работы Полле подняли престиж химиков тюменского индустриального института в глазах академической науки.

С Матевосяном завязались хорошие деловые отношения, он сразу согласился оппонировать моей аспирантке Нагарёвой, я в свою очередь, помогал защите его ближайшим сотрудникам, братьям Игорю и Олегу Донских. Встречались мы с братьями (позже оба последовали за шефом в Ереван) не часто, в основном, в связи с защитами, но выпили совместно много. Неприятно удивило, что толковые талантливые ребята начинали пить с приходом на работу. Академический институт — не учебный, но утреннего пьянства понять не мог, может быть, поводом служило моё очередное однодневное появление в Свердловске (у Олега выступал официальным оппонентом на защите диссертации).

Однажды Матевосян появился в нашей тюменской квартире, мало приспособленной для приёма гостей такого высокого уровня, вместе с «оруженосцами», братьями Донских. Причина

следующая. Как-то в общем разговоре, Матевосян, азартный охотник, проговорился, что мечтает о хорошей лайке. Реакция мгновенная. Муж аспирантки Нагарёвой (согласованы сроки защиты в Свердловске, официальный оппонент — Матевосян) — кинолог, быстро притащил в нашу квартиру отличного щенка с родословной. Мгновенно собачонка стала семейной любимицей. Дети плакали, не хотели отдавать лаечку, когда через пару недель Матевосян появился в Тюмени. Прямо с поезда, часов в 8 утра Матевосян постучал в двери, Нина быстро собрала на письменном столе (действующая до сих пор моя научно-трудовая реликвия) завтрак, «что бог послал» (готовились специально). Братья Донских с удовольствием «вдарили» по коньячку, но мы с Матевосяном ограничились кофе с закусками. Рафаил Оганесович категорически отказался принимать собаку в качестве подарка, присовокупив классическую фразу «борзыми щенками взятки не берём», вынул из кармана деньги и отсчитал энную (не помню точно) сумму.

Учёным (таковых мало, много научных работников), к которым я отношу Б.В.Тронова и Р.О.Матевосяна, не до коррупции, не до взяток. Честность в научных изысканиях и честность в человеческих взаимоотношениях связаны. Человек с замаранной совестью не может стать *истинным* учёным (к сожалению, встречаются исключения).

История лайки продолжилась, когда Матевосян уехал в Ереван, кому-то отдал (продал?) собаку, а потом вдруг потребовался новый паспорт (якобы Матевосян потерял). Весёлая лаечка, хвост колечком, до сих пор перед моими глазами, но по складу характера я не могу быть охотником: «птичку жалко!».

Через год после защиты Нины Матевосян, назначенный директором академического научно-исследовательского института химической направленности в Ереване, предлагал мне занять должность начальника физико-химического отдела. Весной 1974 г. я специально прилетел в Ереван. От заманчивого предложения отказался (если бы НИИ территориально располагался на Урале или в Сибири…), но пару дней знакомился с Ереваном, попил вкусного и дешёвого местного сухого вина, даже умудрился попасть на товарищеский футбольный матч Арарат — сборная СССР (0:0). Красивый стадион «Раздан», трибуны располагаются над знаменитыми коньячными погребами, переполнен, 90 тысяч зрителей. Эмоции болельщиков сравнить не с чем, хотя приходилось бывать и на заполненных московских «Лужниках» и «Динамо» на матчах с участием хороших команд. Прекрасный город. Своеобразная архитектура. Ереван невозможно спутать ни с одним городом СССР, да, по-

видимому, и мира. Снежная вершина Арарата как бы нависает над городом. Ощущаешь Арарат совсем близко, на самом деле священная для армян гора находится на территории Турции. А между Араратом и НИИ Матевосяна только абрикосовая роща и граничная полоса. Вдоль центрального бульвара Еревана фонтан с 2500 струй, символизирующий возраст Армении. Великая библиотека древних рукописей «Матенадаран». Скорбный величественный памятник жертвам геноцида 1915 г. Обилие прекрасной чеканки в магазинах. До приезда в Ереван кое-что знал из литературы об его достоинствах, но личное эмоциональное восприятие превзошло ожидания.

Ещё о Матевосяне. Высокий, тёмный, эмоциональный, увлекающийся армянин, любимый студентами лектор (работал по совместительству в политехническом институте). Произвёл фурор в Свердловске, когда отбил у ведущего певца знаменитого театра оперетты жену, русскую, яркую блондинку, кандидата химических наук. Оставил прежнюю армянскую семью с 3-мя взрослыми дочерьми. Одно время много пил, после сердечного приступа «завязал» намертво. Занялся в свободное время охотой, почему и потребовалась собака. Запомнил рассказ Матевосяна, как он швырнул в лицо директору института химии в присутствии секретаря парткома партбилет, но оба оказались порядочными людьми (не вынесли сор из избы, оставили горячего Матевосяна в КПСС). И заключение: «Ребята! Надо вступать в партию, меньше будет процент подлецов!» Специфическая логика!

Валя Нагарёва защитила диссертацию 10 июня 1974 г. Хорошо выступил прилетевший из Еревана Матевосян. Вследствие повышенной импульсивности и категоричности суждений о людях, их способности к научному творчеству, он имел и достаточно много врагов. Два «чёрных шара» при тайном голосовании вброшено явно в пику Матевосяну, так как ни одного замечания по существу диссертации не прозвучало ни устно, ни письменно. Вечером в ресторане «Свердловск» состоялся скромный ужин, Матевосян не присутствовал, отказавшись заранее.

Одним из элементов научной деятельности и одновременно свидетельством научной известности являются отзывы на диссертации. Сохранилась тьма копий отзывов и авторефератов диссертаций. Обычно готовящийся к защите диссертант униженно ходит по «уважаемым» людям или обращается письменно с авторефератом и заготовленной «болванкой». В большинстве случаев «болванку» не использовал, писал отзыв сам, хотя его подготовка требует времени и «шевеления мозгами».

Часть защитившихся диссертантов устремились вверх по

учебно-научной лестнице, часть бросила вообще заниматься наукой в «рыночное время», в том числе и Валя Нагарёва (узнал об этом при посещении Тюмени осенью 2002 г.). Авторов ряда рефератов вспомнить не могу, кто такие, почему писал отзыв (вероятно, по просьбе научных авторитетов).

Часть диссертантов преждевременно ушли из жизни, самая знаковая для меня фигура Валентина Аникеева, сгубившего яркий талант физика-теоретика в провинциальном Барнауле. Вместе с тем, он принёс много пользы контактировавшим с ним специалистам из других научных сфер. Однако ни в текст диссертации, ни в список своих публикаций не включил множество работ, выполненных совместно. Процитирую один абзац моего отзыва на диссертацию Валентина, отправленного из Тюмени в октябре 1970 г.…*Следует указать, что материал, представленный в диссертации, составляет лишь небольшую часть научного творчества В.С.Аникеева. С 1964 г. В.С.Аникеев проводит большую совместную работу с химиками, исследователями слабых молекулярных комплексов. Опубликовано значительное количество работ, часть из которых напечатана в таких журналах, как Теоретическая и экспериментальная химия», «Журнал общей химии» и др.*

Даже самому далёкому от науки читателю понятно, что моя научная деятельность носила академический характер, не имеющий непосредственный выход в практику. Вместе с тем в ВУЗах издавна существовала практика заключения прямых хозяйственных договоров с промышленностью, позволявшая «поддерживать штаны» исследователю. Одновременно появлялась возможность ездить в командировки без долгих уговоров институтского начальства. Существовали ограничения в оплате, не более 50 % оклада, хотя отдельные «мыслители» умудрялись получать значительно больше, зачисляя в список исполнителей фиктивных сотрудников. Мой дебют в хоздоговорной сфере в ТИИ имел громкий скандальный резонанс, впоследствии неоднократно мне аукнувшийся. По порядку.

У газовиков возникли проблемы с определением микропримесей влаги в газе, подготавливаемом к транспортировке. Задача не простая. Поскольку под моим контролем находилась отличная современная аппаратура для анализов, решил взяться. Сформировал группу сотрудников, непосредственных исполнителей. Проработали литературу, собрали экспериментальную установку. Поставили серию опытов, через пару месяцев убедились, при выделенных ресурсах в срок работу не выполнить. Объяснился с заказчиком и, поскольку они больше денег на проблему выделить не смогли, закрыли договор

с выполнением первого этапа. Акты подписаны институтом и заказчиком, я спокойно уехал в отпуск. Возвращаюсь на работу и вдруг узнаю, что деньги хоздоговора, предназначенные на зарплату, заведующим кафедрой Магарилом выплачены по своему усмотрению (до сих пор непонятно, как ему это удалось без моего письменного согласия как руководителя темы). Начал выяснять. Магарил заявил публично: «Полле плохо работал, потому ему и не положена оплата». Таких оскорблений я не спускаю и, думаю, Магарил не раз пожалел о сказанном.

Официально подаю заявление в комиссию по трудовым спорам. Вокруг завертелись разные люди, включая друзей, просят забрать заявление: Магарил тебя зароет. Упорства мне не занимать. Комиссия принимает решение выплатить причитающиеся мне деньги (за 3 месяца по 0.5 месячного оклада, т. е. 420 руб.) за счёт Магарила. В институте (не только на факультете) поднялся громкий шум. Большинство смеются над Магарилом, проректор по науке Копылов: «Полле в карман товарищу залез!» Через несколько дней Магарил вызывает в кабинет договориться, как он будет отдавать мне деньги. Прошу сдать деньги в кассу, так как он должен не мне, а институту (юридически исполнитель договора). На следующий день выясняю у главбуха, сдал ли Магарил деньги, и передаю ему заявление о переводе всех причитающихся мне денег по хоздоговору в Фонд мира.

С помощью соседки-журналистки заявление опубликовано на следующий день (08.12.1971 г.) выделенным шрифтом на первой странице областной молодёжной газеты «Тюменский комсомолец» и утром же прозвучал по местному радио в обзоре газет. Цитирую полный текст заметки «В Фонд мира».

Каждый день в старинный особняк, где находится правление советского Фонда мира, почтальоны доставляют денежные переводы.

Вчера крупный денежный перевод был отправлен в столицу из Тюмени. Молодой учёный, доцент кафедры органической химии индустриального института Э.Г.Полле решил переслать деньги, полученные за научные изыскания, в Фонд мира. В письме такие строки:

«В то время, как американский конгресс выделил очередные полмиллиарда долларов на вооружение израильских агрессоров, я не могу оставаться в стороне от всенародного движения в защиту мира и вношу свой скромный вклад в пользу борьбы арабских и вьетнамских патриотов за национальную независимость».

Три года назад Тюменский обком ВЛКСМ наградил комсомольца, кандидата наук Эрвина Полле Почётной грамотой.

Сегодня он не только учёный, имеющий более 30 печатных работ, но и общественник: возглавляет профбюро на химико-технологическом факультете.

Резонанс колоссальный! Факультетский партийный придурок Серов бегал с криками: шовинизм! (Магарил — еврей, я — немец).

Магарил такой пощёчины не ожидал. Многие сотрудники института, включая элиту треугольника (администрация, партком, профком), хихикали с удовольствием над реальным серым кардиналом при ректоре, но я окончательно получил «смертельного» врага. Кстати, ректор Косухин (опускание неофициального главного советника Магарила явно не в его интересах) чуть позже выразил наедине недовольство:

— Свои деньги Вы в Фонд мира не отправили бы!

— Почему, раньше я в Красный крест деньги переводил!

Гласность — мощное средство борьбы с «магарилами», но её время ещё не пришло (начало 70-х годов), квалифицированные специалисты боялись «рот открыть» и наблюдали за развитием конфликта из-за угла. Не все друзья правильно поняли смысл перевода денег, но и сейчас думаю, эти деньги нельзя было брать, хотя полтора месячных оклада доцента семейному бюджету не повредили бы.

Через пару лет несколько доцентов ТИИ решили проторить хоздоговорную тропу на крупный химико-фармацевтический завод в старинном уральском городе Ирбите. Переговоры затянулись, я не нашёл работы для себя. Зато сумел познакомиться с городом, знаменитым выпуском военно-милицейских мотоциклов «Урал». Создавалось впечатление, в Ирбите все жители способны управлять мотоциклами (мужчины само собой, женщины, дети). Середина 70-х, внешнее впечатление, легковых автомобилей в городе нет. Улицы в Ирбите мощёные, много зелени. Дома добротные, каменные, долго простоявшие. Несколько красивых церквей, не знаю, сколько из них действующих. Чувствуется угасающая красота прежде богатого города. Местные жители рассказывали, что в позапрошлом веке и начале прошлого, в Ирбите регулярно проводились крупные российские ярмарки, уступавшие масштабом только нижегородским.

Уважаемый читатель! Завершаю тему. Попытка изложения научной деятельности невольно превратилась в некий элемент самовосхваления. Прошу извинить! Ведь не будешь же здесь приводить суть и мысли докладов и оригинальных статей. Или даже все их названия. Кто сможет понять смысл особого поведения молекулярных комплексов орто-, мета-, пара-

динитробензолов с галогензамещёнными анилина? Ситуация в фундаментальной науке такова, что исследователь, углубляясь в неизвестность, доходит иной раз до такого знания, когда рядом работающий специалист ничего понять не может, да и сам далеко не всегда способен объяснить результат эксперимента. Никто не задумывался, почему именно среди научных работников популярны рассуждения о дураках? В этой системе дураком (это может быть аспирант или ассистент, кандидат или доктор наук, доцент или профессор) нередко называют человека, который ничего не видит кроме своих проблем и не способен оценить результаты исследований, выполненных в близких направлениях.

За 9 лет работы в Тюменском индустриальном институте список научных трудов (фактически единственный критерий оценки научной квалификации преподавателя в многопрофильном ВУЗе) увеличился на 56 наименований. По итогам Всесоюзного конкурса 1975 г. заработал Почётный диплом и премию ВХО им. Менделеева, на следующий год стал лауреатом Всесоюзного конкурса на лучшую научную работу по проблемам развития нефтяной и газовой промышленности. Имеется папка тюменских наград.

И на всём этом внешнем благополучии поставлен жирный крест. Ухожу на производство.

Общественная активность

Уважаемый читатель! С высоты 2008 г. тюменский период жизни, всего 9 лет в сравнительно молодом возрасте (27–36 лет) показал много наивного правдоискательства в характере, а это начальство не любит. Существуют правдоискатели от рождения (патология, не излечимы, от них люди шарахаются), но большинство воспитывается общественной атмосферой. По-видимому, искусственно созданным деятелем выглядел и я, появившись в тюменском индустриальном институте. Такие люди случайно выбрасываются на поверхность, а через некоторое время, как правило, больно падают. А для окружения, вытолкнувшего их наверх, — кино, повод для пересудов. Воспитанник хрущёвской «оттепели», к тому же научный работник, привык любую информацию властей критически анализировать, приспособился читать прессу между строк. В то же время большинство моих коллег вели себя в точности по совету профессора Преображенского, т. е. газет не читали. А власти именно такая интеллигенция и нужна.

Поперечность моего характера проявилась в раннем детстве, частично не исчезла и до сих пор. Разными путями искал альтернативные источники достоверной информации, что в условиях провинциальной Тюмени оказалось делом затруднительным. Расширению кругозора способствовали командировки в Прибалтику, Москву, Ленинград, Свердловск, Ереван…, поездки в Украину, Грузию, Киргизию, Болгарию. Контакты с множеством разнокалиберных и разнопрофильных специалистов (почти без оглядки разговаривали академики, не остепенённая научная молодёжь и шахтёры), копии запрещённых публикаций, «вражьи радиоголоса» — внесли свой вклад в развитие мировоззрения.

Общественная атмосфера в период моей работы в Тюмени (1968-77 гг.) специфична, ни до, ни после Россия такого не переживала. Это пора энергичного Брежнева, не того Брежнева, который после переворота 1964 г. под болтовню о коллективности руководства красовался в центре троицы вместе с Подгорным и Косыгиным и не Брежнева, мучающегося старческим маразмом и допустившего жестокую афганскую авантюру.

Сразу после переворота власти закрыли чуть-чуть приоткрытый Хрущёвым доступ к партийным и государственным архивам, вновь начали прятать материалы, показывающие истинное лицо Сталина, принялись вычищать библиотечные

фонды от многомиллионных тиражей выступлений Хрущёва. Кое-что из фондов расходилось по рукам (исполняющие указания об уничтожении литературы уже не очень боялись обвинений, квалифицируемых ранее страшной 58-й статьёй уголовного кодекса РСФСР). Среди аспирантов Алтайского политехнического института распространялись партийные документы 20-х годов без обложек и титульных страниц. Хорошо запомнил стенографический отчёт 14-го съезда ВКП «б» (1925 год), удивительно открытую критику действий Сталина его ближайшим окружением. Интересно и непривычно читать чётко сформулированные мысли почти без пропагандистской шелухи. Ведь даже Хрущёв в своих ярких выступлениях конкретные факты обволакивал многословием общих фраз коммунистической направленности.

Осторожный Брежнев не допустил полную реабилитацию Сталина. Побоялся! Общество за 10 лет сделало гигантский прыжок к гласности (пусть и ограниченной), нутром почувствовало преимущества «оттепели», у людей «развязались языки» (преимущественно, на кухне). Много соотечественников вернулось из лагерей и ссылок, миллионы людей смогли получить информацию о преступлениях сталинского режима из первых рук.

В августе 1968 г. Брежнев «показал зубы». Граница раздела между прошлым и будущим в государственной политике чётко обозначилась, когда Советский Союз военным сапогом раздавил «оттепель» в Чехословакии. Хорошо помню первые радиосообщения о вводе войск «по просьбе…». Репортажи о радостной встрече наших танков. Ложь пропаганды чувствовал нутром, делился с папой (во второй половине августа находился в Талды-Кургане), но узнать что-то достоверное было невозможно. Много позже реальные действия Брежнева и его окружения стали достоянием гласности. Топорная коммунистическая идеология, стремление стричь друзей под одну гребёнку привели к тому, что русские надолго приобрели очередных врагов в лице целых народов, чехов и словаков — славянских братьев. В СССР зазвучал голос диссидентов. К руководству страны письменно обратился Сахаров. Народ в очередной раз почувствовал способность государственной машины к резким движениям и безмолвствовал, однако, в отличие от жестокой военной расправы над жителями Берлина в 1953 г., Венгрии в 1956 г. состоялась публичная антиправительственная акция, группа российских интеллигентов вышла с плакатами в защиту Чехословакии на Красную площадь. Всего 7 человек, но это искру высекающий поступок большой внутренней силы, правда, стал известен большинству населения

России через десятилетия.

Движение правозащитников в России набирало силу. Должен сказать, ни с одним из известных правозащитников мне не доводилось встречаться лично, чаще слышал по «вражьим голосам». Основную часть информации, полученной через радио, переваривал внутри себя, делиться мнением стало опасно, приходилось помнить о семье и маленьких детях. В Тюмени (глухая провинция!) люди, интересующиеся политикой, пытались что-то конкретное узнать по Голосу Америки, Би-би-си, Свободе, но с августа 1968 г. западные радиостанции глушили по максимуму, с помощью обычного отечественного радиоприёмника ничего нельзя было услышать. Отдельные умельцы монтировали 16-метровый диапазон (в СССР 16 м не использовались в бытовой радиоаппаратуре) и слушали без помех. В основном же новостями питались по системе слухов, привозимых командированными из Москвы (Тюмень активно осваивала нефтяные месторождения, самолёты в Москву летали «стаями»).

Закручивание политических гаек, начатое ещё в конце эры Хрущёва, проводилось всё плотнее. Студенты оказались под активным надзором кураторов (что-то не припомню в период собственной учёбы, возможно влияние «оттепели»). Кураторы регулярно представляли планы работы и отчитывались на партбюро. Партбюро химико-технологического факультета ТИИ имело больший вес, чем учёный совет. Состав партбюро: 1 заведующий кафедрой, 1 доцент, несколько ассистентов, 1 студент, 1 стеклодув (при наличии на факультете докторов наук, трёх десятков доцентов). Без характеристики, подписанной партбюро, на конкурс подать нельзя. А партбюро реально находится под контролем одного человека, не обязательно секретаря. Двойной тягой (партбюро и тщательно подобранный учёный совет) любого сотрудника факультета могли без проблем выставить из института. Преподаватели это понимали, поэтому «рот открывали» уверенные в себе единицы.

Одновременно с интенсификацией политического воспитания студентов возросла частота обязательных политзанятий для преподавателей. Здесь мне повезло. В тюменском индустриальном институте на общественных кафедрах оказалось несколько умных сравнительно молодых ребят (30–35 лет), которые начали активно заниматься научной работой в «оттепель», но после 1964 г. «тёртые» заведующие общественными кафедрами Томска и Свердловска от них избавились, от греха подальше. Подобрав умных молодых ребят, только что организованный ТИИ значительно повысил интеллектуальный

потенциал ВУЗа. Партийные органы мешали молодым историкам, философам и экономистам защищать готовые диссертации, но от этого они глупей не становились, просто недополучали заслуженную зарплату.

Политзанятия сотрудников на ХТФ вёл один из той когорты толковых ребят Зотов (имя, отчество забыл). Несколько лет объяснял азы истории философии, затем историю этики. Занятия проходили на одном дыхании. Я для себя узнал много нового (удивляюсь, что штатные идеологи не поинтересовались, о чём конкретно рассказывал на семинарах Зотов). До сих пор помню, как поразил Зотов, заявив, что историю европейской философии можно познать, ознакомившись с работами 7 великих *философов*: Платон, Аристотель, Спиноза, Гельвеций, Кант, Сартр, Рассел. Слушатели в голос: а Маркс? Зотов: а причём здесь Маркс, он же *экономист*. Для меня очередное откровение. Напомню, многие крупные учёные в сфере естественных наук были так запуганы партийной демагогией, что считали обязательным во введении своих книг нести какую-нибудь ахинею из области марксистско-ленинской «философии», характерный пример — учебники по органической химии моего учителя профессора Б.В.Тронова.

Более половины периода, вошедшего в историю Советского Союза под ярлыком «застой», я работал доцентом ТИИ. Возможно, в целом по стране и наблюдались застойные явления, но не в Тюменской области. Здесь бурно развивалась нефтяная и газовая промышленность. Мне приходилось бывать на встречах с «великими могиканами» нефтедобычи Западной Сибири Эрвье, Муравленко, Салмановым, Нестеровым… — одержимые люди. Другой вопрос, что страна, благодаря недальновидности московских руководителей быстро «подсела на нефтяную и газовую иглу». Нефтедоллары казались манной небесной, легко тратились, казались неисчерпаемым ресурсом, использовались для комплектных закупок заводов. С одной стороны, комплектная поставка завода — благо, потребитель достаточно быстро получает нужные товары. С другой стороны, соответствующая отечественная отрасль промышленности деградирует.

Скорей всего, застой проявлялся не в экономике, а сознательно внедрялся партийными идеологами в интеллектуальную сферу, в область культуры. Началась очередная корректировка понимания исторических фактов последних 50–60 лет. Запущена красочная киноэпопея Юрия Озерова «Освобождение», в которой талантливыми режиссёром и актёрами сознательно искажена история великой Победы, фактически создано идеологическое подобие кинофильма 1949 г. «Падение Берлина» с подчёркиванием гениальности Сталина и

некоторых приближённых к нему военачальников, ради личных амбиций, бессмысленно жертвовавших миллионами соотечественников.

Активизировалась болтовня в СМИ о ленинских нормах жизни, о ленинском стиле управления, особенно в преддверии 100-летия со дня рождения лидера октябрьского переворота. Сверху шли соответствующие указания, снизу встречное желание лизнуть, плюс «холявные» нефтедоллары из Москвы и вот уже повсеместно начинают водружаться новые памятники Ленину. Приезжаю из Тюмени в Томск в командировку, вместо старинной базарной площади с её каменными рядами магазинов и лавок по типу гостиного двора в Санкт-Петербурге, снесёнными только с помощью многочисленных взрывов, создана площадь с высоким памятником стоящему вождю с распростёртой в непонятном направлении рукой. В начале 21-го века, после возвращения церкви прекрасного Богоявленского собора (представьте, крестный ход рядом с памятником палачу многочисленных священнослужителей!), восстановления на площади (метров 15 от памятника) ранее разрушенной Иверской часовни, Ленин выглядит совершенно нелепо. Не случайно памятник периодически обливают краской, несмотря на милицейскую охрану. В «умном» Томске, в центре города гигантский памятник Ленину — нонсенс и свидетельство этой самой «умности». Я не призываю разрушить памятник, его надо убрать с площади и содержать где-то как музейный экспонат человеческой глупости и подлости. Уважаемый читатель! Конечно, в моей резкости по поводу памятника Ленину в центре города есть элемент ностальгии по варварски разрушенному фрагменту старинного Томска (четыре века — глубокая старина для Сибири). Это, увы, тенденция и скоро образцы старины в Томске можно будет посчитать на пальцах. Главное в другом. Огромный памятник Ленину, поставленный к 1970 г., является одним из демонстративных символов попытки очередной власти ломать общество через колено, выбить из него «дурь оттепели».

Попытки власти вернуть сознание людей в прошлое оказались малоэффективными. «Оттепель» развязала народу языки, пусть в массе своей в курилках, на кухне. Фольклор выплёскивал на поверхность массу анекдотов про Ленина, например, в мебельном магазине продаётся *трёхспальная* кровать под девизом «Ленин всегда с нами!». Великое множество анекдотов про дом престарелых (политбюро ЦК КПСС) и сейчас ещё на слуху.

Отнюдь не все несогласные с деятельностью руководства СССР и с действующей идеологией, говорили только в узком

кругу единомышленников. На острие волнореза, противостоящего мутной волне коммунистического догматизма и призывающего борьбе с режимом мирными средствами оказались нобелевский лауреат по литературе школьный учитель физики А.И.Солженицын и нобелевский лауреат мира физик-теоретик, один из создателей отечественной водородной бомбы, академик А.Д.Сахаров. Совершенно разные по характеру, с отличающимся подходом к борьбе с ведущими страну в пропасть идеями, интеллектуальные гиганты с железной волей — их вклад в падение коммунистического режима в России невозможно переоценить. А какой обструкции подвергались эти гении в среде коллег по цеху: единодушное исключение Солженицына из союза писателей и высылка за границу; коллективное обращение подавляющего большинства академиков с осуждением Сахарова, лишение его всех наград и ссылка в Горький. Эти события сопровождались глупой газетной трескотнёй, публикацией писем трудящихся в стиле 37 г., требующих примерно наказать «неблагодарных». Казалось бы, всё осталось в прошлом. Ан нет. Кому-то не даёт покоя всемирная слава и признанный авторитет А.И.Солженицына. В июле 2004 г. в двух центральных газетах я встретил статьи, поправляющие конкретные факты, приведённые в главном, на мой взгляд, произведении Солженицына «Архипелаг Гулаг». Я допускаю, что при описании кровавого восстания в Кенгире Солженицын в деталях мог ошибиться, всё-таки «Архипелаг» писался преимущественно по письмам и личным воспоминаниям участников, а не по архивным документам, ко многим из которых и сейчас не добраться, но тональность критических статей, их заказной характер не вызывают сомнения. Налицо связь времён. Сегодня, 5 августа 2008 г. в Академии наук проходит прощание с великим мыслителем Александром Исаевичем Солженицыным, уверен, те же критики публично утирают слёзы (слава богу, неудобный любой власти мыслитель ушёл). Призыв Солженицына «*Жить не по лжи!*» вечно актуален в России.

Брежнев не светился как Хрущёв, не запомнился яркими речами, но, безусловно, являлся деятельным руководителем. По-своему разобрался с диссидентами. Убедившись в низкой эффективности «психушек» и показательных судов над инакомыслящими, он просто распорядился спроваживать публично выступающих диссидентов на Запад (слава богу, *открыто* уже людей власти не убивали). Иной раз дело доходило до абсурда: генерального секретаря компартии Чили обменяли на заключённого русского писателя. Ни одна демократическая страна не отдаст своего гражданина в обмен на иностранца,

независимо от должностей, политических или религиозных воззрений. Популярна в народе была частушка «Обменяли Корвалана на простого хулигана [Буковский, ныне профессор Оксфорда], где найти такую блядь, чтобы Брежнева сменять». На меня тяжёлое впечатление произвела демонстративная высылка в Германию Солженицына. Помню, как резко выступил поэт Евгений Евтушенко, тут же сняли анонсированную телевизионную трансляцию его творческого вечера, исключили в очередной раз из союза писателей. Отправлен в Нью-Йорк генерал Пётр Григоренко, лишены гражданства Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. Можно много фамилий вспоминать, того же чрезвычайно популярного среди интеллигенции Александра Галича. Именно в Тюмени, на квартире друзей за закрытыми дверями и окнами, я первый раз слышал подпольную запись его выступления в новосибирском академгородке (… а молчальники вышли в начальники, помолчи, помолчи…). Брежнев — истинный ленинец, копировал политику власти 1922 г., когда интеллектуальный цвет нации отправляли на Запад пароходами и эшелонами. Разница в избирательности, индивидуальном подходе к «отщепенцам».

В 70-х Самотлор и другие месторождения Тюменской области дали возможность перекачивать на Запад сотни миллионов тонн дешёвой сырой нефти. В стране появились свободные нефтедоллары. Казалось, СССР получил неиссякаемый источник валюты, тем более что основные поставщики нефти на мировой рынок страны ОПЕК резко взвинтили цены. С одной стороны, Брежнев поступал дальновиднее, чем Путин через 30 лет, не складывая нефтедоллары в «кубышку», а покупал западное промышленное оборудование. С другой стороны, Запад втюрил Брежневу массу технологий вчерашнего дня. К началу 21-го века количество добываемой в Сибири нефти снизилось в несколько раз, причём добыча каждой следующей тонны обходится дороже предыдущей. Казалось бы, ничего страшного, на севере Тюменской области разведаны гигантские, трудно поддающиеся осмыслению, запасы газа, который Европа готова принимать в неограниченном количестве. СССР, таким образом, уверенно превращался в сырьевой придаток Запада.

Раскручивались гигантские проекты типа поворота великих сибирских рек на юг (глупость несусветная, но до сих пор Лужков публично призывает к реализации проекта). Брежнев реанимировал грандиозный план строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали на значительном расстоянии от государственной границы, от которого вынужденно отказался Сталин. БАМ, БАМ, БАМ — взорвалась пропаганда,

временами создавалось впечатление, что в 1974–1976 гг. больше не о чём было говорить. Разумеется, официальная пропаганда твердила о перспективности районов прохождения магистрали, богатых природных ресурсах, никогда не упоминала о стратегической цели строительства БАМа — обеспечение надёжной железнодорожной связи с Дальним Востоком в случае потенциального конфликта с Китаем. За 30 лет стратегическая задача принципиально решена, но показ в СМИ состояния железнодорожных станций БАМа, нынешних (начало 21-го века) условий проживания «комсомольцев-добровольцев» навевает горькие мысли. Кто и когда будет осваивать зону примыкания к БАМу? Целесообразно ли экономически использование БАМа? Можно ли в принципе окупить гигантские затраты на строительство и поддержание БАМа в работоспособном состоянии? Кто извинится за сломанные судьбы обманутой и брошенной на произвол судьбы молодежи, с горящими глазами ехавшей на гигантскую стройку в Сибирь (о реальной материальной компенсации даже спрашивать смешно)? Пахмутова, Добронравов, Кобзон, другие творческие коллективы своим талантом, выполняя заказ официальной пропаганды, создавали иллюзию счастливого будущего на великой стройке. Увы! Государство российское в очередной раз обмануло свой народ, Брежнева давно нет, а нынешние власти своей недальновидностью дают фору всем предыдущим. В начале 21-го века по БАМу проходят 2–3 железнодорожных состава в сутки. Основная часть парка железнодорожных вагонов России не пригодна для БАМа в связи с огромными межстанционными расстояниями. Северомуйский, самый протяжённый, туннель не достроен. Отличные станции пустеют и разрушаются, обманутые государственной пропагандой люди покидают районы БАМа, мечутся по стране в поисках работы и жилья, так как никакое серьёзное освоение природных ресурсов не происходит.

Развёрнуто строительство крупнотоннажных промышленных объектов, заключено великое множество контрактов на поставку комплектных западных установок в счёт оплаты за нефть и газ. Москва наполнилась западными бизнесменами. Все старались продать технологии вчерашнего дня (для них, а для нас это новое). Не один раз позже мне приходилось участвовать в переговорах, как представителю ТНХК, в результате закупались не те установки, на которых останавливались эксперты. Иногда работала политика: надо поддержать коммунистически настроенных итальянских рабочих, чаще это были отговорки высокопоставленных московских чиновников, приспособившихся доить западных бизнесменов. Помню, КГБ раскрутила зам.

начальника «Союзхимзагранпоставки», неоднократно посещавшего ТНХК. За крупную взятку от японцев он организовал покупку японского котла для установки этилена, тогда как французы предлагали более дешёвый агрегат при идентичном качестве.

Коротко о внешней политике Брежнева. В целом описываемый период можно охарактеризовать как более или менее спокойный дрейф великой империи в бушующем кровавыми страстями мире. США — Вьетнам, Китай — Индия — Пакистан, Иран — Ирак, Израиль — Сирия — Египет. Бушующая Африка, бесконечные «революции» и наркобизнес Центральной и Южной Америки. Но дрейф плохо управляемого корабля с непоследовательными, слабо продуманными решениями капитана рано или поздно заканчивается бедой. Приближающуюся катастрофу, а *может быть благо* — распад великой российской империи начнётся через 15 лет — ещё *никто* не чувствует, отдельные предсказания литераторов уходят на многие десятилетия вперёд.

Непоследовательность Брежнева и его окружения в международных делах удручала. Противостояние США и СССР во всех сферах, бессмысленная война во Вьетнаме, шум вокруг Чехословакии утомили народы, постепенно руководители крупнейших государств начали искать пути сближения. Первым проявил активность Никсон, президент США. Брежнев получил «щелчок по носу», когда Никсон сначала приехал в Китай. Кстати, Брежнев продолжал топорную политику Хрущёва во взаимоотношениях с Китаем. Не так давно сотни наших солдат пострадали от вооружённого конфликта на Амуре. За что? Знаменитый остров Даманский сейчас принадлежит Китаю. В памяти и слабо афишируемые пограничные военные стычки с Китаем в Семипалатинской области (невдалеке от испытательного атомного полигона).

Тем не менее, встречи с Никсоном в Москве, затем с Джеральдом Фордом во Владивостоке дали толчок переговорам о взаимном снижении уровня стратегических вооружений. В 1972 г. заключён принципиальный договор по противоракетной обороне (ПРО). Через десяток лет выяснилось, что под аккомпанемент разговоров о разоружении, в СССР форсировано проводилась гонка вооружений, в т. ч. продолжались активные разработки *химического и бактериологического оружия*.

Внешне разрядка налицо. После высадки американцев на Луну в июле 1969 г. (хорошо помню телевизионную трансляцию первых шагов Нейла Армстронга по естественному спутнику Земли) прекратились пропагандистские рассуждения о нашем

преимуществе в развитии космических исследований. СССР и США начали совместную космическую программу Союз — Аполлон, стыковка кораблей в 1975 г. дала толчок разработке новых проектов совместного освоения космоса.

Брежнев — один из активных участников эпохального совещания глав государств и правительств в 1975 г. в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе. В Советском Союзе прекратили глушить западные радиостанции. Помню, как слушал по «Голосу Америки» главы из романа Солженицына «Ленин в Цюрихе». Позже я не встречал эту книгу, но в то время приводимые документальные факты из жизни Ленина потрясали. Радость в связи с началом 1-й мировой войны и обращение Ленина к швейцарским социал-демократом с призывом к мировой революции с последующим удивлением, что его послали подальше. Источник безбедного проживания Ленина в Цюрихе — наследство тёти жены Надежды Крупской, хранившееся в банке Кракова, после начала войны оказавшегося за линией фронта. Живописно описывает Солженицын, как Ленин с риском для жизни забирал в банке деньги. Всё это так не вязалось с лубочным изображением Ленина, навязываемого населению СССР с ясельного возраста.

Осенью 1975 г. я 4 месяца повышал квалификации в Ленинграде. По вечерам свободно, без помех, на собственном приёмнике ВЭФ-201 слушал радиоголоса, чаще других, Голос Америки (новости интереснее, чем выдавали ВВС, немецкая волна или Свобода). Помню прямую трансляцию впечатляющей нобелевской лекции Сахарова (читала Е.Боннэр) из Осло, описывающей тотальное нарушение прав человека в СССР с многочисленными конкретными фактами. Причём некоторые факты казались тогда мелкими, например (по памяти): почему датские дети могут сесть на велосипед и свободно поехать на Средиземное море и почему этого не могут сделать советские дети? Читали «вражьи голоса» и главы выдающегося произведения Солженицына «Архипелаг Гулаг», однако обилие конкретной информации затрудняло восприятие его по радио. Только во второй половине 80-х в «Новом мире» я прочитал полностью журнальный вариант произведения века, открывшего глаза читающему миру на ужасы принудительного строительства коммунистического общества. «Архипелаг Гулаг», имеющий в основе свидетельства многих тысяч очевидцев, показал истинное лицо Сталина и социалистической пропаганды. «Архипелаг Гулаг», как никакое другое действо 70-х — 80-х, ускорил развал коммунистической идеологии и, соответственно развал Российской империи, последней крупной империи 20-го века.

31.08.2008 г. телеканал «Культура» показывал в Томске отличный фильм Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья», выпущенный в 1975 году. Смотрел кинокартину не первый раз, но под нынешним углом зрения. Очевидно, лента Мотыля ещё долго будет актуальна в России. Задействована блестящая плеяда советских актёров: Смоктуновский, Стриженов, Баталов, Юрский, Костолевский, Купченко…. Порылся в дневнике и обнаружил следующую короткую запись.

15.12.75 г….Вчера было 150 лет со дня восстания декабристов и, на удивление, не было ни слова упомянуто об этом событии. Я ожидал, что, по крайней мере, в Ленинграде будут какие-нибудь торжества. Но ни-ни. Больше того, в Ленинграде проводили праздник встречи зимы, а все газеты опубликовали проект директив к 25-му съезду КПСС, и радио полдня читало проект. Это, естественно, не случайно. Пройдёт время, всё станет ясно.

Хорошо помню, как шумно разворачивалась подготовка к празднованию знаковой для советской пропаганды даты, 150-летию восстания декабристов. Издано много книг о декабристах, подготовке и проведению акции на площади перед Зимним дворцом не только в центре, но и в сибирских издательствах (Тюмень, Томск, Новосибирск, Иркутск…), готовились специальные разделы в музеях, радио— и телепередачи, выпускались фильмы, включая масштабную и дорогостоящую работу Мотыля. Я не знаю, кто и когда запустил пропагандистскую кампанию (во времена Хрущёва или позже), но и не знаю, кто из идеологов (не сам, же Брежнев) её остановил. Факт остаётся фактом — полное замалчивание события, власть испугалась потенциальных политических аналогий! В этот день (воскресенье 14.12.1975 г.) я специально пешком прошёл центр Ленинграда, Невский проспект, Дворцовую площадь, Петропавловскую крепость, никаких следов упоминания исторической даты. Вечером «Голос Америки» передавал, что на стене Петропавловской крепости со стороны Невы диссиденты вывесили два лозунга, но я не видел.

В центре Тюмени к ноябрьскому празднику (середина 70-х, точней не помню) на нескольких государственных учреждениях появились жёлто-голубые флаги организации украинских националистов (тогда их называли жёлтоблакитниками). Сейчас это государственный флаг самостийной Украины, в те дни местное управление КГБ всех на «уши поставило». Искали среди студентов, трясли преподавателей, скорей всего флаги развесили вахтовики с Украины, периодически пролетавшие через Тюмень на северные месторождения нефти и газа. Сам факт не показался необычным. Удивлялся я несколько раньше, когда в июле 1974 г.

отдыхал *в Севастополе*. Официальная советская пропаганда намекала, основные проявления национализма наблюдаются в прибалтийских республиках. Действительно, бывая в Риге, Каунасе, Вильнюсе мне приходилось сталкиваться с такими фактами. Но то, что я услышал в контактах с простыми шахтёрами из Донбасса, повергло в шок. Русских иначе как москалями и не называли. Я, человек чувствительный к национальному вопросу, пытался глубже пообщаться. Встретил полное неприятие Москвы. Богдан Хмельницкий — предатель Украины. Вспоминая эти встречи 35-летней давности, не перестаю удивляться демагогии нынешних коммунистов, мечтающих добровольно объединиться с Украиной, демагогии Лужкова по поводу принадлежности Севастополя. Быстро объединиться в одно государство можно только залив Украину и Россию морем крови.

К середине 70-х Брежнев всё чаще стал появляться на экране телевизоров во время чьих-либо юбилеев. Бесконечные поцелуи членов политбюро на экране действовали раздражающе. Как этого не понимали помощники по идеологии, ума не приложу. Взаимные награждения членов политбюро для населения превращались в комедийные скетчи. Ни в какие рамки не лезет присвоение политработнику средней руки (войну Брежнев закончил в звании генерал-майора) маршальского звания, почётного золотого оружия, пяти! звёзд Героя. Вспоминаю *ныне* забавную историю (руководил подготовкой к демонстрации колонны факультета, хлопотное и трудоёмкое занятие), когда инструкторы тюменского обкома КПСС, перед демонстрацией бегали и проверяли, правильное ли количество звёздочек нарисовано на портрете Брежнева. А после демонстрации:

— Почему несли того дурака?

— Какого?

Оказывается, за день до праздника вывели из состава политбюро Полянского, кто-то с трибуны увидел в нашей колонне его портрет. За сутки член политбюро ЦК КПСС, не самый возрастной в *кремлёвском доме престарелых* превратился в дурака. Очевидный признак гниения общества с головы.

07.11.1970 г. Тюмень. Праздничная демонстрация. Я третий справа.

Поражали съезды партии помпезностью, длительными отчётными докладами Брежнева, общим многословием (не менее половины каждого выступления — здравицы в адрес партийного руководства), бесконечными овациями. Победы! Победы! Победы! Прошло не так много времени, но молодёжи уже трудно понять смысл подобных сборищ.

Как поразило выступление Никсона с посланием конгрессу о положении в стране. В послании максимум конкретики, никакой «воды». Только один раз мне удалось прочитать полный текст послания американского президента. Трудно сказать, каким образом доклад напечатан в еженедельнике «За рубежом». Возможно, акт доброй воли наших руководителей в преддверии наведения мостов в 70-х. О сопоставлении с отчётными докладами наших генсеков не может быть и речи.

Убаюкивающая тональность государственных (других не было) СМИ времён правления Брежнева не могла скрыть крупных потрясений общества, связанных с поведением России в международном сообществе. Россия пыталась навсегда застолбить свои военно-стратегические интересы в Африке, Южной и Центральной Америке, на Ближнем Востоке, но особенно, в Азии. Общество благосклонно воспринимало участие России на стороне Хошимина в военном противостоянии с американцами во Вьетнаме, но вздрогнуло, когда возник пограничный конфликт с Китаем по поводу острова Даманский (мгновенно в народной памяти возникли кровавые конфликты второй половины 30-х

годов на Халхин-Голе, Хасане…). Слава богу, Брежневу хватило ума отдать китайцам этот небольшой необитаемый песчаный остров с правой стороны Амура и предпочесть движение в сторону улучшения отношений с великим соседом.

В 70-е в СССР выпускались два еженедельника в качестве некоей отдушины для интеллигенции. В числе десятка периодических изданий мы регулярно выписывали на дом еженедельники «Литературная газета» и «За рубежом». ЛГ выпускалась на 16 полосах, первые 8 чисто литературные заморочки, вторая тетрадь — общественно-политической направленности, начиналась с международных комментариев на 9-й странице. Дальше — острые проблемы внутренней жизни, почти в каждом номере криминальный очерк на целую страницу маститых авторов, уровня Аркадия Ваксберга, дискуссии с читателем. ЛГ имела отличную 16-ю страницу под названием «Двенадцать стульев», заполнявшуюся злободневным юмором. Я как-то додумался отправить в ЛГ юмореску, получил вежливый рукописный отказ редактора «Двенадцати стульев» Веселовского. Через 30 лет просмотрел текст, действительно он не конкурентоспособен с публикациями лидеров 16-й страницы ЛГ того времени, ныне хорошо известных Аркановым, Задорновым, Ининым, Альтовым, Смолиным…. Не привыкший к отказам в печати профессиональных статей в московских, ленинградских, рижских научных журналах, даже не попытался улучшить текст юморески и лет на двадцать полностью забросил «литературные происки». Кстати, именно на 16-й странице ЛГ я впервые прочитал крылатую фразу, популяризированную Черномырдиным, «хотели как лучше, получилось как всегда».

«За рубежом» давал много ранее недоступной информации, но требовал внимательного и вдумчивого чтения между строк. Своеобразный дайджест иностранной прессы под контролем партийных идеологов. Далеко не сразу стало понятно, что многие статьи даются в выборочном сокращении, не сразу обратил внимание, что никогда не приводились день, месяц, даже год, когда статья появлялась в оригинале. Ясно, что отбор статей тщательно фильтровался соответствующими инстанциями. Тем не менее, «За рубежом» показывал читателю более широкую картину мира, чем ежедневные советские партийно-политические газеты. Характерный пример — впечатления от публикации послания президента США конгрессу (см. выше). Неплохо смотрелись карикатуры Херлуфа Бидструпа, читались фельетоны Арта Бухвальда, короткие, но содержательные, некоторые помню до сих пор. Скажем, забавно читать, «на каком языке говорят американцы».

Уважаемый читатель! Завершаю пунктирное обозначение эпохи и возвращаюсь на родной факультет с его ежедневными страстями и неожиданными поворотами. Сложные внутрифакультетские обстоятельства выкинули меня на поверхность общественной жизни. Скажу откровенно, не рвался, был слишком занят учебной и научной работой.

Спонтанно избран председателем профбюро сотрудников факультета. Известно, в советской системе роль профсоюза была чисто декоративной (распределяли путёвки, места в общежитии, поддерживали очередь на покупку автомобиля…), но в институтах, особенно таких молодых как тюменский индустриальный институт, особая ситуация. Коммунистов среди ведущих преподавателей почти не было (только 2 заведующих кафедрами на факультете были членами КПСС), а председатель профбюро автоматически становился членом учёного совета и, что более важно, членом конкурсной комиссии факультета. Обычно партком и ректорат внимательно рассматривали и утверждали предлагаемую руководством факультета удобную кандидатуру председателя, который бы видел основной целью работы профбюро «справедливое» распределение путёвок в санатории и пионерские лагеря и не вмешивался в производственные вопросы.

Поясню. ВУЗ в стадии становления, появлялись преподаватели с опытом работы в различных институтах страны, высококвалифицированные специалисты и не очень. Кто-то приезжал ради жилья, кто-то сбегал от семьи, кто-то мечтал о быстрой карьере, учёных званиях. Год-два-три идёт притирка. Элементом давления являлась конкурсная система. Сначала преподаватель рассматривался конкурсной комиссией (5 человек, включая секретаря партбюро и председателя профбюро), затем учёным советом в 7–9 человек с теми же общественниками. Преподаватель, не получивший одобрение конкурсной комиссии, не имел шансов на рассмотрение учёным советом. Формально голосование тайное, люди науки умеют иногда держать фигу в кармане, но в сравнительно небольшом коллективе легко просчитывается, кто как голосовал.

Общее профсоюзное собрание сотрудников факультета избрало бюро в составе 9 человек, по 1–2 от кафедры. Не помню, кто инициировал моё выдвижение, возможно, сам Магарил (зав. кафедрой), но я оказался в составе профбюро. Орган, не влияющий на жизнь факультета, но роль председателя достаточно высока, причём он защищён юридически, нельзя «прокатить» по конкурсу, понизить в должности, сложно наложить административное взыскание…

Возникла идея (не помню, в чьей голове) протолкнуть на эту должность меня. До горбачёвской перестройки ещё полтора десятка лет, мгновенно облетевший институт пример альтернативного голосования вызвал гнев парткома и администрации. Вариант с моим выдвижением готовился в тайне. Партийный секретарь факультета Серов собрал избранных членов профбюро в деканате для выбора председателя, долго и многословно рекламировал оговоренного с администрацией кандидата. Кто-то предлагает мою кандидатуру. Голосование. 6 — за, 2 — против, 1 — воздержался. Полле — председатель. Секретарь партбюро от неожиданности лопухнулся, не смог взять ситуацию под контроль и публично поздравил с избранием.

Вроде бы ничего страшного, лишняя обуза, но через час показал характер, и разразилась буря. По порядку.

Здесь же, в деканате собралась конкурсная комиссия. Доцент кафедры физической химии Николай Константинович Иванов выдвигается на второй пятилетний срок. Зав. кафедрой Захаров поддерживает, а фактический хозяин факультета Магарил настаивает не рекомендовать к переизбранию (принципиальный и открытый Иванов, один из старожилов молодого факультета, многое знал о махинациях Магарила). Конкурсная комиссия решила рекомендовать Иванова к переизбранию. Мой голос стал решающим: за — 3, против — 2. Ещё через час учёный совет тайным голосованием подтвердил это решение. Во время заседания совета стало известно о сердечном приступе у Иванова, вызвана скорая помощь. Опережая события, примерно через год Иванов ушёл сам заведовать кафедрой физической химии тюменского университета, кстати, усиленно перетягивал меня («Учебная работа»).

Магарил не поверил докладу счётной комиссии учёного совета, потребовал вскрыть запечатанный конверт с бюллетенями, убедился, что два-три «своих» ослушались хозяина.

Внутрифакультетский скандал принял институтский масштаб с отголосками в среде профлидеров областного уровня. Не прислушались к мнению партийной организации! Партийного придурка Серова выстегали, заговорили об отмене выборов председателя профбюро. Стеной встали профсоюзные руководители высокого калибра (в эти дни я лично не общался даже с институтским профкомом), формально процедура избрания прошла без нарушений. Да и ректор не захотел развития подобного скандала, активность Магарила периодически доставляла ему головную боль. На год меня оставили в покое.

Работа председателем профбюро потребовала существенных

затрат нервной энергии, но и приносила удовлетворение, когда удавалось отстоять во время конкурса несколько ценных (на мой взгляд) преподавателей. Ощущение поддержки большинства в коллективе факультета придало дополнительную уверенность в собственных возможностях. Произошёл качественный скачок в способности публично разговаривать, нечто подобное (повышение самооценки) я ранее испытал после защиты кандидатской диссертации. Диалоги с Магарилом на людях о судьбе факультета доставляли удовольствие близким друзьям. Люди непосвящённые считали нас друзьями, но я во всех выражениях, замечаниях Магарила чувствовал двойной смысл, примерно также пытался отвечать. Ощущал его внутренне кипение и постоянно ждал какой-нибудь гадости.

На факультете почувствовали, профсоюз существует не только для сбора взносов и распределения мест в детсады. Регулярно собирал бюро и тормошил его членов. Организовал *постоянно обновляемую* наглядную агитацию деятельности профбюро.

Май 1972 г. Тюмень. День химика. Мой тост, впереди Нина.

Справа на переднем плане главный тюменский «оппонент» Магарил.

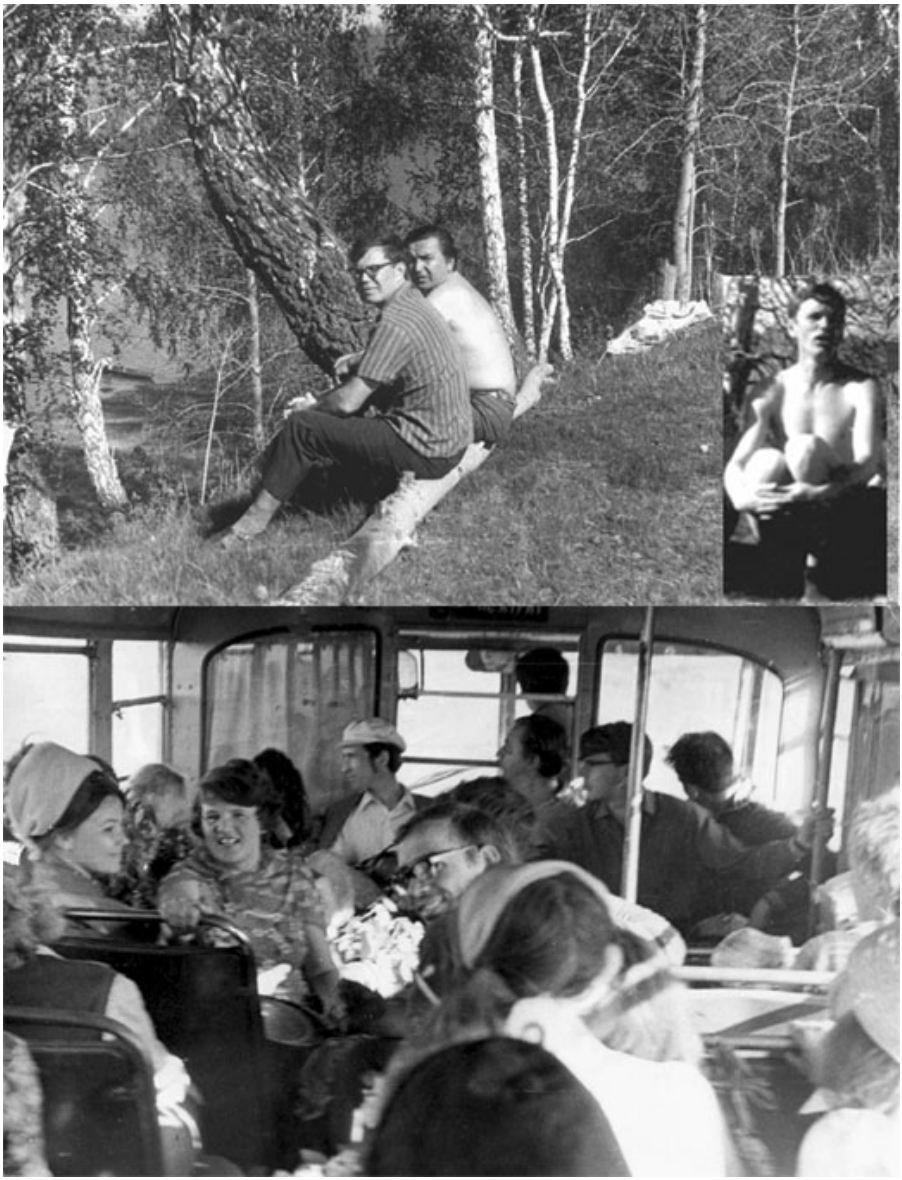
Одно из достижений — нейтрализация интриг Магарила (временная, естественно, подобных личностей только могила исправляет). С одной стороны, создался дружный тандем с деканом — Геной Неупокоевым, с другой, единственный

профессор-химик Захаров всегда оппонировал Магарилу (в интригах Захаров значительно слабее Магарила, хотя и занимал высокую должность проректора ТИИ по учебной работе). Именно в этот период громкий резонанс в институте вызвала отправка денег из кармана Магарила в Фонд мира («Научная работа»).

Организовал несколько коллективных выездов на природу (и зимой, и весной), даже с ночёвкой, с детьми, общим столом, выпивкой, шашлыками — всем нравилось. Обычно шашлыки сам жарил, пока публика развлекалась, предварительно Нина ещё дома готовила в специальном растворе десятилитровое ведро мяса (в те времена шашлыки в полиэтиленовой таре и древесный уголь не продавались «на каждом углу»).

Вспомнил студенчество и работу фотокорреспондента, достал старенький «Зоркий». На факультетском стенде напротив деканата появились репортажи, касающиеся жизни преподавателей и сотрудников, что обычно не принято в институтах (студенческая жизнь — да, доска почёта преподавателей — да, не более того). Собирались сотрудники и студенты, смотрели, смеялись, неожиданно моя инициатива признана очередной крамолой.

Как-то выпустили красивый фоторепортаж после очередного выезда на природу со стихотворными прибаутками (много личных усилий к этому приложил, по-видимому, первые литературные происки). Посмотрел Магарил, увидел на одной из фотографий себя с чужим ребёнком на руках и символической подписью «нянька», потребовал от секретаря партбюро Серова немедленно убрать репортаж, дескать, студенты могут неправильно понять голые ноги Нелли Вейнеровой (?! другой снимок). Партийный придурок Серов только что радовался, смеялся у стенда вместе со всеми, даже поздравил меня, но дисциплина есть дисциплина. Кстати, эта серая личность неожиданно появилась на факультете, также исчезла, никто добром не вспомнил.



Май 1972 г. Тюмень. День химика. Щипанов, зав. кафедрой органической химии (слева),

Жихарев (преемник на посту председателя профбюро) и я.

Все довольны, возвращение в город.

В 1972 г. Гена Неупокоев вызван на работу в минхимпром, место декана оказалось вакантным. Ректору Косухину надоели закулисные манёвры Магарила, он решил сделать его деканом ХТФ. Группа молодых кандидатов наук старалась помешать этому в рамках закона, действующей инструкции о конкурсах на замещение должностей в ВУЗах и провести альтернативного

претендента. С одной стороны, наивность молодости, с другой, желание показать несогласие с политикой Косухина. Убеждали доцента, физико-химика Жихарева выставить свою кандидатуру (по крайней мере, не отказываться при выдвижении), но тот испугался конкурировать с Магарилом, тем самым заработал через пару месяцев должность председателя профбюро. В соответствии с правилами выдвигать претендента на должность могла и профсоюзная организация. Уговорили Валю Юшину — неплохая женщина, доцент-технолог, но работала недавно и авторитет на факультете ещё не успела заработать. Выдвинули. Своевременно, как положено, вывесили на видном месте (напротив деканата) объявление. На учёном совете (количественный состав экстренно увеличен приказом ректора за счёт партийных представителей с других факультетов, присутствовало 2/3) я её представлял. Конечно, все понимали, результат предрешён и всё-таки…. При моём выступлении в зале гробовая тишина, никаких внешних эмоций, ни одного вопроса. Голосование: 7–3 в пользу Магарила при одном испорченном бюллетене. Через некоторое время Юшину вынудили уволиться, с проклятьями в адрес Магарила Валя уехала в Саратов.

Профсоюзная деятельность продолжалась год, декан Магарил и партбюро факультета хорошо подготовились к следующему циклу выборов. Хотя на общем собрании профбюро меня избрали 100 % голосованием, в состав попали новые люди, которые и проголосовали за «купленного» председателя Жихарева (не так давно приехал из Казани, вроде бы и числился в моих приятелях, но трус и любитель выпить, а потому уязвим). Работа профбюро факультета возвратилась в рутинное русло, за год меня один раз пригласили на заседание профбюро. В дневнике сохранилась любопытная запись. *02.11.73 г…. в 3 часа отчётно-перевыборное профсоюзное собрание. Жихарев сидит рядом и ноет, что члены профбюро представили ему не отчёты, а отписки. Говорю ему, что нечего представлять, так как никто ничего не делал. По-моему, сглотнул и запомнил. А чёрт с ним!*

Не случайно говорю о профсоюзе, потому что и в 21-м веке в новой России профсоюзы за редчайшим исключением находятся под колпаком администрации, являются формальными образованиями (отпала даже забота в распределении жилья и мест в детсадах) в подавляющем числе организаций, а многие частные фирмы даже не разрешают их создание. Страх потерять работу, заработок значительно пересиливает желание наёмных работников побороться за свои права. До поры, до времени, конечно!

Май 1975 г. Тюмень. День химика. Уже без Магарила.

По центру М.С.Захаров — проректор ТИИ, моя спина справа.

Другая общественная нагрузка — членство в тюменском областном совете Всесоюзного химического общества им. Д.И. Менделеева, оказалась полезной в научном плане. Участвовал в конкурсах Центрального Совета ВХО, помимо дипломов, даже умудрился получить крупную (по доцентским меркам) денежную премию. Наладил доброжелательные отношения с председателем тюменского отделения ВХО профессором Кузьмой Гавриловичем Конопелько, за счёт организации не единожды ездил в командировки.

К активным общественным или административным должностям после профсоюзного лидерства меня не подпускали (разве что к таким, как общество «Знание»), но на различных собраниях выступал нередко. Давно заметил, письменное изложение мыслей гораздо весомей вылетающих в ходе устного спора. Иной раз через много лет удивляешься, как смог так неплохо сформулировать мысли. Т. е. к выступлению надо заранее тщательно готовиться. Как к лекции в студенческой аудитории. Острый устный спор или выступление перед каким-либо сборищем без подготовки *всегда* оставляет неприятный осадок, потом ночами переживаю, что не сказал то-то и то-то, а что-то сказал не так.

В качестве иллюстрации сказанного приведу дневниковую запись по следам, по-видимому, самого громкого публичного выступления в тюменском индустриальном институте за 9 лет (полгода до увольнения). Итак, открытое партийное собрание

института с одним вопросом «Подбор и расстановка кадров». Докладчик — ректор Копылов. Актовый зал переполнен, присутствуют все сотрудники ТИИ, тема слишком злободневная, причём из уст недавно утверждённого ректора. Во время доклада отправил в президиум записку «Прошу слова», прямо как в одноимённом фильме Глеба Панфилова. *Никто* предварительно не знал, о чём собираюсь говорить. На удивление всем, представляющим порядок подготовки крупных партийных собраний, слово дали. Выступал минут 15, зал дважды продлевал регламентную норму.

Цитирую выдержки из записи на следующий день после собрания. *18.02.77 г…. Идея выступления: конкурсная система отбора на ХТФ не работает, более того является инструментом запугивания и сведения счётов. Вкратце рассказал историю переизбрания Иванова* [на должность доцента, см. выше]*, факт вскрытия бюллетеней. Сейчас Иванов заведует кафедрой университета, которая уже 3 года является лучшей кафедрой университета по всем показателям. Затем рассказал историю переизбрания Заболоцкой. И то, что работает с 1965 г., университетское образование, заочная аспирантура, ни одного замечания или выговора, и то, что мать-одиночка, и то, что квартира хорошая есть. 7 месяцев тянулась волокита, записали в характеристике недисциплинированность (то же, что инкриминировали Иванову), кафедра представила к переизбранию единогласно. На учёном совете факультета 5 человек высказались за, против никто не высказался., кроме того, что Гамидов* [завкафедрой общей химии] *пояснил, что он не выгоняет её с работы, а записал недисциплинированность, т. к. они (т. е. женщины кафедры) все недисциплинированны. Итог голосования: 6 против, 4 за. 7 месяцев женщина металась, не зная, куда обратиться, то в партком, то в ректорат. Все её успокаивали, а когда результат голосования стал известным, в ректорате ей сказали, что, дескать, никаких нарушений не было и результаты подтверждаются. Правда, посоветовали подождать до июля, может быть, всё уладится. А в июле все будут в отпуске, отдел кадров напишет приказ отчислить, как не переизбранную и всё.*

Почему это может происходить? Нынешний состав Совета состоит из 12 человек, из них 10 имеют отношение к занятиям на факультете. Кафедра Магарила — самая маленькая на факультете (6 преподавателей) — 3 человека в совете + заместитель по деканату. Кафедра технологии нефтехимического синтеза [ранее называлась кафедрой органической химии] *(11преподавателей) — 1 член совета, в т. ч. из 7 органиков (5 доцентов) — 0, непосредственно специалисты НХС — 0.*

4 года назад, когда надо было избрать Магарила деканом, учёный совет состоял из 18 человек, в т. ч. 7 не кандидатов наук, 2 доцента с других факультетов. Аргумент: увеличение партийной прослойки… Сейчас же ряд доцентов-коммунистов остались за бортом совета. Формально учёный совет формирует ректор, но фактически представляет и обосновывает каждую кандидатуру Магарил, а убеждать он умеет не хуже Фомы Фомича у Достоевского (смех в зале). А в результате это идёт во вред делу.

Предложил в постановляющую часть следующий пункт: «Усилить контроль со стороны ректората и парткома за качественным и количественным составом учёных советов факультетов».

По отзывам самых разных людей процитированное выступление — наиболее интересное на партийных собраниях за многие годы, а Магарил такой публичной оплеухи никогда не получал. На факультете большинство тоже довольны. Кстати, на следующий день Магарил на работу не пришёл. Это лучшее моё публичное выступление в жизни.

Разговоры в институте стихли не скоро. Со всех сторон неслись преимущественно резко положительные отзывы. На факультете приближённая к Магарилу знать шипела сквозь зубы: Полле — ставленник Чурилова (молодой секретарь парткома, через 15 лет, в начале 90-х, засветился в СМИ как народный депутат от Ханты-Мансийска, председатель правления АО «Нипек»). Фактически никаких предварительных контактов с парткомом не было, я сам удивился, что мне дали слово.

Поясню историю с переизбранием Заболоцкой на учёном совете факультета, примерно за два месяца до партийного собрания ТИИ. Пришлось выступать энергично в её защиту. Объяснил совету, что учился с ней в одной группе и знаю больше всех присутствующих. Заболоцкой вменяются в вину три криминала: аспирантура закончена, а диссертации ещё нет; недисциплинированность и невыдержанность. Спросил: «Товарищи члены конкурсной комиссии! Кто из Вас вовремя представил диссертацию?» Отмёл недисциплинированность, указал на некоторую природную несдержанность. Высказал убеждение, разум учёного совета должен взять верх… Бесполезно! Кстати, специфичность Тони Заболоцкой (Нестеренко) отмечена при описании первого года студенческой жизни.

Несомненно, частные события на химико-технологическом факультете ТИИ явились отблеском процессов, проходивших в обществе. В нынешние 67 лет считаю, личная активность в те годы косвенно связана с состоянием общества, застывшего после Хрущёва в ожидании перемен. Впрочем, момент спорный,

население в массе своей инертно, думать не хочет (Сталин со своими выродками постарался в дополнение к страшным потерям активного слоя общества в двух мировых войнах) и ждёт «крутого» поводыря.

Житейские страсти

Семейная жизнь шла вразнос параллельно с производственными неурядицами. Впрочем, личные проблемы настолько переплелись, что выделить роль интимной составляющей в крахе семьи и кардинальной смене профиля работы крайне сложно. Предварительно два примера в тему из жизни людей моего окружения.

На одной из пирушек в Барнауле поразили откровения красивой женщины до 30, которая говорила о своём отсутствующем муже: «Пусть гуляет, имеет любовниц, но только, чтобы я об этом не знала». Т. е. мне такая правда не нужна! Прошло более 40 лет, помню, задумался: а как она сама ведёт себя? Не факт, что также, но всё же…

Ещё один реальный случай. Одно из самых сильных потрясений для мужчины, когда до него *доходят слухи*, что он не отец ребёнка. Бывает, муж знает и молчит, так как любит жену, любит *своего* ребёнка и не надо ему другой правды. Вмешательство «общественности» приводит к эмоциональному срыву, часто заканчивается разрушением семьи, иногда более тяжёлыми трагедиями. Тюмень, индустриальный институт. Красивая и внешне счастливая пара преподавателей, он блестящий волейболист среди преподавателей института. Долго не было детей, считалось, у неё проблемы. Он — геолог, часто со студентами на практике. Наконец, она забеременела. Неожиданно пошли слухи, что геолог не может иметь детей, когда-то в геологической партии что-то отморозил. Результат? Жена превратилась в сексуально озабоченную мать-одиночку, со временем «пошла по рукам», мужчины, фактический отец ребёнка и муж, продолжили работать в институте, обоих быстро «подобрали». Печальная показательная история.

Зима в Талды-Кургане. Эльвире ~ 5 лет.

Не всё ладилось в семье и в Барнауле, появление в Тюмени немного нас сплотило, внешнее впечатление на окружающих удалось произвести. Красивая молодая умная пара с двумя детьми в недавно образованном институте — сплошное загляденье, руководство обоснованно рассчитывало на быстрый научный рост (мой, в первую очередь). Немало друзей вокруг, домашний письменный стол частенько превращался в банкетный. Обоюдная занятость в сочетании с заботой о детях позволили 2–3 года избегать крупных скандалов.

Первая тюменская зима 1968-69 гг., казалось, не закончится. Жуткие холода, проблемы не только в институте, не работали детские сады. Дома температура не повышалась выше 15? к счастью горячая вода была в достатке, дети бегали по квартире в валенках, а я сидел перед телевизором на бачке с кипятком. Положишь сверху одеяло, очень даже комфортно наблюдать в новостях как улучшается жизнь советского народа и загнивает Запад.

Тюмень. Январь 1969 г. Эльвира с Игорем справа. Рядом с Игорем Дима Кучерюк.

Июль 1969 г. Иссык-Куль, Чолпон-Ата. Эльвира опекает Игоря.

К переезду в Тюмень Эльвире 4 года, Игорю ещё нет двух. Болели часто, редко бывали дни, когда оба находились в садике. Участковый педиатр расписалась в собственном бессилии: «У меня самой двое детей постоянно болеют». Лечение: тетрациклин, сульфадимезин, димедрол. Удивительно, но нас прикрепили к лучшей в Тюмени поликлинике Главтюменнефтегаза. Ковры, мягкая мебель, никаких очередей. Подобного обслуживания (о качестве лечения сказать ничего не могу, хотя в поликлинике подрабатывали «светила» тюменского мединститута) не видел ни раньше, ни позже, ни в Барнауле, ни в Томске. Здесь же лечились и мы с Ниной. Лет через 5–6 всех доцентов ТИИ из привилегированной поликлиники выкинули.

Июль 1969 г. Иссык-Куль, Чолпон-Ата. Эльвира, Игорь и папа-лодочник.

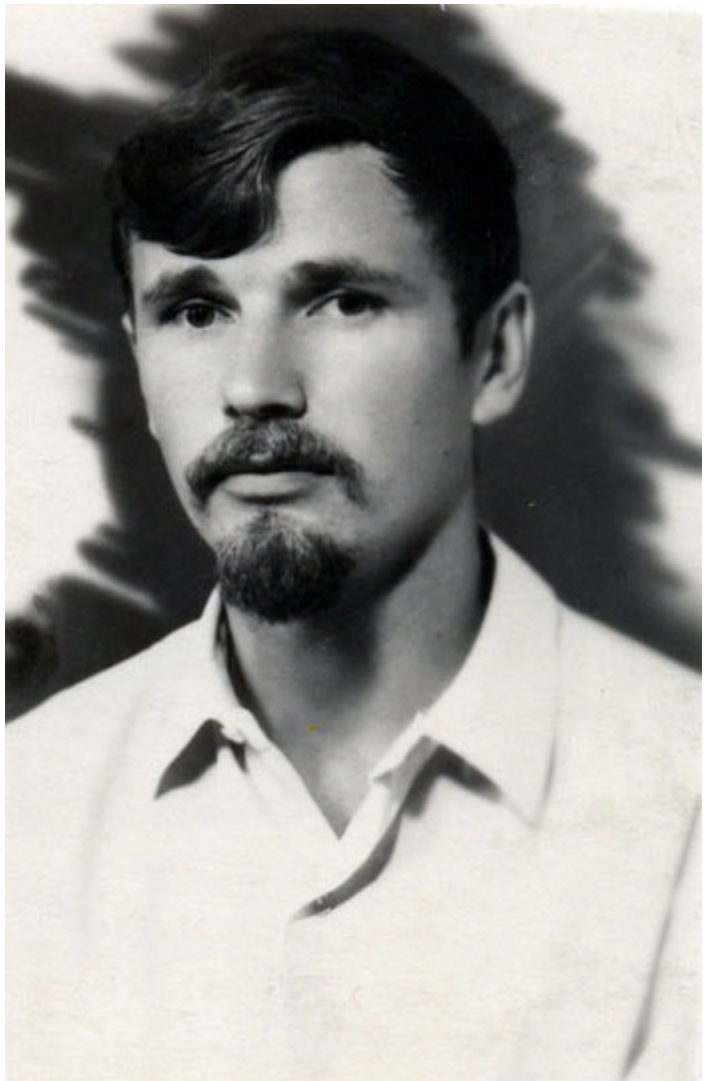
Нервотрёпка на работе, нелады с диссертацией Нины, постоянные болезни детей выплёскивались в семейные ссоры. Особенно накал страстей возрастал при появлении тёщи (известна манера большинства женщин «работать на публику»). Выражения типа «гестаповец», «фашист» в мой адрес со стороны Нины бесконечно звучали не только в присутствии детей. Тёща, приезжая в Тюмень, называла меня любимым зятем, публично в семейные конфликты не вмешивалась, однако переломить себя не мог и обращался к ней все двадцать лет знакомства только по имени-отчеству «Мария Ефимовна».

В интимной жизни нарастало взаимное раздражение, всё

делалось через «не хочу». Ночные обоюдные размышления об отсутствии удовольствия, о физическом несоответствии параметров, о необходимости где-то поучиться, скорей всего, являлись следствием добрачной сексуальной неподготовленности (всё-таки, два девственника в паре — «перебор»). В семейных ссорах всё чаще высказывался, что живу с Ниной только ради детей (сейчас думаю, не совсем так), хочу ещё детей. Однажды услышала моё мнение тёща: «Как это жить ради детей?» К слову, тёщин муж, отец моей жены, повесился в 1951 г.

Терпению пришёл конец в марте 1971 г., когда тёща, вопреки моему желанию тайком увезла Игоря в Бийск. Юбилей, мне 30 лет, а я несу в суд заявление о разводе. Для многих в институте это стало неожиданностью. Нина подавлена (хорошо видно), обращается за помощью, распространяется про большую любовь. Началось давление друзей, особенно Гены Неупокоева. Нина и дети, любовь и ненависть, всё перепуталось. Позволил себя уговорить, решили так: я забираю заявление, уезжаю на два месяца в отпуск, затем уезжает в отпуск Нина, а через 4 месяца будет видно.

06.04.71 г. забрал заявление под унижающую насмешку судьи (бывают же мелочи, которые помнишь всю жизнь, для человека душевная трагедия, для судьи — ежедневная рутина), уехал в Талды-Курган.



20.07.1971 г. Тюмень.

Прошло почти 40 лет, не могу разобраться, правильно ли поступил, затормозив развод. Нет сомнения, дети выиграли, работа — пожалуй, всё. Любовь? Любовь не могла восстановиться на уровне ранней молодости, более того, супруг, которого пытаются бросить, никогда не простит, после некоторого эмоционального всплеска, остатки взаимной доброжелательности объективно начинают сокращаться, окончательный разрыв — дело времени. Уверен, единственное, что могло в тот момент резко улучшить семейную атмосферу — рождение ещё одного ребёнка, но здесь Нина стояла твёрдо. Окружающих поразил факт начала юридической процедуры расторжения брака без подготовленного «запасного аэродрома» (женщина, жильё…). Развёлся, а дальше? Но «опыт есть». Ещё. Находясь постоянно

среди женщин, рассматривал их либо просто как сотрудниц, либо как студенток, не реагировал по-мужски (30 лет!) на отдельные знаки женского внимания, т. е. «слюни, руки… не распускал». Не исключаю, частично поведение связано с физическими перегрузками, интенсивной научной деятельностью, работой Нины на соседнем этаже, но главное — *внутренний стопор*.

И вот теперь этот стопор мысленно решил ослабить (не убрать, нет, просто ослабить). Неужели я не в состоянии найти женщину, которая действительно будет любить? Не будет унижать ночью, и оскорблять днём? Однако моральный внутренний стопор — штука серьёзная и нелегко поддаётся ослаблению, у меня только в состоянии сильного подпития. Не мог трезвым смотреть в глаза женщине, не супруге, и убеждать, что хочу её, не мог, не научился, таким и помру, наверно. Как и заниматься сексом днём, если (очень редко случалось) действо происходит на свету, то с закрытыми глазами. Чувствуется смех современной молодёжи, но таким жизнь прожил. И это факт! Существовала с активной подачи Нины и другая сторона стопора — ощущение сексуальной неполноценности. В какой-то момент Нина сознательно толкала к своей старшей кафедральной подруге *поучиться*. Подруга бальзаковского возраста не была проституткой, просто большой любительницей молодых мужчин, особенно заочников, приступила к атаке. Как-то у нас дома (не помню, где была Нина и дети) «опытная подруга» склонилась надо мной, лежащим пьяным, и начала гладить моей рукой собственную грудь 4-5-го размера: посмотри, какое платье красивое. Не помог даже сильный алкоголь, стопор не поддался, проржавел, по-видимому.

Далее я попытаюсь рассказать обо *всех* подругах, на которых останавливался глаз в контексте излагаемой личной проблемы. Общее количество подруг в тюменский период жизни мало что говорит, только одна из них в период семейной жизни перевернула душу, всё остальное — свидетельство нравственных метаний между долгом перед детьми, собственным имиджем и *психологическим* дискомфортом совместного с Ниной существования.

В июне 1971 г. я оказался на Иссык-Куле («Разгрузка») в компании с двумя колоритными мужиками из Москвы и Алма-Аты. В середине сезона появилась тройка симпатичных «дикарок» из Минска, образовалась компания для нескучного проведения времени (без блядства). Две замужние минчанки быстро разобрались в ситуации (женщины в этой сфере гораздо сообразительней мужчин) и направили усилия на сведение со мной третьей, девицы, использовавшей первый отпуск после

окончания ВУЗа. Ходили в горы, катались на лодках, ели шашлыки, запивая хорошим вином, целовались (не более того). Женщины (похоже, из круга очень обеспеченных людей) нарисовали себе идиллическую картину, как привезут в Минск колоритную супружескую пару: 30-летний усато-бородатый доцент и 22-летняя фигуристая блондинка. Якобы, вопросов с работой и квартирой не будет. Первоначально с удовольствием поплыл по волнам, но вдруг заработал ещё один внутренний стопор: нельзя выбрать Минск в качестве постоянного места жительства из-за моей национальности. Нюанс понятен представителям конкретной диаспоры. Меня пытались переубедить, дескать, время изменилось. Уже позже, в Сибири, получил несколько отчаянных призывных писем. Бесполезно! Поставил крест, оставив в памяти приятные воспоминания. Кстати, все тюменские годы арендовал почтовый ящик на главпочтамте, на домашний адрес получали письма только от близких родственников.

Я вернулся в Тюмень работать в приёмной комиссии, а Нина с Неупокоевыми улетела в отпуск на Камчатку в долину гейзеров (организовала путёвки и разрешения на въезд проживавшая в Петропавловске младшая тётя Нины). Эльвира лето проводила в Талды-Кургане, Игорь — в Бийске.

Лето. Большинство преподавателей в отпуске. С утра до вечера командовал работой факультетской комиссии, практически знал всех поступающих абитуриентов. Отравлял существование приступ застарелого радикулита. Витя Кучерюк также работал в приёмной комиссии своего факультета. У него солидные клиенты, в основном, из заочников, которые не один раз вывозили нас на природу. Естественно, с обилием спиртного. Алкоголь на короткий период ослаблял боли в спине, но не решал проблемы.

Помощь вызвалась оказать соседка, учитель физкультуры, жена уехавшего в отпуск доцента-химика. Любой мужчина может представить внутренние ощущения, когда на твоей жопе сидит молодая женщина и делает массаж поясницы. Всё внутри шевелится, «звенит», тем более, позади южный длительный отпуск без половых контактов. И о радикулите забыл. Вечером ужин с вином на четверых (ещё пара Кучерюков) и танцы в нашей квартире. Один день, второй, третий…. Наконец, поздней ночью тихонько (все в подъезде знакомые, работники института) стучусь в дверь её квартиры. Долгих уговоров не было. Один нюанс: массажистка «слегка» беременна, готовилась к аборту, но не думала, что мне это известно (соучастница вечерних квартирных танцев в полумраке Лена Кучерюк не преминула поделиться

информацией). Вспоминая через 37 лет ту ситуацию «в лицах», не могу понять, что это было со стороны друзей: подталкивание к интимным контактам с массажисткой или наоборот, или просто привычка сплетничать. Как бы там ни было, массажистка оказалась 2-м половым партнёром в жизни и только одну ночь. А утром задумался: боже мой, за что боролся… Никакого удовольствия, только некоторый сброс полового напряжения… Танцевать приятней! Не знаю, какие пошли слухи (думаю, через ту же Лену Кучерюк), но Нина вспоминала массажистку, сидящую на моей спине через много лет, а её муж перестал здороваться и втихаря что-то бурчал о фашистах.

Июнь 1972 г. Древний Торжок. Рядом Фёдор Ефимович Березовский, дядя Нины.

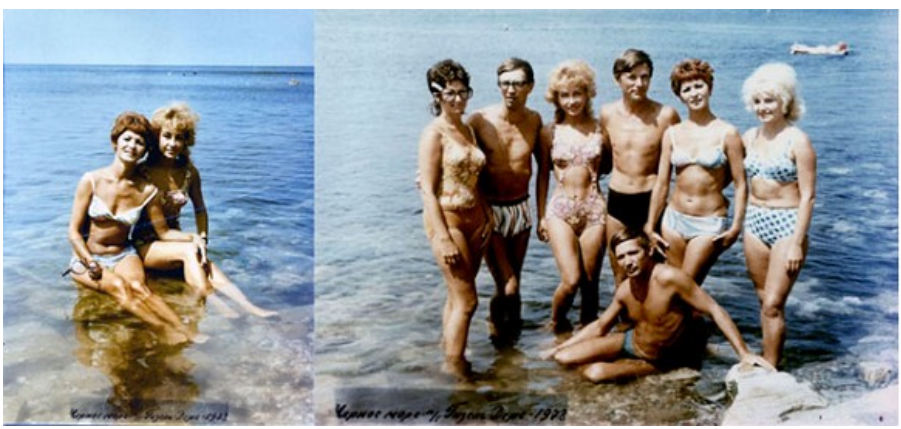
Всю жизнь, работая в женском окружении (большинство химиков университетского уровня — женщины), являюсь принципиальным противником служебных романов. Это, однако, не означает, что не замечал красивых или просто приятных женщин или женщин, добивавшихся моей благосклонности. Неожиданно по ночам начала сниться студентка 4-го курса (никто об этом не знал), умненькая симпатичная татарочка из группы, отобранной на выполнение дипломных работ по моей научной тематике («Учебная работа»). Её нелепая трагическая смерть стала ледяным душем, навсегда отбила желание смотреть на студенток, как на женщин.

Прошло два года. Семейная жизнь немного стабилизировалась, возможно, благодаря интенсивным совместным усилиям к организации защиты Ниной диссертации.

Летом 1973 г. профком выделил льготную путёвку в не самый престижный пансионат на Чёрном море. Договорились, что к окончанию моего срока Нина с детьми и тёщей приедут на поезде в Сочи, оттуда на электричке вместе поедем в Абхазию. Небольшая перепалка с Ниной произошла из-за того, что я свои отпускные деньги полностью взял с собой, дескать, целее будут.

Неделю скучал, лежа на пляже (громко сказано, бетонные плиты + циновки напрокат) пансионата Гизель-Дере и пил чешское пиво. Появилась новая партия отдыхающих, рядом на пляже в одиночестве разместилась девушка, заметен интеллект, но уж больно «смурная», недовольно выбирает из-под себя мелкие камешки (на бетоне ощущения камней даже сопоставить с песчаным пляжем нельзя).

Насмешки с моей стороны, слово за слово и «Остапа понесло». Влюбился. До потери сознания. Влада (по паспорту Алла, отчим — чех), 26 лет, гуманитарий, выпускница МГУ. Есть муж, дочь, проживает в Череповце. Любимый друг (по её словам, при мне порван авиабилет в Крым на встречу с ним) — певец Лев Лещенко.



Июнь 1973 г. Чёрное море, пансионат «Гизель-Дере». Вторая справа Влада.

Сказалось полное отсутствие опыта «бабника». Влада — единственная знакомая к тому времени женщина, которая умудрилась из моего сложного имени изобрести уменьшительно-ласкательное обращение. На фоне средне серой пляжной публики женщина выглядела этакой «столичной штучкой». Разговоры, разговоры, разговоры, танцы, прогулки в сопровождении лягушачьих трелей, первый поцелуй, однако стремление к более близкому контакту пресечено на корню: «На циновке? В палате с фанерными стенками? Сними комнату!» И через 35 лет вспоминаю урок необходимости уважительного отношения к

женщине, преподнесённый потенциальному любовнику. На следующий день всё выполнено, иду 6 км по шпалам в Туапсе за цветами. Огромный букет ярко-красных гладиолусов, фрукты, вино, «свадьба» с приглашением тюменца Володи Ведерникова с подругой, мой поэтический тост (интересно бы сейчас почитать). Наконец, одни. Влада отрывает цветки от стеблей и разбрасывает по подушкам (прямо Индия какая-то). Как всегда, тороплюсь…

Начинается сексуальный ликбез. Кто тебе внушил? Ты не понимаешь, большой орган только боль доставляет женщине (говорила интимные вещи прекрасным понятным литературным языком, кто бы мог подумать, что на темы близости можно в жизни говорить без мата или вульгарных выражений). Связь сибирского дилетанта с сексуально опытной женщиной однозначно привела к повышению мужской самооценки. Впервые понял и ощутил женский оргазм.

Наши контакты продолжались менее двух недель, пляжной публике напоминали бразильский телесериал со сближением, охлаждением, снова сближением и мучительным расставанием (ежедневная ходьба по шпалам в Туапсе, цветы, её попытки клеить профессора МГУ из соседнего пансионата, истерика моего поведения…). Большинство отдыхающих сочувствовало мне, хотя я в этом не нуждался. Надо было видеть со стороны мою беготню по Адлерскому лётному полю (как пропустили?!), поцелуи на трапе. Несколько лет спустя зазвучала прекрасная песня в исполнении Вахтанга Кикабидзе «по аэродрому, по аэродрому…», как будто написанная по моему заказу. Влада приехала позже, улетела раньше, почему? — так и осталось мне неизвестным. Фактически прекратил есть, ни на кого не смотрел, замкнувшись в себе, почернел и осунулся. Таких страстей я не испытывал ни до, ни после. Именно Влада разрушила неуверенность в интимной сфере. Я потерял голову, почти все отпускные деньги (дополнительный повод будущих семейных скандалов) потратил на цветы,

Неожиданно слышу вопрос от одного из отдыхающих: «*Ты, что, полюбил?»* В 32 года впервые обратил внимание, что люди разделяют понятия «влюбился» и «полюбил». Влюбился — обычный курортный роман, полюбил — дело серьёзное. Для меня? Скорей всего первый вариант, хотя при встрече с Ниной объявил, что хочу уйти к потрясшей меня женщине. Куда??? Очередная житейская глупость, превзошедшая события марта 1971 г.

Нина и тёща по прибытии в Сочи сразу обратили внимание как я осунулся. Менее опытная Нина решила, что внешний вид — следствие глубокого перепоя. В первую же ночь не смог утаить от

Нины желание уйти к другой женщине. Реакция Нины на блуд мужа: остервенелый секс и до того не встречавшийся в их постели женский оргазм (похоже и Нина не понимала раньше, что это такое). Ревность или любовь? Любовь или ревность? Однозначного ответа нет. Помните Ларошфуко: «*в ревности больше самолюбия, чем любви*».

Продолжение отпуска превратилось в кошмар. Помимо нас пятерых в гостях у дяди Артура оказались мама и папа (неожиданно прилетели из Талды-Кургана). Тёща и папа упрекали меня за длинный язык (что было, то было, но зачем жене об этом говорить?). Однако слово — не воробей… Эта поездка к родственникам в Абхазию была для меня последней (в глаза никому смотреть не мог), Нина же была там ещё не один раз (в 80-е помогала зачислению в ТИИ сына Геды и Терентия Чаниа).

Забегая вперёд, последний раз я увиделся с Владой через год. Никаких контактов, ни телефонных, ни письменных после её уезда из Гизель-Дере не было. В начале июня 1974 г. я летел из Еревана в Свердловск с пересадкой в Москве, рассчитывал два выходных дня провести у Неупокоева. Собрался предупредить Гену, искал в аэропорту телефон-автомат, наткнулся на междугородний и наобум, заранее даже не думал об этом, позвонил в Череповец (удивляюсь, как номер телефона в голове остался). Влада случайно оказалась дома, занималась уборкой. Что-то замкнуло в голове. Ночь поездом туда, ночь обратно, день в Череповце. Промышленный загазованный город Вологодской области. Преимущественно дома в 4–5 этажей, есть и девятиэтажки. Много зелени. С утра разыскал городской базар, купил цветы, шампанское, апельсины, затем на такси отыскал конспиративную квартиру (кто-то из её друзей уехал на дачу). Посидели, поговорили часа три, никакой близости. Подарил Владе купленную в Ереване красивую чеканку «Ахтамар» (легендарная женщина с факелом), удивительно символично. Договорились встретиться летом на море. Никто, кроме нас двоих о встрече не узнал. На прощанье позвонил ещё раз с вокзала, почувствовал раздражение в голосе, хотя и сообщила, что «Ахтамар» уже висит на стенке. Сел в поезд, что-то щёлкнуло в душе. Из меня пошли стихи-послания. Раньше мог себя заставить написать короткий стишок, но стремления не было. А здесь на одном дыхании лист формата А-4 с двух сторон. Ежедневно по маршруту движения до Свердловска, затем Тюмени отправлял по конверту со стихами в Череповец. Душа вновь запела. К сожалению, не оставил себе ни копии, ни набросков, по-видимому, глупости писал. Недели через две пришла телеграмма

от Влады, что уезжает с мужем в Карпаты, других возможностей нет. Понял бессмысленность продолжения контактов и предложил Нине вместе отдыхать в Севастополе.

Что это было? Любовь? Влюблённость? Мечта о любви? С какой стороны посмотреть. Одно могу сказать, в части контактов с женщинами встреча с Владой — самый яркий луч в жизни. Или это нынешние старческие фантазии?

Возвращаюсь в 1973 год. Летнее увлечение жёстко аукнулось осенью. Прошли августовские приёмные экзамены, Нина вновь едет на Чёрное море куда-то поблизости от Гизель-Дере (по крайней мере, обследовала пансионат). Я полтора месяца управлялся с детьми один. С появлением Нины душевный чирей перезрел, должен был лопнуть. И это произошло в 11-ю годовщину нашей свадьбы 19 октября. Подробности первого семейного мордобоя процитированы ранее («Происхождение, родственники. Полле Нина Николаевна») из дневника, повторять не буду.

За пять дней до этого безобразного события начал вести дневник, ниже часть процитирую, чтобы передать ощущения, эмоциональную внутрисемейную тряску. Разбираю дневниковые каракули тех давних лет (о персональных компьютерах ещё даже не мечтали) и, видит Бог, впервые стараюсь вынести на публику записи по теме без смысловых купюр, орфографических и синтаксических изысков. Кому-то записи 1973 г. покажутся соплями, недостойными мужчины. Может быть и так. Прямо скажу, за 35 лет на кое-что в личностных взаимоотношениях супругов мои взгляды изменились. Спешащий читатель спокойно может пропустить дневниковые эмоции 32-летнего провинциала, мечтавшего о счастливой семейной жизни.

14.10.73 г. Много лет я мечтал завести дневник и вот, наконец, потребность в этом взяла верх над ленью. Каждый человек должен иметь кого-либо, с кем можно поделиться внутренними переживаниями. Сейчас у меня нет такого человека. В такое время и думаешь как правы христианская и другие религии, позволяющие изложить в исповеди свои внутренние переживания без опасения быть осмеянным или даже быть выставленным на посмешище перед публикой, любящей смаковать чужие неприятности.

К сожалению, я и с тобой не могу быть полностью откровенным, так как всегда существует большая вероятность, что Нина найдёт и, естественно, прочитает мои записи. Затем автоматически сработает характер Нины, а она никогда не желает сдерживать своих отрицательных эмоций, и опять пойдут шушуканья на факультете, а может и в ректорате, о семейных

взаимоотношениях Полле. Как меня это угнетает, что и ректор и проректор рассуждают со мной об отношениях с женой.

Люди часто считают меня нелюдимым, но это заблуждение тех, кто меня мало знает. Ведь никто же так не считал в студенческие годы. Просто я трудно схожусь с людьми, какой-то внутренний тормоз не позволяет мне сходиться так, как, скажем, с Аникеевым. И это даже с теми людьми, которые мне нравятся, или которых уважаю. С теми же, кто выражает ко мне неприязнь, я совсем не умею вести себя. Исключение — Магарил, но этот умён и, несмотря на всё происшедшее между нами, ценит некоторые мои качества, хотя и старается не давать им хода.

В том, что у нас практически нет семейных друзей, виноваты мы сами. Ведь сфера нашей деятельности — это сосуществование эгоистов. Формы проявления разные, а суть одна. Если меня считать эгоистом, то что можно сказать о Неупокоеве, Ушкаловой, Щипанове, Шумове, Шаброве, Жихареве, Пнёве, Баканове, Захарове, Магариле, Амелине…[ведущие сотрудники химфака ТИИ]. *Практически это качество присуще всем научным работникам, желающим чего-то добиться в жизни и продвигающих в меру способностей науку. Может быть, именно поэтому на факультете почти нет деятельных личностей, которые были бы очень дружны в семейной обстановке. А те компании, которые образуются, быстро распадаются (Шабровы + Подборновы; Полле + Ушкаловы, Щипановы, Жихаревы). Просто в таких компаниях неинтересно: бесконечно пережёвываются факультетские сплетни. Лично мне становится тошно от этого, тем более, что знаю, как все на факультете, более или менее расположенные к нам, благодаря Нине, бесконечно перебирают наше грязное семейное бельё.*

При этом мало кто из близких к нам людей знает о моих положительных личных качествах (кроме сугубо деловых). Все девушки и женщины, мне симпатизировавшие, начиная с 8-го класса, считали меня очень ласковым и чутким (…), все за исключением Нины, от которой я не слышал этого даже в самый первый период нашей дружбы и не услышал в течение всех 11 лет супружеской жизни.

…Сколько помню из семейной жизни, примерно, через год после рождения Эльвирки не проходило и не проходит неделя, чтобы я не думал о самоубийстве. Сначала остановила меня Эля, затем обои дети. Я глубоко убеждён, что детям без меня будет плохо, что они будут предоставлены самим себе либо будут с женщиной, которая своих детей не хотела воспитывать, и вспомнила об их существовании, когда Нина стала взрослой. Кстати, ещё одна глубокая убеждённость, что присутствие Марии Ефимовны резко

отрицательно сказывается на нашей семейной жизни. Не исключено, что сама она этого не понимает или не хочет понять. Суётся в чужую семейную жизнь с советами и рекомендациями, хотя сама со многими мужчинами не смогла ужиться и в 50 лет осталась одна. Лучше бы в детстве приучила своих детей к чистоплотности и к способности любить кого-нибудь, кроме самой себя.

Сейчас сдерживают меня от самоубийства папа и мама. Ведь они очень больные и очень надеются на мою поддержку в старости. Вельда им больше нервов треплет, чем раньше. Ожидание, что с возрастом характер у человека улучшится, всегда не выполняется. Конечно, у мамы болезненно-нервный характер с большим количеством неприятных странностей, но иногда до слёз бывает обидно, что за 6 лет она не может приехать к нам хоть на 2–3 дня, посмотреть, как живём. Конечно, в этом виноват только лично я, так как из боязни накалить обстановку в семье, всё время не советую ей приезжать. Да, если наши дети будут также относиться к нам в тридцатилетнем возрасте, это будет ужасно.

Вообще я сильно внутренне переживаю, когда слышу о самоубийствах. Витя Мазур, Рудик, Витя Левин, знакомый физик из ТИИ и др. Очень неприятно, когда люди смеются над этим или считают погибших ненормальными. Ведь чтобы решиться на такой шаг надо много внутренне пережить, этот шаг не является проявлением эпизодической слабости. Мне кажется, что люди готовятся к такому акту годами (не имею в виду неожиданно опозоренных или разоблачённых). В сущности, у меня всё готово и продумано для этого. Остаётся капля (большая? маленькая? — не знаю). Лучше было бы, если бы она вообще не упала, но не знаю. Временами такое состояние накатывается, что хуже некуда. К сожалению, только Нина вводит меня в такое состояние. Любые неурядицы в институте лишь вызывают у меня деловую активность.

В жизни многие считают меня замкнутым, малоразговорчивым, но ведь это не так. Я очень откровенен в отношениях с людьми, но данная черта характера часто становится причиной какой-либо неприятности. Чаще всего подобное происходит на работе, когда человек, слушающий тебя и поддакивающий, затем излагает твои рассуждения совсем в другом аспекте. А дома Нина довела извращение моих высказываний до такого состояния, что я внутренне не могу быть искренним с ней до конца (хотя и стараюсь). Как повернулось всё с моей откровенностью относительно Влады. Ведь вывернула всю сущность и извратила до невозможности. А ведь Влада — это метеор, пролетевший в моём чёрном небе и уже давно сгоревший.

Нина так постаралась опошлить наши взаимоотношения. Она не хочет понять, что для меня главное — платоническая любовь, а не физиология. И я хочу, чтобы меня любили тоже и не хочу ждать всё время с внутренним трепетом очередного оскорбления… Как в песне: жить без любви, быть может, просто, но как на свете без любви прожить?..

16.10.73 г.…Вчера опять целый день возникали микроконфликты с Ниной. Странное всё-таки у неё поведение. Лезет с поцелуями и сразу же вставляет какую-нибудь устную гадость. Я так не могу. Это ужасно меня изводит. А, в общем-то, она мается от безделья. Вечно жалуется на большую нагрузку, а ведь это не так. Кроме учебной работы она не собирается что-либо делать. Пусть так, но зачем мне мешать работать? Ко всему прочему меня сейчас сильно мучает радикулит. Не могу же я ей об этом постоянно говорить, а без слов она вообще ничего не хочет понимать. Прыгает с разбега на спину и оскорбляется, что я недостаточно рад этому. Иногда хочется понять, но не могу, откуда такая душевная бесчувственность к людям при большой чувствительности к самой себе. Ведь Нина никогда никому не сочувствует в горестях, у неё никогда не промелькнёт слезинка в кино, никогда первой не заметит болезнь Игоря или Эльвирки. И почему я вскакиваю среди ночи при каждом кашле ребёнка, а она нет?

В то же время в институте какая-то наигранная весёлость, всех тыкает, разговор ведёт так, что в радиусе 50 м всё слышно. Мне очень неприятно, что она приобрела репутацию бляди, но она ведь только с ними вместе, преимущественно с разведёнками и матерями-одиночками. Мудра пословица: скажи, кто твой друг…

Мне кажется, эта писанина — скулёж на луну, но ведь не с кем устно поделиться! Надо, по-видимому, и о делах писать, но семейные неурядицы выбивают все мысли из головы. Отвратительное состояние. Не знаешь, чем заняться, хотя работы очень много.

Надо запускать хроматографы, ведь оба не работают, с 22 начинаются занятия и пока практикум не готов. А если я вдруг слягу, будут потом сечь меня. А как продуктивно я поработал в сентябре. В присутствии Нины этот объём я не выполнил бы и за два месяца….

18.10.73 г. Опять с утра получил на голову ушат грязных оскорблений. Формальный повод: Элина учительница по музыке просила придти мать 17.10 вечером, под предлогом дождя Нина не пошла. А сегодня с утра у Эли занятия и я попросил Нину пойти вместе. Что тут поднялось.

Да у Нины полный сдвиг. Всё внимание только себе одной.

Часами занимается собой и часами сплетнями. На мой взгляд, это уже перешло все пределы. Ноль внимания детям, ни тетради не посмотрит, ни одежду. Если я не подскажу, то Игорь ходит в грязной рубахе в школу и с грязными ногтями. Меня это больше всего огорчает — полное невнимание детям, хотя формальная любовь проявляется в виде множества поцелуев Игоря. Но это опять же свидетельствует о том, что в детях Нина любит только себя.

…Надежды, что удастся наладить семейную жизнь, летят кувырком. Не знаю, быть может, я ошибаюсь вследствие одностороннего подхода, но не я в этом виноват. Я готов сделать, и делаю, все, что желает Нина. Нина требует от меня бесконечных признаков ласки и внимания, но сама-то их не проявляет. И когда садится ко мне на колени, то делает это только для того, чтобы я её ласкал. Сама же и не подумает хоть произнести ласковое слово или имя моё произнести. И не хочет понять, почему я обижаюсь на такое отношение. Я ведь тоже хочу, чтобы меня любили, а не попрекали вечно вымышленной любовью. Да человеку, который будет меня любить, я всю душу отдам. И снова я, может быть, буду разговорчивым и хоть временами весёлым. Нина всё попрекает, что в Гизель-Дере я слишком много улыбался. Но в целом-то я был ещё более мрачен и неразговорчив, чем в Тюмени. Если Володя Ведерников (спутник из ТИИ) там поправился, то я похудел и устал душой, именно душой. И вот сейчас перед началом семестра я измочален до невозможности и с ужасом думаю о будущих занятиях…

25.10.73 г. Не писал несколько дней. Всё лечил Нину, делал обед и сидел на занятиях. Лицо у Нины приобретает нормальный вид, но образовался какой-то небольшой выступ с левой стороны переносицы, неужели перелом? Хуже ничего не придумаешь! Морально Нина входит в привычную колею и по несколько раз в день извергает потоки оскорблений в мой адрес.

У меня шрамы на лице почти незаметны, а последние дни (22–24.10)было довольно неудобно, так как каждый знакомый пытался выяснить причины. Нину ещё никто не видел, полчаса назад запустил Таню [сестра Нины].

26.10.73 г. Опять старая история. До полуночи доказывала мне, какой я негодяй. Никаких сил у меня на это нет. Ну что делать? Ведь я домосед. Уходить? Но здесь, как мне кажется, я имею вполне приличный авторитет, хотя Нина и твердит постоянно, что все меня ненавидят. Да и положение моё весьма прочное. Покончить с собой? Детям будет плохо… В 12 часов пошёл домой, по пути зашёл за сапогами Нины, отданными в ремонт. Хотел позаниматься чем-нибудь дома. Но… Как обычно

язык Нины сначала вогнал меня в полную апатию. В результате пришлось тащиться снова в институт. Да, надо всё-таки решаться, жить с Ниной рядом невозможно.

27.10.73 г.…Вчера устроил бойню тараканам, так Нина ещё выразила недовольство, что слишком суюсь в хозяйственные дела. Сама же делать ничего не хочет, только скулит, как ей тяжело. Я же, например, вижу, что любые хозяйственные дела она делает до ужаса не рационально, будь то стирка, приготовление обеда или мытьё пола. Любую их этих операций я в состоянии сделать быстрее и качественнее. Может быть за исключением приготовления отдельных видов пищи, да и то потому, что их никогда не делал. За полтора месяца, что Нины не было дома (25.08–05.10) дети и я ни разу не питались в столовой, всегда имели горячую и качественную пищу (на обед и на ужин). И это при довольно небольших затратах времени.

29.10.73 г. Понедельник — день тяжёлый, а для меня тем более. Ещё не было воскресенья, которое бы прошло в спокойной семейной обстановке… Остаётся единственное — молчать, замыкаясь в себе. А это, в свою очередь, вызывает ещё больший взрыв недовольства (злобы). Всё больше выражается недовольство, что занимаюсь женскими делами. Лучше бы занимался мужским делом, зарабатывал деньги. Да для неё гораздо выгоднее иметь повод кричать везде, что я дома ничего не делаю. Теперь же, когда домашними делами занимаюсь больше Нины, ей это не нравится. Хотя сама по себе она больше делать не будет. Лучше пусть в доме будет кавардак, чтобы каждому вошедшему можно было объяснять: работа, обед, уборка, стирка, дети, а у мужа в голове только бумажки. И у людей, мало знающих нашу семью, она находит сочувствие. А это то, что и нужно. Начинается плач относительно того, что нечего одеть и т. д. Вообще говоря, если снять скрытой камерой документальный фильм об одном дне нашей семьи, это было бы отличное развлекательное шоу для зрителей. Милые детки, открыто начинающие обманывать родителей; мама, стерегущая каждую папину положительную эмоцию, чтобы немедленно перевести её в отрицательную; папа, бесконечно заискивающий перед мамой, что опять же вызывает её раздражение и т. д.

30.10.73 г. 0 ч.40 мин. Агония! Семейная, конечно! Сегодня опять Нина рылась в моих бумагах, портфеле и обнаружила этот дневник. Как это противно читать чужие личные записи.

В 23.45 легла спать со мной, потом демонстративно ушла спать к Эле. Выключила телевизор, отрезала провод у радио. Я не знал, что Эля не спит, а Нина начала такие разговоры, что взрослому было бы стыдно слышать. Милая Эленька! Как хочется,

чтобы у тебя было хорошее детство. И поверь мне, моя хорошая, что я всегда старался, чтобы вам, детки, было хорошо. Ты многого, Эленька, не понимаешь сейчас. Я, наверно, кажусь тебе и Игорю строгим и это, по-видимому, вам не нравится. Я надеюсь, Эленька, что ты правильно когда-нибудь оценишь моё поведение. Игорь, наверно, меня забудет, а ты, конечно, нет. Я не ухожу от вас, меня выталкивают. Вы не можете, милые Эля и Игорь понять, как тяжело переносить такое состояние. Всё это нужно, чтобы я ушёл, а потом везде кричать, что он такой-сякой бросил семью, детей ради шлюхи. Какой шлюхи? Она всё ищет письма, но ведь я писал только на юге и ни одного письма не получил, а отсюда и не думал писать. Что появилось в воспалённом мозгу Нины, не понимаю

8 ч 00 мин. Ночь прошла кошмарная, сначала писал, потом читал, потом выключил свет и хотел лечь спать…

02.11.73 г. Не так-то просто записать несколько строк. Только сядешь, кто-нибудь подойдёт. Прошлую запись не закончил, из-за этого лёг спать я в тот день где-то после 4 часов, всё-таки уговорив Нину перейти на старую кровать.

Вчера вечером опять пришла Лена Кучерюк жаловаться на жизнь, естественно Нина пристроилась в резонанс и опять испорченное настроение, опять разговоры до половины ночи, затем какой-то тяжёлый сон с бесконечным вскакиванием. Утром не было воды и поэтому я остался лежать.

Игорь ушёл в школу, Эля на экскурсию и тут вдруг Нина повеселела. В результате первая половина дня прошла вроде вполне прилично…

Сегодня Игоря приняли в октябрята, так он утром встал рано и очень рад был предстоящему событию. А вообще с ним творится кое-что неладное. Откуда-то у него постоянно появляются копейки, какие-то значки и т. д. Пропал нож складной, который был у меня с 11.03.60 г. Начинаю принимать меры, пока словесные. А вообще он довольно часто нас обманывает (пытается). Я считаю, что это «бийское» воспитание. У Эли все эти симптомы проявляются в гораздо меньшей степени.

03.11.73 г.…В разговоре со Щипановм [зав. кафедрой] *признался, что в настоящее время очень взвинчен. И это действительно так. Любая отрицательная эмоция заводит меня с пол-оборота. Устаю сильно. Что будет через месяц, не знаю. Никогда не думал, что у меня могут так ослабнуть нервы.*

12.11.73 г. Прошли праздники. 7-го выпили с Шумовым, Беевым до демонстрации, затем на демонстрации. После демонстрации пошли к нам Щипанов, Шумов, Амелин, Селянина, Мягкова, выпили пару бутылок «Тырново». Затем пошёл с Шумовым и Амелиным к

Агаеву и выпили ещё бутылку. В 3 часа пошли в гости к Шумову, выпили, а к 5 часам пошли на новоселье к Заболоцким. Там, в основном, была водка. Было много его и её родственников. Кончилось всё матерной бранью. Перед сном опять возникла склока с Ниной.

8-го были у Щипановых, выпили две бутылки сухого.

9-го и 10-го были дома. Конечно быстро наскучило и опять начался обычный скулёж.

А вообще писать не хочется, так как Нина систематически тайком читает написанное. Противно! Лишнее доказательство, что приучать людей к честности можно только с раннего детства.

14.11.73 г. Опять ночь почти не спал. Вчера мы с Витей смотрели хоккей ЦСКА — Крылья Советов 4:3, а Нина с Леной сидели у Кучерюков. И там эта стерва начала рассказывать, что видела Пнёву, сидящую у меня на спине и делавшую мне массаж (летом 1971 г., когда я лежал с сильным радикулитом, а Нина бродила по Камчатке). Зачем это Лене было нужно — не знаю. По-видимому, бабам очень приятно видеть чужие неприятности. Естественно, сна не было, тем более, что Нина с вечера выпила много кофе.

Иногда думаешь, что какой-то рок ведёт обстоятельства. Только отношения более-менее становятся лучше, как начинает раздуваться мыльный пузырь недовольства. Зачем нужно его раздувать?

15.12.73 г… Давно не писал, а потребность в этом есть. Вчера были на дне рождения у Максимова, много выпили, пришли в 12 часов. Дома спит Таня [сестра Нины]*, я выразил недовольство и что тут поднялось. До 4-х часов утра стоял шум. В 6:45 зазвонил будильник. Включил свет в кухне и маленькой комнате и уснул. Вскочил, 7:45. Все спят, чайник забыл включить. А у Игорёшки сегодня праздник букваря. За 10 минут поднял его, умыл, одел и отправил в школу…*

Вывесили список всех, кто должен переизбираться на должности в 1974 г., мне нужно пройти конкурс до 15.06.74 г.

На этом записи в тюменском дневнике прекращаются надолго, а об наших отношениях с Ниной дальше практически ничего не написано. Процитированная суета конкретных трёх месяцев жизни показывает, вырваться из эмоционального капкана почти невозможно. Вновь переживая события того времени отчётливо понял, объективно семейный разрыв назрел. Когда и как? Прошло ещё более 4-х лет с «приливами и отливами» пока корректируемый внешними факторами вектор движения семейной жизни привёл к окончательному разводу.

1974 год запомнился поездкой на 60-летний юбилей папы (вёз в подарок заказную копию с картины Кранаха, букет цветов, последний раз я видел картину в Папенбурге в гостиной дома Вельды в январе 2004 г.) и сопутствующими обстоятельствами, косвенно касающимися рассматриваемой темы.

Вторая половина апреля. Двухсуточный комбинированный маршрут Тюмень — Свердловск (поезд) — Алма-Ата (самолёт) — Талды-Курган (автобус). В Свердловске предусмотрена ночёвка. Сотрудник института химии Уральского отделения АН СССР, у которого недавно я выступал официальным оппонентом на защите диссертации, пригласил в гости. Крупногабаритная квартира в районе Уралмаша с широким коридором и высокими массивными дверями в 4–5 комнат (нечто подобное однажды видел в одной из «сталинских высоток» в центре Москвы). Внешне нормальная хорошо обеспеченная семья (не понял социальный статус отца и матери), двое детей, тридцатилетний неженатый свежеиспечённый кандидат наук жил с родителями. Старший сын с женой и ребёнком проживал отдельно. Богато накрытый стол, выпили много, утром самолёт, а тут разговоры-разговоры…

Наконец, мне постелили в отдельной комнате, закрыл дверь и мгновенно уснул. Неожиданно вздрогнул от прикосновения, совершенно голый сынок укладывается рядом, подставляет толстую задницу, руками хватается за мой детородный орган, пытается поднять и направить, как это нередко делают женщины при половых контактах. Шок! И родители, без сомнения, в курсе. Что они могли обо мне подумать? Куда среди ночи бежать в практически незнакомом мегаполисе из бандитского, известного на всю страну, района Свердловска? Ночь завершилась бессонницей, в 6 часов утра с вечера заказанное такси увезло в аэропорт Кольцово.

Второй раз в жизни столкнулся с «дровосеком», но теперь уже совсем в натурализованном виде. Несколько лет общения по работе, он бывал у нас в Тюмени в гостях, но представить такое…. Я всегда настолько далёк от подобных компаний, что не умел и не умею отличать гомосексуалистов (занимающийся саморекламой Борис Моисеев не в счёт), отвращение не мог скрыть. Думаю, современная молодёжь более информирована в подобных вопросах и может смеяться надо мной.

Мне же стало смешно только в самолёте на Алма-Ату, когда раз за разом мысленно прокручивал события прошедшего вечера и ночи. Идиотизм ситуации, что смеяться пришлось в одиночку, не будешь же публично демонстрировать собственную сексуальную безграмотность. Из Алма-Аты позвонил в Свердловск, попросил раз и навсегда прекратить все

поползновения (открытым текстом говорить не мог, стыдно и противно). Деловое сотрудничество продолжилось, но уже без совместных попоек. Прошло более двадцати лет, пока я косвенно огласил свердловский инцидент.

И первый «дровосек» и второй пересеклись со мной, когда гомосексуализм в Советском Союзе считался уголовным преступлением. Примерно, в те времена в Томске проходил судебный процесс большой группы гомосексуалистов, после освещения в местной прессе, один из обвиняемых, известный в городе артист (в студенческие годы приходилось конкурировать на университетском смотре художественной самодеятельности в конкурсе чтецов) Юрий Рыкун покончил жизнь самоубийством.

Гомосексуализм существует столько, сколько и человечество, с ним бессмысленно бороться уголовным преследованием. Нельзя общественности вмешиваться в личную жизнь сограждан посредством жаждущих рейтинга СМИ, тогда и не будет самоубийств от позора. Но и нельзя открыто или скрыто рекламировать это явление, отвергаемое традиционными религиями (всё-таки природа определила главное в жизни человека — продолжение рода). В значительной мере корни широкого распространения не традиционных половых связей в России связаны с многолетней тюремной и лагерной школой миллионов и миллионов россиян и соответствующими традициями. Наверно, нет ни одного детектива, чтобы не упоминалось «опущение», «нахождение у параши» и т. п., дескать, народу *правда* нравится, но эта борьба низменными средствами за рейтинг должна пресекаться обществом. Помогает распространению гомосексуализма и реклама разнообразных видов секса, скажем, орального, трудно понять принципиальную разницу между анальным сексом и контактами между мужчинами или ещё хуже, между мужчиной и мальчиком. Думаю, предотвращение и пресечение (не тюрьмой) распространения извращений в интимной сфере должно стать одним из приоритетных направлений системы национальной безопасности России. В советские времена, правильно или неправильно, за этой стороной морали общества старались следить. Помню, как потряс нас, второкурсников абитуриент из Азербайджана своим рассуждением «что это за мужчина, который козу не е. л». Молодой непосредственный кавказец даже не понял причину нашего удивления. В 60-е студенческая молодёжь моего круга общения знала один вид секса, приводящий к появлению детей — вагинальный, запомнилась подтверждающая запись классика на магнитофонной катушке в исполнении великого Качалова «… *и говорит мне шёпотом: жопа там, жопа там!»*

Возвращаюсь к цели. Появился в родительском доме в Талды-Кургане в предрассветном полумраке в день юбилея. Празднование в ресторане осталось в тумане, помню множество врачей, близко живущая родня само собой. По окончании банкета родственная молодёжь (сестра с мужем, кузены и кузины) долго «шарашилась» по весеннему городу, включая открытую танцплощадку, что-то ещё пили. Финал забыть невозможно, мама стоит у калитки часа в 4 ночи (южная кромешная тьма) и ждёт своего 33-летнего оболтуса: «Эрвин! Сейчас в городе так много убивают!»

Уважаемый читатель! Верите, вспоминаю, и слёзы наворачиваются, зачем обидел мать, ненароком заставив её так волноваться. Ныне подобные проблемы легко разрешаются с помощью мобильного телефона.

Пролетел ещё год. Цитирую дневник.

31.03.75….Нина с 17 февраля на ФПК в Ленинграде в технологическом институте. С 7.03 по 15.03 была в Тюмени. Перед уездом разругались. Слишком много якает. Мне в отместку по прилёту в Ленинград дала телеграмму в Бийск, чтобы выезжала тёща. А ведь я её просил по-человечески. С детьми всё было хорошо отрегулировано и отлажено. Тёща приехала 23 марта.

У детей сегодня последний день каникул. Игорь в первый же день каникул закашлял, а потом началась пневмония и ангина. Хотели положить его в больницу, я отказался и сам начал делать ему уколы (3 раза в день по 500 000 ед. пенициллина). Вчера вечером сделал последний. Вроде температуры нет, но вечером было 37.3, утром сегодня 36.2*.*

Мог ли я подумать, что в 34 года стану героем тривиального анекдота из серии «жена приходит к подруге и обнаруживает у неё в постели собственного мужа». Но так случилось. Прошло 33 года, пытаюсь проанализировать ситуацию, обнаруживаю ряд сопутствующих (не оправдывающих) обстоятельств.

Жена четыре месяца повышает квалификацию в технологическом институте Ленинграда. На ум приходит *инверсия* широко известной прибаутки «папа едет в Ленинград, мамин хахаль будет рад…».

Неожиданно для меня, в доме появилась тёща. С детьми (Эльвире 11, Игорю 9 лет) привык один справляться. Выше я уже писал, именно поведение тёщи стало последней каплей, вызвавшей заявление о разводе в 1971 г. По складу характера я домосед, но вечером деться некуда.

Идёт чемпионат мира по хоккею, вечерне-ночные репортажи в маленькой двухкомнатной квартире смотреть не комфортно (в то время спортивные зрелища не пропускал, газету «Советский

спорт» выписывал со студенческих лет).

Все наши друзья знали о сложных взаимоотношениях в семье, движущейся к распаду. Как-то пригласила посмотреть хоккей разведённая подруга жены, жившая недалеко с 8-летней дочерью.

Подруга работала с нами на одном факультете, красивая женщина, развелась с начальником одного из крупных подразделений института, жила с дочкой. С некоторых пор сблизилась с Ниной. Не один раз пили вместе в игривой (скажем так) компании. Эти пьянки в среде блядей мне не нравились, однако показывали степень доступности участниц.

Телевизор. Бутылка красного вина. Понравилось. Стал заходить каждый вечер. Недели через три отношения перестали быть платоническими. Домой возвращался в два, полтретьего, не знаю, верила ли тёща, что я только хоккей смотрю. Связь старались скрыть, гуляли глубокой ночью в лесополосе вдоль железной дороги, удивлялся, что в апреле так прекрасно могут петь соловьи, да и вообще о тюменских соловьях раньше не слышал. Подруга откровенно взялась переманивать к себе на ПМЖ, по-видимому, слишком активно. Почувствовал, ради этой женщины (не та репутация, физическое удовлетворение есть, а душевного нет) бросать детей нельзя. Ожидая приезда жены на майские праздники, решил затормозить отношения, подкопить сил на семейную встречу. Подруга бросает в действие последний резерв, *сама* выставляет водку, подобного в моей жизни не было ни до, ни после.

30 апреля, Нина только что прилетела из Ленинграда, пошёл в институт проверять готовность транспарантов, портретов, флагов к завтрашней демонстрации (назначен председателем факультетской комиссии). Оттуда быстренько проехал к подруге предупредить (телефона в её квартире не было), чтобы она больше меня не ждала. Эмоции, слёзы…. Не устоял.

Раздаётся стук в дверь, мы затаились. Ещё и ещё. Стук прекратился, мы продолжили. Неожиданно с лестничной площадки раздаётся голос Нины и резкая кулачная очередь по двери: «Откройте, я знаю, что вы здесь!»

Всё тайное, рано или поздно становится известным. Нина решила показаться на работе, людей не обнаружила, кафедры закрыты, предпраздничный день, решила съездить поболтать к подруге. После первой попытки зайти к подруге села на лавочку перед подъездом. Увидела её дочку, та и сказала, что дядя Эрвин у мамы.

Одеться успел, пока жена вышибала дверь. Спрятаться в двухкомнатной «хрущёвке» негде, прыгать с четвёртого этажа несерьёзно. Трагикомический финал связи на стороне запомнился

больше, чем всё остальное. Жуткая истерика, вызов «скорой помощи», моё враньё (этому искусству так до старости и не научился), болтовня про любовь…

Тёща уехала сразу же, после праздников Нина вернулась в Ленинград, я остался один с детьми, к подруге больше никогда не заходил.

Как понимать апрельскую историю? Попытка отвлечься, сбросить физическое и умственное напряжение? Влияние весны? Приятное времяпровождение? Общение с женщиной, которая смотрит (скорей, играет, но это не сразу поймёшь) на тебя влюблёнными глазами? Ясно одно, это не любовь! Похоже, просто приятный секс, опасный для репутации.

Осенью 1975 г. уже я «повышаю квалификацию» в Ленинграде. Занятия не нужны, важен диплом. С утра писал статьи, в свободное время скукотища. Основное развлечение — баня, ещё кино (минимум сотня просмотренных фильмов). На праздники слетал домой и вот запись в дневнике.

19.11.75 г…. Особенно сложно с Ниной. Уехал 10.11 с ощущением, что наелся говна. В доме кавардак, грязь, пол не моется, только веником вверх пыль поднимается. Гора грязного белья, нет, у меня так не было. Едят все, как попало и когда попало. Тот порядок, который годами я старался привить, по крайней мере, детям, рушится на глазах. И сознательно! Таким образом Нина утверждает себя. А амбиция! Считает себя центрипупом кафедры, по крайней мере в душе. Стремится проявить себя по научной части, не ударив палец о палец. Я понимаю, что ей тяжело физически, но зачем так пыжиться? Чего ей всега не хватало, а сейчас особенно, это чувства меры.

Продолжаю. Группа ФПКашников, проживавших в общежитии на Стрельне, отметила встречу Нового 1976 года в ресторане на Невском проспекте. Почувствовав внимание со стороны курсантки с «далёкого пролива Лаперуза «(Южно-Сахалинск), решил не препятствовать развитию событий, хотя большого смысла в этом не видел (через пару недель возвращение домой). Спустя два дня курсантка появилась *утром* в моей комнате (сожитель куда-то с вечера уехал) с откровенным предложением себя. Упираться не стал. Без прелюдии. Крупное бесчувственное женское белое тело, одна попытка, реплика: «У меня муж такой же!» И на этом всё закончилось. Последующие внутренние ощущения хуже, чем при контактах с беременной массажисткой летом 1971 г.

Надо отметить, что вышеописанные подруги появились в моей жизни в максимально противоречивый отрезок жизни. Интенсивная творческая активность, с одной стороны, с другой, семейный корабль попал в шторм. Специально женщин на

стороне не искал, хотя и чувствовал внутреннюю потребность в мужском самоутверждении (при двух-то детях). Контакты с Владой и «подругой» жены, как ни странно, после эмоциональных разборок временно снижали внутрисемейное напряжение. Полгода, год, а потом всё начиналось сначала, причём с более высоким эмоциональным накалом. Почему не попал в милицию после мордобоя 19.10.73 г.? Как ни кощунственно звучит, по-видимому, права русская народная мудрость «*бьёт, значит любит!*». Это был первый семейный мордобой, был и второй мордобой, через 4 года с меньшими физическими метками, но не менее эмоциональный и важный по своим последствиям, когда приехал убеждать Нину переехать в Томск.

В памяти одно из светлых пятен (июнь 1977 г.). Нина вместе с Леной Кучерюк демонстративно, вопреки моему желанию и с непонятными целями (появилась внутренняя, без прямых доказательств, уверенность, у Нины есть мужик на стороне), уехала в Киев. В квартире один, ночи почти не спал. Вдруг, под утро, в 4.30 телефонный звонок. Девичий голос желает добра… Оказалось, группа выпускниц школы после бала крутила диск телефона-автомата, каждая свою цифру. В ходе дружелюбного разговора пытались выяснить номер телефона или хотя бы, в каком районе мой телефон. Конечно, ничего им не сказал, пожелал успеха в будущей жизни. Вроде бы, мелкий факт, в дневник не попал, но приятно до сих пор. Солнечный лучик!

В завершение темы привожу краткую цитату из последней тюменской записи в дневнике, важной для понимания последующих внутрисемейных разборок.

22.06.77 г.…Дома положение обстоит очень скверно. 1 июня дети уехали с папой в Талды-Курган. С Ниной практически не разговариваем. У неё всё больше заметен комплекс «центрипупизма». Всем в моём поведении недовольна. На любое моё мнение высказывает противоположное. В результате, не вступая в пререкания, приходится отмалчиваться. Надоела такая жизнь окончательно.

Разгрузка

Уважаемый читатель! Похоже, разделяя сферы существования и деятельности в тюменский период жизни, загнал себя в тупик, дальнейшее расчленение бытия без повторов идёт в ущерб понимания общей взаимосвязанной картины жизни. И всё-таки, продолжаю.

27-36 лет — возраст, когда разные виды отдыха призваны не столько поддерживать физические кондиции организма, сколько способствовать психологической устойчивости и, соответственно, интеллектуальному развитию и профессиональной деятельности.

Начну с повседневного отдыха, друзей и приятелей.

С Витей Кучерюком, соседом по лестничной площадке, я познакомился сразу по прибытии в Тюмень. Крепкий, невысокий мужик, крупный нос, волосы ёжиком, упрямство во взгляде — типичная внешность «хохла», описанная великим Гоголем. По образованию кораблестроитель (учился в Одессе, работал в Николаевске на Амуре), в Томске поступил в аспирантуру к ректору ТИИ Косухину. Нас объединяло: баня, пиво, спортзал, грибы, бесконечные разговоры о передрягах в институте, да и жёны нашли общий язык (Лена — общительная хохлушка). Выпили с Витей не мало, ох не мало! Кучерюк, в отличие от меня, больше работал дома. Сын, чуть моложе Игоря, «под ногами», довольно капризный. Витя успокаивал его, подкидывая газету за газетой, и Дима старательно рвал их на мелкие кусочки. А газет выписывали много и немало времени проводили с Кучерюком в беседах о политике. Витя защитил кандидатскую диссертацию в области теоретической механики, работал над докторской диссертацией, при защите (я уже жил в Томске) произошла осечка. Теперь Кучерюк — профессор без докторской степени (в периферийных ВУЗах такое сочетание — не редкость). Фактически Витя попал с докторской диссертацией в ловушку, заготовленную московскими деятелями для научных работников с периферии в 1973 году, из которой мне удалось выскочить («Научная деятельность. Профессиональный тупик.»). После уезда в Томск я только дважды видел Кучерюка, в 1989 г. и 2002 г. (приезжал в Тюмень на 2–3 дня), изменился мало, слегка поседел. Доброжелательная встреча, а говорить-то, фактически, не о чём!

О Гене Неупокоеве, сыгравшем важную, очень важную роль в моей карьере я писал в предыдущих главах, повторяться не буду.

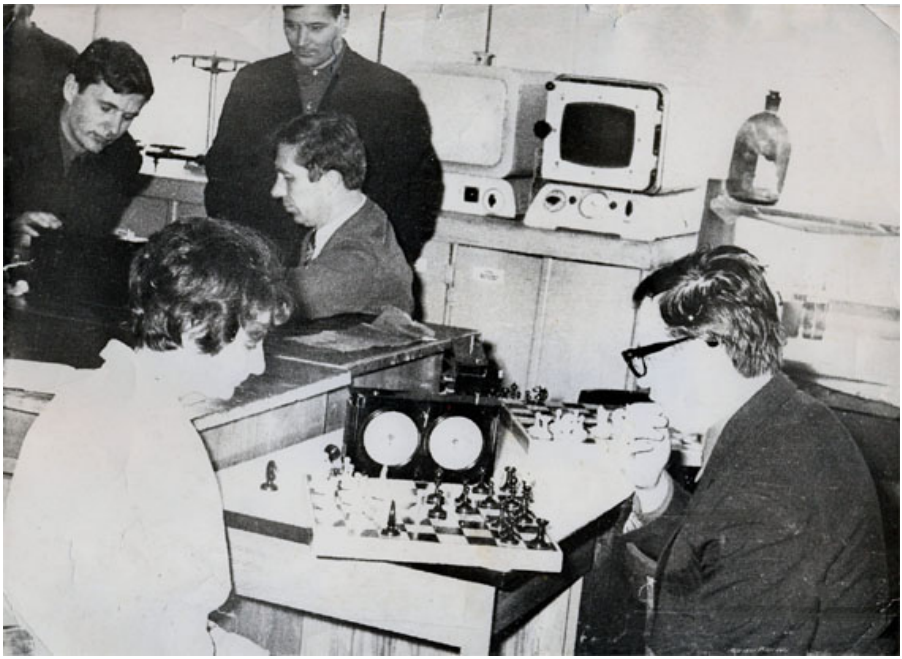
Эдуард Беев — отличный парень, хороший волейболист, выходец из Томска, доцент. Не вступал ни в какие

производственные конфликты на факультете. Имел несколько уязвимых для преподавателя института точек: не занимался научной работой, год лечился в туберкулёзном диспансере. Подлечился и завербовался в Алжир, предварительно в Москве год изучал французский язык. В Алжире три года преподавал, заработал хорошие, по тем временам, деньги и вернулся в Тюмень. Недавно узнал, Беев — заведующий кафедрой. Запомнил, как мы с Эдиком играли в шахматы блиц. Остановлюсь.

Родители научили играть в шахматы в раннем детстве. Периодически участвовал в школьных турнирах на уровне 3-го разряда, в Барнауле в 1966-68 гг. играл в межфакультетских турнирах преподавателей Алтайского политехнического института за команду химиков. Никогда не играл с часами. Никогда не разбирал партии шахматных корифеев. Играл для собственного удовольствия с игроками, примерно равными.

В ТИИ подобралась компания доцентов, игроков среднего уровня, но больших любителей шахмат. Будучи избран на должность председателя профбюро сотрудников химико-технологического факультета, задумался о развлекательных программах и неожиданно обнаружил в «хозяйстве» шахматные часы, несколько комплектов. Как и когда они появились, мне неизвестно.

Длинные партии играть некогда, устроили факультетский блицтурнир. Впервые ощутил прелесть быстрых партий. Понравилось настолько, что не заметил, как шахматный блиц превратился в наркотик.



Март 1972 г. Тюмень. Шахматный блиц-турнир ХТФ.
На переднем плане Щипанов и Озеранская, я (слева) играю с Н.К.Ивановым.

У преподавателей специфический режим работы, может быть пара с 8 утра, затем где-то в обед, затем у вечерников. 6 лекционных часов в день — большая нагрузка, требуется промежуточный отдых, но играть в шахматы в рабочее время, пусть между парами, на виду студентов, рядовых сотрудников, лаборантов, стеклодувов — не корректно. Один раз тебя могут понять и простить, но шахматный блиц — такая зараза, невозможно остановиться.

Мы с Эдиком Беевым закрывались в какой-нибудь лаборатории изнутри, доказывали друг другу своё преимущество, играя матчи из 10–20 партий. Долго это продолжаться не могло, «хозяин» факультета Магарил находил нас по специфическому *стуку шахматных часов*. Первый раз, второй…. Пришлось прекратить. Навсегда! Уж очень был на виду, находились на факультете люди, ждавшие, когда же я поскользнусь.

Самое смешное, что аналогичная история и в это же время произошла у друзей в институте химии Уральского отделения АН СССР, где решались вопросы защиты диссертации жены Нины и моей аспирантки Вали Нагарёвой. У мировой знаменитости, профессора Матевосяна, исследовавшего тонкие химические взаимодействия, в лаборатории оборудована специальная калориметрическая комната для экспериментов, где сложной системой термостатирования с датчиками на стенах, полу,

потолке и воздухе поддерживалась температура с точностью до 0.01?. Снаружи на дверях грозные надписи «Не входить!», «Идёт эксперимент!». Молодые сотрудники, братья Донские (Игорь уже кандидат химических наук, у Олега я официальный оппонент на скорой защите) закрывались в калориметрической комнате и «блицевали» до одурения. Однажды не рассчитали время, в комнату неожиданно ворвался разъярённый Матевосян. Высокий, импульсивный 50-летний красавец-армянин, сбросил шахматы на пол и стал прыгать на шахматной доске. Кино, без слёз рассказывать в учёном мире химиков невозможно. В лаборатории Матевосяна с шахматами было покончено.

Кстати, 20–30 лет назад практически в каждом дворе Тюмени, Томска мужики летними вечерами играли в шахматы. Вернутся ли эти времена? Вряд ли!

Продолжаю тему друзей. От контактов с Николаем Константиновичем Ивановым («Общественная активность») остались только положительные эмоции, несмотря на максимализм правдоискателя. Запомнил его недовольство по поводу отправки денег, выплаченных мне по решению комиссии по трудовым спорам Магарилом из своего кармана, в Фонд мира.

Периодически среди тюменских друзей появлялись новые лица, но к числу близких их можно отнести с большой натяжкой. Скажем, Слава Агаев, наполовину азербайджанец. Лет на 6–8 моложе меня, приехал в Тюмень после окончания аспирантуры в московском институте нефти и газа. Доброжелательный, не раз бывал у нас в доме, да и мы были в его холостяцкой квартире (похоже, Слава имел проблемы в женском вопросе). Поддерживал меня в конфликтах с Магарилом, но только в узком кругу, никогда публично. Слава приезжал в Томск, я показывал ему нефтехимический комбинат и своё детище — научно-исследовательский центр.

Володя Ведерников — не химик, шапочно знали друг друга в институте несколько лет, но близко общались летом 1973 г., когда вместе получили путёвки на юг, в район Туапсе. Были неразлучны, сначала вдвоём, потом вчетвером. Подруги влияли на нас по-разному. Володя напоминал сытого кота, набирал вес, контактируя с подругой во много раз чаще, уединялся днём и ночью. Я же прекратил есть, лицо не могло скрыть внутренних переживаний. Также по-разному мы вернулись к своим жёнам, Володя, как ни в чём не бывало, у меня же семейная трагедия. Один раз мы с Ниной были у него в гостях, Нина пыталась «открыть глаза» Володиной жене. Бесполезно. Более того, вместе внимательно рассмотрели общую цветную фотографию (5 человек) на стене. Володя, оказалось, предусмотрительно лёг в

воду перед компанией, а моя рука лежит на попе Влады и хорошо видна. Ну что тут скажешь! Не умею скрывать своих чувств.

На этом перечень тюменских друзей ограничивается, впрочем, друзей много не бывает, приятели же, скорее их количество, появляются и исчезают в прямой зависимости от личной жизненной фортуны.

Кроме вышеупомянутых шахмат дважды в неделю посещал институтский спортзал в выделенное для преподавателей время, занимался волейболом (Беев здесь явно сильнее), приходилось играть в межфакультетских соревнованиях сотрудников. Уровень игры далёк от истинно спортивного, но доставлял удовольствие, да и отвлекал от текущей нервотрёпки на работе и дома.

В Тюмени начал *регулярно* париться в бане. Вдвоём с Витей Кучерюком осенью 1968 г. перепробовали все тюменские бани, пока не определили лучшую парную (баня на железнодорожном вокзале). Еженедельная баня превратилась в ритуал. Возникли затруднения, связанные с режимом работы бани: мужской день по нечётным числам. Выбрали среду-четверг, дневное время (меньше очередь, чем в конце недели или вечером). Кардинально решили проблему посещения бани, утрясая штатное расписание перед началом семестра таким образом, чтобы никаких лекций или практических занятий в среду и четверг после обеда не было (спортзал по вторникам и пятницам).

Банный алгоритм до переезда в Томск не изменялся. Итак. Появляемся дома около 13 часов, начинаем по городским закоулкам искать пиво (в те времена — серьёзная проблема, в центре Тюмени вообще нельзя было пиво достать, не говоря уж о районе железнодорожного вокзала). Купленное разливное пиво (~ 6 литров) ставили в холодильник (в баню брали не больше литра). Возвращались из бани, примерно, в 17 часов. Приступали к «пивной трапезе». Безусловно, не обходилось без гриппа и ангины. В Тюмени выработал способ профилактики ангины при потреблении холодного пива после бани. В ванной, рядом с зубными щётками, стоял наготове стакан раствора фурациллина (популярный антисептик), пополоскал, попил пива, ещё пополоскал, ещё попил. Всем смешно, а эффект наглядный. К 18.30 появлялись жёны с работы и начинали готовить общий ужин. Пиво уже кончилось, все сообща принимались за вино из черноплодной рябины (с осени заготавливал несколько двадцатилитровых бутылей крепостью 14–16?). Водку после бани никогда не пили, но расслаблялись основательно.

В начале 70-х сделал личное наблюдение о полезности парной бани и в *жаркое* время года, хотя принято считать целесообразным мытьё под прохладным душем. Особенно после

приёма солнечных ванн на озере или реке. Если летом регулярно париться с веником, то загар на теле сохраняется значительно дольше, по крайней мере, до Нового года. С тех пор как начал совмещать солнце и парную, ни разу не имел серьёзных ожогов кожи. Рекомендую способ всем желающим иметь красивый цвет кожи. Иначе загар полностью сходит вместе с кожей к сентябрю-октябрю. Одно забавное воспоминание.

В июле 1974 г. мы с женой отдыхали в Севастополе. Целый день на пляже. Через неделю начал искать баню с парной. Кстати, в предыдущие два года мы отдыхали в Сухуми и Гудауте, но там и мысли не было спрашивать о парной. Считал, что в Севастополе, городе моряков, парные должны быть. Ошибся. А в одной бане меня прямо в кассе «облаяли»: тебе что, Сибирь здесь что ли? Пришлось post factum укреплять южный загар в тюменской железнодорожной бане.

Очередной прорыв в моих познаниях бани произошёл осенью 1976 г. в Ленинграде («Учебная работа»).

Говоря о бане, нельзя обойти личные деревенские бани. Мне не единожды приходилось ездить руководителем студентов в колхоз и организовывать мытьё студентов. Обычно председатель колхоза назначал определённую долю трудодня (~ 0.2 трудодня) за каждого помытого. Кто-то из местных жителей соглашался. Ребята сами носили воду, кололи дрова, хозяйка топила баню.

В мою последнюю поездку в сентябре 1976 г. произошёл конфуз, точнее урок использования деревенской бани. Готовили её часов 8, не меньше. Мне предложили почётную миссию опробовать баню + 2–3 парня (первый пар!). На полке было так жарко, что мы открыли вьюшку, уходя из бани, не закрыли. В результате тепло улетело в трубу, и примерно 10 девушек мылись в холодной бане, слава богу, вода хоть горячая осталась. Неприятно!

Древняя культура русской деревенской бани требует к себе уважительного отношения. Каждая частная баня так же индивидуальна как мастер её создавший. Не бывает двух абсолютно одинаковых бань. Особенности конкретной бани зависят от великого множества факторов (укрупнёно): расположение бани, *устройство и материал печи, способ выделения пара,* качество дров, объём помещения, материал стен и внутренней обшивки, расположение полка, совмещение парной и моечной и др.

Первая заповедь парильщика, попадающего в новую для себя баню: *не суетиться!* Желательно понаблюдать за поведением мужиков, хорошо знающих конкретную баню, в крайнем случае, предварительно расспросить хозяина об особенностях бани.

«Поддавать» следует осторожно, начиная с небольших порций. Не можешь терпеть на полке, перемещайся ближе к полу или в предбанник. Кстати, иногда перемещение в парной происходит так быстро, что не успеваешь осознать происшедшее. Один из таких случаев произошёл со мной в Тюмени.

Как-то сотрудники факультета Подборновы пригласили нас с Ниной и Неупокоевых в гости к своим родителям, имевшим собственный дом на окраине города. Первое мероприятие приёма — баня. Баня под одной крышей с домом (явная ошибка, в деревнях так не строят, слишком часто они горят), вход из небольшого коридорчика. В порядке уважения первыми пошли мы с Геной Неупокоевым. Когда я «поддал» небольшую кружку, навстречу вырвался мощный обжигающий поток пара, меня сдуло на пол. Дальше мы с Геной не в состоянии были не то что поддавать, но даже посидеть на полке, а я к тому же уныло рассматривал свои синяки и ссадины. Позже много разных бань опробовал, но баню Подборновых вспоминаю с большим уважением. Запомнил, как старики-родители после бани сразу залезли на кровать под ватное одеяло, наблюдая оттуда застолье молодёжи.

В первой половине 70-х интерес к парной бане начал расти, появились многочисленные публикации в популярных изданиях. Непревзойдённым шедевром считаю рассказ Шукшина о мужике — любителе субботней бани. В распечатках по рукам активно ходила «Баня» А.Толстого (в те годы цензура всё-таки не пропускала откровенную порнографию). Запомнил выступление в «Неделе» банщика из «Сандунов», один из рецептов которого использую до сих пор (воду после запаривания берёзового веника использовать для мытья головы).

Кроме бани и спортзала у нас с Витей ещё одна общая любовь — грибы. Если пристрастие к *сбору грибов* условно разложить по учебному ранжиру, то Колыма — первый школьный класс, Барнаул — пятый, а Тюмень — академия. Думаю, за 9 тюменских лет прошёл полный курс грибной академии.

Запомнил самый первый поход за грибами осенью 1968 г. Один из всезнающих функционеров института Марк Шаевич Хигер (приехал из Украины 2–3 года назад) взялся показать нам с Ниной и Кучерюкам грибные места в районе Тюмени. Привёл в сосновый бор. Через час Хигер выдал заключение: грибов нет, пора возвращаться домой. Великолепный осенний солнечный день. Решили сами побродить. Надо было видеть удивление Хигера, когда мы вернулись с корзинами, полными отличных грибов.

Ознакомительный вояж с Хигером был первым и последним,

когда я слушал чьи-либо советы в отношении сбора грибов. Кстати, от Хигера я впервые услышал отвратительное выражение «брать грузди». Меня до сих пор коробит довольно распространённый глагол «брать» применительно к сбору грибов. Здесь не место вдаваться в философию, но чувствуется мерзкий внутренний настрой человека урвать побольше от «ничейной» собственности, хотя в отдельных случаях — просто желание выглядеть бывалым грибником.

Ориентир наличия грибов в лесу: появление на базаре. Вопрос — определиться с направлением. Поясню, вокруг Тюмени сплошь грибные места, но лес везде разный: чистые сосновые боры, ельники, большие массивы березняка, осинники, есть и смешанные леса. Редко бывает, особенно в начале сезона, что везде полно грибов. Психически здоровый продавец никогда правдиво не расскажет, где он собирал грибы. Приходится ориентироваться по ассортименту грибов и количеству продавцов.

В Тюмени я редко пользовался пригородным поездом (в отличие от Барнаула), в основном автобусом, благо междугородний автовокзал находился недалеко от места проживания. Приходили к 6 утра, окончательно выбирали направление, ехали первым рейсом часа полтора-два, высаживались прямо на дороге вдали от населённых пунктов. Сложность сельских маршрутов «ПАЗиков», «КАВЗиков» в том, что выполняются они два, максимум три раза в сутки, а иногда отменяются по причине плохой дороги (хороший дождь способствует росту грибов, но и квасит грунтовые дороги). Важно выйти на дорогу в строго определённое время, а это далеко не просто.

Один за грибами ездить не любил. Лучше всего собирать грибы вдвоём. Традиционный напарник Витя Кучерюк. Считаю, разумный максимум грибной компании — три человека, в более крупных коллективах сбор грибов трансформируется в заботу от кого-то не отстать, кого-то не потерять. Истошные крики в лесу: Маша, Саша… меня раздражают, хочется уйти в тишину. Не всегда удаётся.

В выходные дни иной раз хорошие грибные места посещают толпы, и всем вроде грибов хватает, но *теряется ощущение единения человека с природой*. Казалось бы, высокопарная затёртая фраза, но я именно так чувствую. Поэтому старался ездить за грибами в рабочие дни, благо работа в институте позволяла варьировать трудовой распорядок, тем более что основной сбор грибов проходил в августе (отпуск) и сентябре (большинство студентов на сельхозработах).

При дальних грибных поездках напарник нужен мне для согласованной корректировки маршрута, для уменьшения вероятности появления панических настроений при нередкой потере ориентации в лесу. Ну и, наконец, надо же с кем-то поделиться удачной находкой. Да и мало ли что может случиться в лесу: ногу подвернул, змея укусила, одичавшие собаки или другие звери нападут, недобрый человек встретится…

Ещё в Барнауле подобрал удобную экипировку для грибных походов. Главное здесь рюкзак, в который вставлялась круглая прутяная корзина ёмкостью 2.5 ведра. Корзина заслуживает отдельной поэмы. В 1966 г. мама отправила в ней по почте из Талды-Кургана 10-литровый бидон с мёдом. С тех пор, т. е. 42(!) года я хожу за грибами только с этой очень лёгкой корзиной, берегу и никому не доверяю. Брали с Витей поесть, попить на 2 раза. Возвращение к автобусу весьма утомительно, однако полная корзина придаёт дополнительную энергию. Помню случай (~ 70 км от Тюмени), когда реально заблудились, несколько часов двигались в противоположную от дороги сторону. К счастью, в вечерних сумерках на лесной просеке встретили служебный автобус, вывезший своих сотрудников «по грибы».

Со временем появился некоторый опыт выхода из леса при потере ориентировки. Главное — необходим значительный запас светлого времени, т. е. при возникновении проблемы начинать поиск направления движения надо не позже 14–15 часов. Очевидный ориентир — солнце, но с ним не так просто, сельские дороги связывают населённые пункты в соответствии с особенностями рельефа местности, а отнюдь не по прямой линии. Да и солнце в разгар грибного сезона чаще спрятано за облаками.

Надёжные ориентиры — железнодорожная магистраль и высоковольтные линии электропередачи. Последние видно издалека, но однажды и здесь случился «прокол». Дело было так. Заблудились и пошли вдоль линии, рассчитывая выйти к населённому пункту или хорошей дороге. Идём час, идём другой, наконец, линия упирается в асфальтированный пятачок, обнесённый многими слоями колючей проволоки. И никого! Скорей всего, это перевод электроэнергии на подземный кабель, ведущий к ракетным установкам. Запас времени был, в обратную сторону мы двигались в максимально возможном для усталых грибников темпе. Вышли.

Подвёл однажды и «абсолютно надёжный» ориентир — узкоколейка, по которой перевозили торф на Тюменскую ГРЭС. Оказалось, разработчики торфа систематически перекладывают узкоколейную линию по мере освоения новых участков.

Наиболее универсальный способ выхода из леса: двигаться от

более мелкой тропы к более крупной и дальше и дальше до хорошей грунтовой дороги или даже асфальтированной, там уже большая вероятность появления попутного транспорта.

Вообще я с трудом понимаю, как все 9 лет обошлись без серьёзных неприятностей, ведь у нас не было даже компаса. Похоже, проявлялась черта характера — умение концентрироваться в трудных ситуациях с подавлением чувства страха. Пару раз в нашей грибной компании появлялся коллега по институту — геолог, так тот профессионально управлял маршрутом строго по компасу.

В Тюмени я пристрастился к сбору белых грибов, причём белых боровых, в просторечье боровиков. Обычно маленькие боровики хорошо собирать на сосновых буграх, большими сборщики не дают вырасти (естественно, здесь не идёт речь о глухой тайге). Но белый гриб потому иногда и называют царским, что может расти в самых неожиданных местах. Перед глазами незабываемая картина. Смешанный лес: ельничек, местами сосны и берёзки. Собираем моховики, маслята, подберёзовики — короче, что попадёт. Продираюсь сквозь чащу и натыкаюсь на поляну ~ 40–50 м2, покрытую сухим белым мхом. А изо мха торчат коричневые головки белых грибов. Головки чуть видны, а боровики крупные, все абсолютно чистые. 10-20-30… штук. Сердце готово выпрыгнуть из груди, раздался мой рёв (по децибелам на уровне крика Тарзана). Прибежал Витя, в несколько минут мы наполнили корзины. Ничего подобного в жизни ни раньше, ни позже мне встречать не приходилось.

При сборе грибов внимание и зрение настолько сконцентрированы, что соответствующие галлюцинации проявляются даже спустя несколько дней. Ложишься спать, закроешь глаза и видишь маленькие коричневые шляпки боровичков. Так было 40 лет назад, так и сейчас.

Давно убедился в правоте народной мудрости, грибника ноги кормят. Лучше ходить строго по выбранному направлению, если хотите — по азимуту, «прорубаться» сквозь чащу, чем переходить с поляны на поляну по натоптанным тропинкам. Грибник-пешеход больше грибов собирает, да и удовольствия несравнимые. Личный автомобиль, как бы далеко водитель не отъехал от города, мешает грибнику, опасающемуся потерять единственный ориентир — автомобиль. Более того, человек, завезённый прямо в гущу леса, гораздо быстрей теряет общую ориентировку в лесу. Сколько раз приходилось видеть грибников с ошалелым взглядом в поисках собственного автомобиля.

Ещё воспоминание с негативным оттенком, существенно пополнившее мои познания в грибах. Далеко от города, пытаемся

найти хоть какие-нибудь грибы, плохо получается. Бросаемся от одной разновидности леса к другой. Подошли к крупному осиннику, присели — и вот они. Стоят родимые, хоть косой коси. Крупные подосиновики (мне больше нравиться и теперь я применяю только название «красноголовики»). Плотные. Чистые. Набросились (нас было трое), набили корзины и рюкзаки. Счастливые начали выбираться домой. Часов через пять высыпал содержимое на кухне и, о ужас! красноголовики превратились в раскисшую кашу тёмного цвета. Основную массу грибов пришлось выбросить. Но опыт есть! Теперь никто не заставит меня складывать вперемежку с другими грибами крупные красноголовики, в лучшем случае, несколько шляпок положить сверху в корзину. Собирать надо мелкие красноголовики, они красивые, плотные, как правило, чистые, а самое главное — вкусные во всех вариантах заготовки на зиму.

Длительное время в период заготовки грибов в семье (как и у соседа) соблюдалось разделение труда. Возвращаемся с Кучерюком часам к 5 вечера усталые, ставим корзины на кухню и отдыхаем с газетой и телевизором. Обработкой грибов до ночи занимаются жёны. В один прекрасный день им это надоело, приходим усталые, лежит записка: «Ушли за грибами. Чистите грибы сами». Конечно, грибы почистили, но в лес пришлось ходить реже.

Должен сказать, Нина — большой любитель сбора грибов, но поездки типа тех, что мы совершали с Кучерюком, ей физически трудно было переносить. Обычно мы ездили вместе с детьми в выходные дни недалеко от города. Эльвира и Игорь с дошкольного возраста разбирались в грибах, любили бродить по лесу. Нина ловко умеет находить мелкие боровики, где, казалось бы, толпы всё «прочесали граблями». Помню её уникальную находку (дети взахлёб рассказывали несколько лет) — гриб «баран».

Первые годы в Тюмени мы собирали грибы для маринада, сушки и сиюминутной еды, в основном, боровики, моховики, маслята, красноголовики, рыжики. Постепенно возник интерес к сбору грибов для засолки. В этом качестве вне конкуренции грузди и рыжики, используются также волнушки и путики. Последние два вида даже не стоит собирать, так как они неприглядно выглядят в солёном виде (правда, приходилось видеть деревенских бабок с полными корзинами путиков, да и в Москве возле метро, по-моему, только путиками и торгуют). Я отношу эти грибы (волнушки хоть при сборе выглядят красиво) к третьему сорту. А высший сорт — рыжик и сырой груздь.

Грузди я приспособился собирать с Ниной в берёзовых колках

напротив городского аэропорта Рощино. Автобус ходит каждые полчаса, асфальт. Березняк чистейший. Сентябрь, солнечно, земля усыпана листьями, гулять одно удовольствие. Без палочки груздя не найдёшь, но нашёл один — не уходи, пока всю семью не переместишь в корзину. Запомнилась встреча с огромным ежом, сидел бугорком под листьями. Потревожил его, ёж показал такую прыть! Кстати, в Тюмени одно время мы держали в квартире ежа, большого любителя ночью катать по полу кефирные бутылки. Однажды шустрый ёж прыгнул с балкона (третий этаж), пока ребята добежали, от него остались только следы в направлении заросшего старого кладбища.

Несколько раз с Ниной ездили на луга, невдалеке от крупной молочной фермы для сбора шампиньонов. Я хорошо понимаю, мелкий шампиньон — отличный гриб, но душа не принимает (мешает знание специфики его роста). Я уже не помню детали, по-моему, в это время (раннее лето) просто не было в лесу других грибов. Впрочем, едим же мы огурцы, которые только на навозе и выращиваем.

В заключение темы тюменской «грибной академии» не могу не восхититься ещё раз рыжиками (в Томске как-то не получается их много собирать, всё больше червивые). Уникальное по вкусу блюдо — свежие рыжики, жареные в собственном соку, без масла. Один год, когда Нина была в командировке, а денег не было, я целую неделю питался именно такими рыжиками, требуется только посолить. А закуска! Не уступает рыжикам, просоленным вместе с груздями (можно и отдельно рыжики солить, но они как солнышко украшают сероватые грузди).

В конце апреля 1974 г., приехав в Талды-Курган на 60-летний юбилей папы, столкнулся с удивительным явлением — сбором грибов. Ни о чём подобном раньше (я же там вырос) не слышал. На очень короткое время (максимум 2 недели) в пустынной горной местности в апреле появляются грибы белого цвета, пластинчатые, по плотности напоминают сырые сибирские грузди. Если повезёт, можно набирать мешками. Со слов родителей гриб называется «белый казахстанский». Удивительно, не встретил червивых грибов. Грибы вкусны в жареном и маринованном виде. Надо отметить, местное население опыта в обработке грибов, их консервировании, не имело, поэтому наблюдались массовые отравления ботулизмом.

Папа с мамой не очень пристрастились к грибам, возможно потому, что в детстве их не видели, а может потому, что знали, как много людей погибает от отравления. Приходилось видеть, как благодарные больные дарили родителям нитки сушёных белых грибов, по-видимому, привезённых из России. Эти нитки

больше хранились для демонстрации гостям, чем для еды. Вкусно готовил грибной соус (и в доме родителей) дядя Ваня Пеннер, много лет проживший в Новосибирской области и обожавший грибы.

В Тюмени прекратил активно заниматься увлечением с детства, филателией. Пытался привить интерес детям. Увы! Неплохая коллекция осталась в Тюмени, судьба её мне не известна. Не один раз собирался посчитать, сколько тысяч марок в коллекции. Много! Иной раз подойду к прилавку с марками, посмотрю на изобилие выбора, в душе что-то шевелится, но желания вновь заняться сбором марок нет. Потеря собранной коллекции окончательно поставила крест на этом хобби.

Ещё одно увлечение со студенческих лет — преферанс, как-то ушло в сторону. Боюсь соврать, никто из моих тюменских друзей и приятелей просто не умел играть. Только однажды с удовольствием поиграл в преферанс. Болгария, Солнечный берег, август 1976 г. Погода скверная, женщины с семейными деньгами «гуляли» по магазинам, а мужчины (всего-то 5 на группу) играли в преферанс на ту водку, что привезли из дома. Вместе позже и выпивали.

Одно время в Тюмени был популярен железнодорожный экскурсионный маршрут выходного дня в Кунгурские пещеры (купейный вагон, ночь туда, ночь обратно, световой день в Кунгуре). Какой повод, какие условия времяпрепровождения тёплой компанией. Кунгур — типичный уральский городок, заложенный пару веков назад. Старинные церкви, мощённые камнем центральные улицы. Главная достопримечательность — пещеры, известные с прошлых веков, гиды говорили, самые большие в СССР (спелеологами обследованы десятки километров, и точные границы их не определены). Хоть и с похмелья, но с большим удовольствием прошли подземный маршрут, подготовленный для туристов. Некоторые проходы узкие, «добротные» русские женщины имели проблемы, приходилось мужикам их протаскивать, вымазались изрядно. Но все довольны. Чередование больших и малых залов, озёра, сталактиты и сталагмиты, искусственная подсветка — очень красиво.

В Тюмени почувствовал ущербность личного культурного развития. Может быть, сыграли роль контакты с приехавшими в молодой институт с разных сторон сотрудниками. Может, повлияли частые командировки в столичные и прибалтийские края. Или философские семинары по этике и эстетике («Общественная активность»). Возможно, изменение интеллекта в сфере научной деятельности подсознательно тянет за собой необходимость повышения культурного уровня (спросить бы у

квалифицированных психотерапевтов). Не знаю! Острое желание ликвидировать собственную культурную необразованность — факт. Музыка, живопись, театр, поэзия, в меньшей степени литературная проза (читал всегда много)…. Учебная, научная, общественная работа активно переплелись с элементами культурного образования, что и зафиксировано в предыдущих главах настоящей книги.

Впервые ощутил музыкальную неполноценность во время учёбы в университете. Удивительное зрелище, в вестибюле университета с боем раскупались билеты на концерты симфонической музыки. Я тоже изредка посещал филармонию, иногда казалось скучновато, не хватало музыкальной подготовки. Однако в ближнем окружении только один человек реально увлекался серьёзной музыкой — Дима Дзюбачук («Жизнь первая. Студент»). Остальные мало отличались от меня и внешне не тяготились стремлением познать высокое музыкальное искусство. Большинство сокурсников — выходцы из сибирского и казахстанского захолустья и, при всём желании, не могли слышать и видеть оперные спектакли в стационарном театре, «столичных барышень» на химфаке не было.

Слов нет, «Турецкий марш» Моцарта, болеро Равеля, концерты Шопена, Чайковского, Рахманинова, Листа, многие другие популярные классические произведения (или отдельные отрывки, скажем арии из опер) благотворно действуют на человека даже с недостаточной музыкальной подготовкой, бодрят душевное состояние. В памяти осталось потрясение, испытанное в 1969 г. Умер Ворошилов, по ТВ и радио крутили траурные мелодии, я что-то читал при включённом телевизоре. Объявили «Реквием» Верди в исполнении западноберлинского симфонического оркестра под руководством великого Герберта фон Караяна. Отложил газету, начал смотреть и слушать, не мог оторваться до конца (более часа, точнее не помню). Задействовано полторы тысячи человек, включая великолепный хор. Впечатление на всю жизнь, невозможно передать словами. Браво! Восхитительно! Но ведь это реквием, создан для траурных ситуаций. Раньше я думал, что Верди сочинял только оперы.

В настоящем оперном театре (Новосибирск) я был 2 раза, запомнил балет «Легенда о любви». Несколько раз пытался попасть в Большой театр, бесполезно, билеты либо по блату, либо с нагрузкой за неподъёмную цену. Оперные спектакли, концерты оперных артистов видел, слышал в Талды-Кургане, Томске, Тюмени, по радио, ТВ. Балетные спектакли или номера в сборных концертах видел значительно чаще.

Впечатлили органная музыка в Домском соборе Риги, концерт

на колоколах в Каунасе («Научная работа»), повторяться не буду.

Несомненно, любовь к музыке (сложной музыке) прививается в раннем детстве. Это прекрасно понимают крупные музыканты, не случайно выдающийся советский композитор Дмитрий Кабалевский много лет вёл интереснейшие радиопередачи об оперном искусстве для маленьких детей (мне, увы, за 30). Подрастали собственные дети, мы отдали в музыкальную школу Эльвиру и Игоря, много усилий приложили к их учёбе, купили пианино в дополнение к профилирующим инструментам скрипке и домре, но реально мало чего добились. Как не вспомнить английскую байку, что джентльменом становится не тот, кто учился в Кембридже, а тот, у кого отец закончил Кембридж, дед закончил Кембридж…

Самообразование в области понимания живописи — малоэффективный, скорее даже тупиковый, путь. Где можно увидеть оригиналы шедевров изобразительного искусства в условиях России? В музеях. Эта сфера Томска, Новосибирска, Екатеринбурга, Иркутска, Красноярска, Барнаула, Тюмени объективно подчёркивает провинциальную захолустность городов, декларативно претендующих на положение неких маяков культуры и образованности. Да это и понятно, в России исторически всё лучшее (и люди и произведения искусства) стаскивается в столицу, будь то Санкт-Петербург или Москва. В запасниках центральных музеев хранятся миллионы экспонатов, большинство никогда и не выставлялись. Как хорошо подходит к ситуации с залежами произведений искусства народная пословица «и сам не гам, и другому не дам». Вопреки пропагандистской болтовне, разрыв между культурным уровнем населения столиц и провинции постоянно увеличивается.

Изучение великого Эрмитажа, других ленинградских музеев совместил с повышением квалификации («Учебная работа»), повторяться не буду.

Пытаясь хоть немного разобраться в направлениях живописи, записался и прослушал в лектории тюменского общества «Знание» *платный* (в те годы не было принято) курс лекций об импрессионизме, взорвавшем систему традиционной живописи. В качестве иллюстраций использовались высококачественные слайды, в 70-е — писк моды. Показалось интересным, научился различать по стилю письма наиболее известные картины Ван Гога, Гогена, Дега, Мане, Моне, Ренуара, Сезанна, Тулуз-Лотрека. Не уверен, смогу ли так же свободно проделать это сейчас.

Меня с детства увлекал юмор, в том числе и в сфере изобразительного искусства. Упрощённые картинки пропагандистской сатиры для малограмотного населения в

журнале «Крокодил» в раннем детстве казались смешными (увидишь, над какими глупостями смеялся, стыдно становится).

Помню, какой фурор в 60-е — 70-е годы производили рисунки Жана Эффеля и Херлуфа Бидструпа в коммунистических изданиях Франции и Дании. Оказалось, коммунисты способны не только заниматься политической сатирой, как родные Кукрыниксы. Это были произведения на общечеловеческие темы, причём каждый сюжет из десятков последовательных картинок. Незабываем цикл «Сотворение мира» Жана Эффеля (что-то не помню публичных возмущений религиозных лидеров, как это принято в 21-м веке). Многое из Бидструпа и сейчас перед глазами. Например. *Сидит мрачный худой мужик в ресторане. Подсаживается женщина необъятных (62–64) размеров. Мужчина морщится, но предлагает женщине выпить. По мере совместного питья женщина в его глазах становилась тоньше и тоньше, пока не превратилась в дюймовочку. Мужик «созрел» и повёл её из ресторана. Заключительная картинка, вид сзади. Тоненький мужичонка ведёт женщину, длины руки не хватает, чтобы обнять широкую талию.* Фактически, мы читаем добрые юмористические рассказы в картинках, без слов. Подобное искусство не имеет языкового барьера, доступно и понятно в любой точке планеты.

Массу смешных житейских картинок увидел в уникальном музее юмора в Габрово, в т. ч. немало забавных аполитичных рисунков, представленных карикатуристами Советского Союза (на родине не слышал их фамилий). В экспозиции габровского музея фактически отсутствовала сатира, на стендах множество цветных фото, перемежаемых литературным и живописным юмором. Кстати, считаю личной заслугой отклонение от регламентированного маршрута «София — Солнечный берег» (пришлось основательно поработать с гидом). В габровском музее помимо рисованных картинок множество других юмористических экспонатов: скульптуры, домашние поделки, книги, много чего. В музее царит добрый юмор, через два часа смеяться уже не можешь, скулы болят.

Не раз задумывался, почему великая Россия не имеет музеев юмора, это же не связано с менталитетом населения, в России смеяться любят. Вроде бы нигде в мире так не популярны анекдоты, как в России (по Райкину «*так мне кааэтся*»). По-видимому, власть боится юмора, именно в нём прослеживаются чаяния народа. Советская власть пропагандистским оружием считала острую сатиру, основным направлением которой является оскорбление человека и его слабостей. Человек смеётся над сатирическими произведениями, пока не начинает понимать, что над ним издеваются. Издеваются над маленьким человеком,

который и является основой государства российского.

Уникальный музей юмористической направленности, музей чертей, посчастливилось увидеть в Каунасе («Научная деятельность»).

Лучшие отечественные театральные постановки, игру гениальных актёров в тюменский период жизни мне посчастливилось увидеть в Ленинграде («Учебная работа»).

В Москве, соревнуясь с БДТ Георгия Товстоногова, гремел театр на Таганке Юрия Любимова. Попасть в театр на Таганке командировочному можно было только случайно. У здания театра мне приходилось топтаться в безуспешных попытках купить лишний билет перед спектаклем. А встретился с театром летом 1976 г. в Ангарске, будучи руководителем производственной практики студентов на нефтехимическом комбинате. Не помню, к сожалению, названия спектакля, но сильное впечатление осталось. Не было ведущих звёзд театра Высоцкого, Золотухина, Демидовой, однако молодёжь игрой и пением привела зал в восторг (театральный экстаз). Ныне нередко можно видеть на экране ТВ создателя и художественного руководителя театра Юрия Любимова, изгнанного из Советского Союза и вернувшегося в Россию. Выездной спектакль в Ангарске оказался единственным в период расцвета театра его спектаклем, который мне удалось посмотреть. Много позже отрывки из знаменитых спектаклей Любимова видел по ТВ, но ситуация в стране изменилась, впечатление чего-то необычного не приходило.

В 60-е в стране начался поэтический бум. Дни поэзии собирали многотысячные залы. Но я не часто посещал подобные мероприятия, сейчас даже не могу сообразить почему. То ли из-за занятости, то ли из-за бесчувственности, то ли из-за внутреннего эгоизма. На слуху знаменитые поэты-шестидесятники: Белла Ахмадуллина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский. Книга стихов с личным автографом Рождественского стоит в моей библиотеке (летом 1976 г. на центральной площади Ангарска слушал стихи в исполнении заикающегося автора).

В школе учителя литературы (может им нравились изложения и сочинения) не один раз пытались заставить меня писать стихи в стенгазету. Отказывался. Впервые осознанно занялся шутливыми стишками при выпуске фоторепортажей с отдыха преподавателей («Общественная активность»). Получилось (двустишья, четверостишья) подражание хорошо известным стихам, но вроде неплохо (люди смотрели и смеялись с удовольствием).

Говоря о литературе, не могу в очередной раз не обратиться к

феномену Солженицына. Ажиотаж вокруг его фамилии поднялся после публикации «Один день Ивана Денисовича». В очередь в научной библиотеке университета за выдаваемыми экземплярами «Нового мира», а затем роман-газеты студенты записывались сотнями. Я тоже почитал, не нашёл ничего нового. Лагерные порядки мне были известны, всё-таки в Челябинске-40 и на Колыме нашей семье напрямую приходилось сталкиваться с многочисленными заключёнными, причём как политическими, так и уголовными. Однако, у большинства студентов, моих сокурсников, начавших учиться в сталинские времена, чтение повести Солженицына вызвало шок. Многие не верили, что такие безобразия могут твориться в лагерях. А ведь «Один день…» — детский лепет по сравнению с эпопеей «Архипелаг Гулаг». «Архипелаг Гулаг» можно сравнить с тараном, пробивающим крепостную стену коммунистической системы. В Россию великий труд Александра Исаевича (Солженицын неоднократно говорил, что его отца звали Исакий) пришёл после издания его в мире на десятках языков. Читающий мир содрогнулся, знакомясь со страшной всеобъемлющей картиной сталинских (и после сталинских) репрессий. Когда в горбачёвские времена «Новый мир» опубликовал журнальный вариант «Архипелага», многие не стали его читать. В начале 3-го тысячелетия эти же «многие» начинают уверять, массовых репрессий не было, всё это выдумки «дерьмократов», России не хватает крепкой руки. Насколько коротка память народного сознания. Погибшие не могут за себя постоять, а миллионы карателей и их потомки живут припеваючи, ещё и учат правильно жить. Большинство родственников сталинских приближённых живут под другими фамилиями, это не меняет сути. Внук Молотова Никонов, сын Берии (умер в декабре 2000 г.), внук Микояна Намин, сын Хрущёва Сергей, многие другие — процветающие и преуспевающие личности, постоянно мелькающие в газетах и на ТВ. А пенсионеры НКВД, КГБ, ФСБ позволяют себе такие публичные воспоминания, на которые ещё 15 лет назад не осмелились бы. Я не случайно задерживаюсь на теме подавления массового сознания, так как в России начала 3-го тысячелетия наблюдается тревожная тенденция отката с уже завоёванных Россией демократических позиций. Казалось бы, какое тебе дело, ты пенсионер. Но наши дети?! Наши внуки?!

За судьбой Солженицына я следил постоянно, в том числе, слушая «Голос Америки» и «Би-Би-Си». Переживал, когда его выслали. И, слава богу, что это произошло. В России ему работать не дали бы. «Ленин в Цюрихе» слушал по «Голосу Америки». Позже прочитал «В круге первом», «Раковый корпус», «Бодался телёнок с дубом». Пытался читать «Красное колесо», но это

тяжело, одолел только один том. Смесь документальных событий и художественного вымысла в гигантской эпопее — чтение не для слабонервных. Требуется спокойная, без ТВ и других отвлечений, атмосфера. В 1997 г. радио России передавало в авторском исполнении цикл из 50 записей Красного колеса, подготовленных ещё к 70-летию Февральской революции для «Голоса Америки». С десяток 50-минутных передач я слышал в Томске, они начинались, если не ошибаюсь в 16.10 по местному времени. Конец рабочего дня и, если не было совещаний, включал радио в кабинете и занимался текущими делами. Впечатление потрясающее. Энергичный Солженицын читал на уровне хорошего артиста, выбирал для чтения пророческие места. Поражаешься как много общего между событиями начала и конца века, когда интеллектуальная элита Россия занялась самоедством, а отсидевшиеся в пивных Цюриха, Парижа и Лондона авантюристы на деньги Германии под демагогическими лозунгами выхватили власть, которую никак не могли поделить разрушители монархии.

Очевидно, история мало учит практических политиков, интеллектуальная элита (в России тонкий и слабо защищённый слой общества), затеявшая демократические реформы в 80-х, «вымывается» с политической арены. На государственной сцене опять в изобилии финансовые и политические авантюристы, военные, представители спецслужб, бывшие коммунистические лидеры. Коррупция в высших эшелонах власти достигла небывалого даже для России размаха и не пресекается. Отдельные уголовные дела заводятся из политических соображений и только подчёркивают общую ситуацию. Народ (большая часть которого ворует тоже, сколько может), тысячелетие проведший в рабстве, снова ждёт твёрдой руки. Прямо по Ленину: шаг вперёд, два шага назад.

Не прошло и сорока дней после ухода Солженицына, а партия власти «Единая Россия» пытается использовать фамилию великого гражданина России в качестве некоего прикрытия собственной демагогии. Кощунство!

В 60-е в литературу ворвался удивительный писатель, лучший, на мой взгляд, юморист 60-х, 70-х в СССР — Фазиль Искандер. «Начало», «Созвездие козлотура», «Сандро из Чегета» можно перечитывать неоднократно. Образцы его юмора (по памяти). «*Сидят на завалинке два старика-абхаза и обсуждают прошедшего мимо человека. По-моему, это наш новый доктор. А, по-моему, армянин*». Или (сцена в приёмной комиссии философского факультета МГУ) «…*пойду, посмотрю, есть ли на вашу нацию разнарядка*». Удивительно, в родной Абхазии считают

(слышал от моего родственника поэта Терентия Чаниа, редактора республиканской газеты на абхазском языке в 70-е), будто москвич Искандер своим житейским юмором позорит нацию. Для меня — откровение, удивился, задумался…

Комплекс вышерассмотренных причин делал работу в институте всё труднее. Нужна была творческая отдушина, её направление указала 16-я страница «Литературной газеты». Занялся составлением фраз и мелких юморесок, навеянных *конкретными личностями* факультета. Фразы обкатывал на любопытных, сознательно укладывая их под стекло своего письменного стола на кафедре. Частенько фразы исчезали (то ли кто-то узнавал себя, то ли на меня компромат собирали), писал новые. Короче говоря, «искал на жопу приключений». В то время не хватило ума делать копии для истории, ниже несколько сохранившихся фраз.

Спрашивать отсутствующего — демонстрация деловитости.

Рождённый ползать — не в состоянии передвигаться даже на коленях.

Словесная паутина.

Докладная — приятная возможность сделать неприятность законным путём.

Замочная скважина — окно в мир прекрасного.

В 45 — и мужчина ягодка опять.

Устойчивый запах сероводорода — один из внешних признаков полной импотенции.

Критика полезна всем, кроме критикуемого. Чем выше он залетел, тем более тупым серпом владеет.

Психологически пластуны и трясуны — однояйцовые близнецы.

Шарканье ногами — сексуальная патология, а не признак старости. Фраза стала заголовком нереализованной идеи юморески на тему Магарила, расписано оглавление…

Ощутив вкус плода, Ева вдруг почувствовала, что только красивое одеяние может позволить ей продолжать есть яблоки.

Лучшими из своих фраз тюменского периода считаю:

Комедия «Ревизор» — бессмертная трагедия России.

Категоричность в суждениях — признак ограниченности. Это выражение взято в качестве девиза опубликованной книги «Томский нефтехимический комбинат. Хроника».

Юмореску «*Рекомендации кандидату-оптимисту*» отправил в «Литературную газету» под псевдонимом. Прошли десятилетия, просматриваю ненапечатанную юмореску, хорошо заметно брожение мыслей в те годы, продолжать заниматься докторской диссертацией или бросить всё к чёртовой матери. Впрочем, это не юмореска, а необходимый алгоритм личного поведения, которому

я не всегда следовал. Вот она.

Если ты мечтаешь стать доктором учти следующее.

1. Научись почитать старших по должности, независимо соответствует ли этой должности содержание черепной коробки.

2. Помни, что свободно критиковать принято только иностранных корифеев. Прилично подымает в глазах несколько брошенных на конференции критических, малозначащих фраз по адресу одного из Нобелевских лауреатов. Главное здесь — не увлекаться.

3. Старайся печататься только в центральных журналах. Желательна публикация одной-двух статей за границей, неважно в какой стране и в каком журнале.

4. Для поддержания бодрости тела и духа в подготовительный период:

а) раз в неделю выбивай всё лишнее берёзовым веником;

б) раз в две недели принимай напитки, не рекомендуемые медициной;

в) не забывай о лыжах и спортзале;

г) не впутывайся в споры с женщинами;

д) телевизором не увлекайся, но просмотр детективов и хоккея неплохо проветривает голову;

е) хорошую разрядку даёт недельная командировка в магазины Москвы (не чаще одного раза в полгода);

ж) не вступай в бесконечные разговоры об ожесточении требований ВАКа [Высшая аттестационная комиссия].

5. Не жалей денег, столичные мелкие приближённые крупных «черепов» любят походы в ресторан, естественно, за твой счёт. В будущем могут оказаться полезными.

6. Помни, что оппоненты скромны только в личном разговоре и обожают ссылки в диссертации на свои заслуги.

7. Помни, что все результаты, способные вызвать критику, следует помещать в огромные таблицы с продолжением. Обычно у оппонентов нет достаточно времени и желания анализировать такие таблицы.

8. Иллюстраций на защите должно быть много, при этом совсем не обязательно все развешивать. Куча листов на столе производит благоприятное впечатление на членов Совета.

9. Помни, что графики по 3–5 точкам радуют глаз членов Совета, позволяя им бесконечно задавать вопросы относительно надёжности эксперимента.

10. Всегда имей в запасе, преждевременно не высказывая, ответ на вопрос о практическом применении твоей работы.

11. Не употребляй выражение «не знаю», значительно лучше звучит «не помню» и «затрудняюсь сейчас ответить на

поставленный вопрос».

12. Не пытайся шутить на защите, не всем это нравится.

13. Приложи максимум оставшихся сил, но приведи ведущих членов Совета на банкет.

14. На банкете не теряй времени даром, пытайся выяснить кандидатуры возможных рецензентов и методы подхода к ним.

Счастливого пути, кандидат!

Пора поговорить и о летнем отдыхе. Время было такое, что нам с Ниной хватало зарплат преподавателей, чтобы летом с детьми отправиться за тысячи километров от Тюмени. Без шика. Причём, ездили не только в Талды-Курган к родителям.

Июль 1969 г. провели в Чолпон-Ате на Иссык-Куле, снимали частную квартиру. Красивейшее озеро (Байкал, Рица, Телецкое — больше не с чем сравнивать) на высоте 1608 метров. Последний фактор осознал через три часа пребывания на озере без майки, получил ожоги второй степени во время рыбалки и весь сезон проходил, перевязанный бинтами. О купанье речи не было, кстати, вода холодная, кое-где в мелких местах может достигать 16–18? не более. В чистом воздухе горного озера действие «солнечного ультрафиолета» особо ощутимо, недаром, думаю, иссык-кульские киргизы выглядят значительно темнее столичных соплеменников (Фрунзе-Бишкек). Побережье Иссык-Куля имеет особенный микроклимат, местные жители продают крупную и потрясающе вкусную черешню, абрикосы, яблоки. Здесь же промышленные посадки опиумного мака с предупредительными надписями о запрете захода на плантацию. Говорят, сейчас там мак не выращивают, но в июне 1971 г. мак ещё был на месте.

Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля.

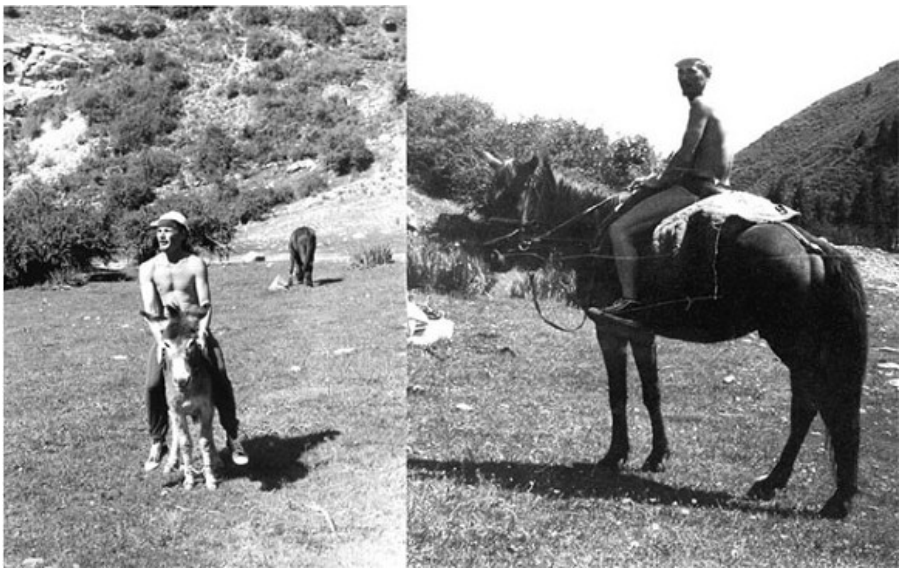
Второй раз я приехал в Чолпон-Ату на одноимённую турбазу один по двухнедельной путёвке (начало июня), купленной по блату в Талды-Кургане. Турбаза расположена в нескольких километрах от райцентра, лёгкие домики. Красота неописуемая, потрясающе разнообразные вечерние закаты над озером. В одной комнате собралась компания тридцатилетних ровесников. Москвич, офицер из МУРа (так представился) килограммов на 120, высоченный худощавый казах, волейболист из Алма-Аты, и я, доцент из Тюмени с двухмесячной интеллигентской бородой и усами. Устроились и сразу отправились пешком в райцентр, закупили сетку водки на весь двухнедельный сезон, по одной бутылке на день. Потребляли после ужина, по стакану без закуски и шли на танцплощадку. Идея москвича, до того я даже не понимал, что водку можно пить без закуски, да и вообще предпочитал сухое вино. Всегда весёлые, но не пьяные. Так троицей и перемещались по турбазе, на пляже, на лодках, в горных походах. Бесконечные шутки, анекдоты…. Систематически возникали кратковременные компании с женщинами, пошли разговоры, дескать, мы всех девок на турбазе «перетрахали», но реально ничего такого не было. Да и заинтересованные *в этом* женщины из нашего окружения быстро исчезали сами, поняв, что весёлые мужики сексуально не озабочены. Москвич разумно повторял, баб и в Москве хватает.

Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля.

Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля. Привал.

Однажды мы с москвичом (алмаатинец остался на пляже Чолпон-Аты) попали в историю, к счастью, оставшуюся в памяти забавным воспоминанием. Несколько экскурсионных автобусов привезли туристов в Пржевальск. Основная достопримечательность — могила великого путешественника Николая Михайловича Пржевальского с красивым символическим памятником на высоком берегу Иссык-Куля. Неожиданно (для меня) москвич вспомнил, надо отметить воинское требование в органах МВД. Мне даже в голову не пришло спросить, почему не отметить требование в райотделе милиции в Чолпон-Ате. Ходили-ходили по зелёным, но пыльным улицам с рядами глинобитных частных домов, нашли тюрьму. Москвич долго стучался (воскресенье), пока кто-то не высунулся, взял требование, через полчаса вернул.

Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля. Обеденный перерыв. От дыма закрыл глаза.



Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля.

Пока москвич отмечал документы, экскурсионные автобусы ушли. Как это произошло? Экскурсовод головы не пересчитал? Покрыто мраком, так как позже не было желания разбираться.

На юмор не тянуло, не до шуток. Мы без копейки, одеты в лёгкие рубашонки с коротким рукавом (на Иссык-Куле вечера холодные, забываешь про лето), а до Чолпон-Аты более 200 км. На перекладных, преимущественно открытых попутных грузовиках, «за спасибо», к ночи смогли добраться до турбазы.

Продрогшим до костей туристам ежедневная водка очень даже пригодилась в качестве профилактического лекарства (танцплощадка отработала часа два назад).

Спустя много лет я неожиданно понял, что москвич был не из МУРа, а из УИН, попросту, тюремщик. О себе он никогда ничего не рассказывал, но инициировал и внимательно слушал мои рассказы о семейных перипетиях, Челябинске-40, Колыме, Казахстане, предпочитая душевные разговоры контактам с женщинами. Москвич много фотографировал, снимки прислал в Тюмень в конверте без обратного адреса, ни единой строчки сопровождения. Вспоминаю москвича с добром, но имени не помню.

Июнь 1971 г. Иссык-Куль. Друг москвич.

Запомнился Иссык-куль и фирменным чебачком. В первую

поездку, я, перебинтованный, почти всё время провёл с обычной удочкой, ловил неплохо на дождевого червя. Иссык-кульский чебачок напоминает российскую плотву, но величиной до 15 см. Местные жители промышляли сетями, нанимали в помощь желающих, сушили рыбёшку, затем продавали отдыхающим «вместо семечек». Сушёный чебачок пользовался большой популярностью: мужчины с пивом, а женщины всегда от солёненькой рыбы «без ума».

Летом 1972 г. впервые оказались на отдыхе в Абхазии. Каким образом? Ещё в 1955 г. мы с папой были в гостях у его двоюродной сестры Фриды в Копейске Челябинской области. Муж тёти Фриды дядя Артур в трудармии на шахте заработал неизлечимую болезнь лёгких, одно лёгкое ампутировано. Врачи рекомендовали (единственное спасение) переехать на черноморское побережье, где воздух насыщен кислородом, т. е. имеются благоприятные условия для системы дыхания. Так они поселились в абхазской деревне Лыхны. Врачи оказались правы, целебный воздух Абхазии на десятки лет продлил жизнь дяде Артуру. Подрастали дети, старшая Геда — гид «Интуриста» в Сухуми, средняя — лаборант в обезьяньем питомнике в Сухуми, а младшая училась в 9-м классе, и у родителей не было достаточно средств, чтобы в будущем устроить её в какой-либо ВУЗ Сухуми и Тбилиси (без больших денег в Грузии такие вопросы не решались). Я взялся устроить троюродную сестру в тюменский индустриальный институт. Через пару лет поражался, приезжают из Абхазии Рената и её подружка с красивыми аттестатами зрелости (2–3 четвёрки среди отличных оценок), а знания полностью отсутствуют. Дошло до того, что вступительный письменный экзамен по математике они переписывали у меня в лаборатории. Года полтора мучений в институте и хорошая девушка Рената вернулась в Абхазию рожать детей, лет двадцать пять назад их было трое.

Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля. Девушки сесть на ишака не решаются.

Июнь 1971 г. Горы вокруг Иссык-Куля и холодные речки.

Июнь 1971 г. Иссык-Куль. Турбаза «Казахстан». Я слева.

Июнь 1971 г. Иссык-Куль. Турбаза «Казахстан». Я на вёслах.

Итак, нас с Ниной пригласили в отпуск в Абхазию. Небольшой, типично российский домик с усадьбой в 6 соток. Поразительное гостеприимство. Первый день непрерывно идут деревенские гости посмотреть на племянника Артура из Сибири, кандидата наук (попросту идут выпить). Стол стоит в саду, рядом раскладушка. Начали в 9 утра, перегрузился, лёг. Часа через 3

открываю глаза, застолье продолжается. И дотемна.

Мы с большим интересом рассматривали устройство типичной абхазской деревни Лыхны, расположенной в 5 км в гору от Гудауты. Хаотично разбросанные на большой холмистой территории дома с семейными кладбищами на территории усадьбы (удивительная деталь, тем более, что абхазы почти поровну разделились на приверженцев православно-христианской и мусульманской религий). Практически все абхазки ходят в чёрной одежде, по существующим обычаям женщина должна носить траур по умершему родственнику один год, а родственников у каждой пол Абхазии.

Июнь 1971 г. Иссык-Куль. Турбаза «Казахстан». Наша троица (я слева) и очередные подруги.

Июнь 1971 г. Иссык-Куль.

Шашлык с сухим вином на соседней правительственной турбазе «Киргизстан».

Июнь 1971 г. Пржевальск. Памятник и могила великого путешественника на высоком берегу Иссык-Куля. Я слева.

Чайные плантации со щиплющими сорную траву буйволами, массивы двухметровой кукурузы вокруг многолетних груш или яблонь, обвитых виноградом сорта «Изабелла».

Рядом с домом родственников чайная фабрика. Чайный лист собирают сторонние люди, нанятые колхозниками для обработки своей доли плантации. Функция колхозника — сдать чайный лист на фабрику (сейчас таким разделением функций никого не удивишь, но это был советский 1972 год). Главный технолог чайной фабрики с удовольствием показал нам весь цикл приготовления чая. Внешне уровень ручного производства

предельно убогий, но чай изумительный по вкусу и запаху (не знаю, с чем сопоставить, скажем, с хорошей деревенской пекарней, всё выполняется вручную, а хлеб изумительный). Чай из Лыхны отправлялся на фабрики Москвы и Прибалтики, где его смешивали в определённых пропорциях с «чайным мусором», расфасовывали по сортности и отправляли в торговлю. В качестве подарка получили чемодан восхитительного чая «Букет Абхазии», не поступающего в торговлю, хватило нам и тюменским друзьям на год.

1972 г. Абхазия. Озеро Рица. Рядом троюродная сестра Гедвига Чания. Сухуми. Обезьяний питомник, закрытое для посетителей научное отделение.

Удивил небольшой *действующий* женский православный монастырь 13-го века (местные жители рассказали, что монашки появились после закрытия монастыря при Киевско-Печёрской лавре). Интересно было наблюдать за монашками, что-то стирающими в местной маленькой речушке.

Масса разнообразных полезных деревьев от инжира (абхазы любят завтракать нежными плодами, сидя на дереве) до лавра и шелковицы. Красиво смотрятся двухэтажные особняки абхазов с зелёной лужайкой перед домом и разгуливающими белыми индюками. В качестве заборов используется живая изгородь, обвитая мощными колючими плетями крупноплодной и очень вкусной ежевики.

Я с детства люблю ежевику, летом 1955 г. с друзьями собирал ягоду по фактически пересыхающему после забора воды на полив руслу Каратала в 10 км от Талды-Кургана. На донном галечнике росла зверски колючая облепиха (никого в те времена не интересовавшая), обвитая плетями ежевики. Бабушка готовила отличные вареники с ежевикой, компот, варенье.

Нам с Ниной показалось удивительным, что абхазы ежевику не собирают и не едят, ягода осыпается, птицы её тоже не клюют, а мы с удовольствием.

В гостях пили много вина, дядя Артур регулярно собирал за стол в саду абхазских друзей. Я решил прояснить ситуацию с ежевикой и неожиданно услышал любопытную историю, позже неоднократно повторенную разными людьми, совпадающую даже в мелких деталях. Скорей всего это быль, а не фольклор.

В начале 60-х Хрущёв посещал предгорья Абхазии. После сильных возлияний за хлебосольным кавказским столом, очень довольный обилием в Абхазии посевов кукурузы, генсек возвращался в Гудауту. По дороге Никита Сергеевич остановил кортеж около Лыхны и подошёл к ограде обычной абхазской усадьбы, попробовал ежевику. Последовал типичный хрущёвский экспромт: «А почему бы не ввести *здесь* ежевику в сельскохозяйственную культуру?» В ответ типичная реакция московских прихлебателей, подобострастие и радость за шефа, выдвинувшего очередную гениальную идею.

Сопровождающие абхазы, хозяева республики и района, старейшины сначала замешкались, затем начали глубокомысленно и по кавказски степенно рассуждать, дескать, в соседних республиках условия для выращивания ежевики лучше. Здесь я не мог удержать смех.

Дальше можно было не рассказывать, аналогичная ситуация блестяще показана московским абхазом Фазилем Искандером в повести «Созвездие Козлотура». В ней властям Абхазии навязывали разведение гибридов горного тура и домашнего козла (козлотура и турокоза). Юморист удивительно точно изобразил особенности национального мышления, абхазы за столом дяди Артура — чистые прототипы героев Искандера.

Не знаю, трансформировалось ли мнение Хрущёва в нечто похожее на повсеместное распространение кукурузы, но в 90-е годы случайно обнаружил, что селекционные станции Томской области распространяют несколько сортов ежевики. Сдуру посадил пять кустов на даче в Оськино, три года мучился с фактически активным бесплодным сорняком, получил горсть мелких, отвратительных по вкусу ягод, и прекратил эксперимент.

Действительно, в Тюмени и Томске можно выращивать арбузы и виноград, но зачем? Я так и не понял, почему абхазы не едят ежевику, возможно, перекормлены витаминами, но их мудрость, что ежевика лучше растёт в других регионах, мне по душе.

Продолжаю восхищаться Абхазией 1972 года.

Дней 10 жили с Ниной у моей троюродной сестры Гедвиги в Сухуми. Южный двухэтажный дом в центре Сухуми в 100 метрах от моря. Каждая семья имеет по комнате. Общая, хозяев на 20 веранда, заставленная хламом. В комнате одна большая супружеская кровать, на ней нас расположили, для остальных ночные раскладушки. Удивительная убогость жилищных условий, а ведь Терентий Чаниа — известный, печатающийся в Москве, поэт и редактор областной партийной газеты на абхазском языке…. Мы старались уходить на пляж рано утром и появляться поздно вечером.

Поразительна летняя погода Сухуми, утром солнце, вечером дождь. Просыпаешься, под окном белый пароход, как у Александра Грина. Туристический рейс Сочи — Сухуми выполнялся ночью, каждое утро у пристани стоял белоснежный круизный лайнер. Незабываемое зрелище в восходящих лучах солнца! Геда — старший гид Интуриста и вместе с группами из Восточной Германии мы познакомились с Новым Афоном (монастырь, пещеры), высокогорным озером Рица (очень красиво), Гаграми и с бесподобной Пицундой (вода настолько прозрачна, что около ограничивающих зону купания буев на дне виден каждый камешек). В Пицунде в 60-е построен комплекс 14-этажных зданий для иностранных туристов. Через пару лет выяснили, что плохо исследовали структуру грунта, корпуса начали смещаться. В 1972 г. один корпус (никого близко не

подпускали) напоминал Пизанскую башню, его показывали туристам как очередной экспонат. В Пицунде я впервые увидел на каждой сосне металлический номерной жетон. Оказалось, это реликтовая разновидность сосны, в других местах не встречающаяся.

Рядом с Пицундой расположено большое село с преимущественно армянским населением (название забыл). В ближайшем к морю двухэтажном доме (метров 150) жили две пожилые родные тёти папы. Окунулся в море, понял насколько трудно выбираться на берег даже при лёгком волнении, если нет рядом волнорезов (на обустроенных морских пляжах этого не прочувствуешь). Запомнил рассказ бабушек о каверзах Чёрного моря. В декабре 1969 или 1970 г. (температура воды и воздуха в пределах + 5-10?) море вдруг начало повышать уровень. Вода поднялась на второй этаж, бабушки лежали на кроватях (ножки в воде) и готовились к смерти, помощи ждать неоткуда. Бог миловал. По-видимому, подобное явление вызвало катастрофу в туристическом комплексе Пицунды.

Одна из достопримечательностей Сухуми — обезьяний питомник, являвшийся составной частью уникального института экспериментальной патологии и терапии АМН СССР. Нам удалось побывать в институте в нерабочее время, посмотреть предоперационное и послеоперационное содержание обезьян. Тяжёлое впечатление оставили десятки обезьянок с торчащими из головы вживлёнными электродами, сидящие на типично детских стульчиках для еды (вылезть не могут и затронуть голову не в состоянии). Как они громко заплакали, увидев нас троих… Зрелище не для слабонервных. В экскурсионной экспозиции для обычных посетителей всё как в рядовом зоопарке, только поражает вольер с сотней павианов (пустыня, с высоченных деревьев ободрана вся кора, не то, что листья).

Спустя 20 лет через наших родственников в Абхазии прошла жесточайшая война и сейчас мне ничего о них не известно. В начале войны, в октябре 1992 г. по центральному телевидению России сообщали о пропаже 28-летней журналистки Изиды Чания (та самая Изика, дочь Геды и Терентия, поражавшая нас в 8-летнем возрасте своим любимым блюдом — ломтем сладкой дыни, густо намазанным аджикой).

Летом 1973 г. мы появились в Абхазии уже впятером (с тёщей), не хотели тревожить родственников, сняли комнату в Гудауте. Хозяйка — армянка. Камень кинешь, в море попадёшь — так она привлекала отдыхающих на вокзале. На самом деле мы попали в грязный дом с ужасающим туалетом в двух километрах от моря. Смышленая опытная хозяйка сразу взяла деньги вперёд

за несколько суток. На следующий день мы поняли, отдыха здесь не будет, плюнули на уже заплаченные деньги, поехали в Лыхны. Дядя Артур прочитал нам лекцию, ранжируя многочисленные местные национальности по разным показателям: порядку в доме, честности, доброжелательности…. Самые чистоплотные — греки, у них и надо стараться снять комнату. В Лыхнах мы ночевали до уезда, рано утром уезжали в Гудауту на пляж, вечером возвращались. Завершая тему Абхазии, хочу отметить безобразный общепит в Гудауте (днём мы питались в столовых), грязь, мухи. Впрочем, хачапури у разносчиков на пляже были достаточно вкусны.

Летом 1973 г. мы с Ниной пробыли на Чёрном море больше обычного, причём половину времени в зоне города Сочи, ближе к Туапсе, по отдельности, я в июне, Нина в сентябре.

В июне 1973 г. по профсоюзной путёвке (24 дня) отдыхал в пансионате Гизель-Дере в 6 км южнее Туапсе. Первое, что бросилось в глаза на пляже, обилие комочков нефтепродуктов, как в воде, так и на берегу, отдыхающие носили на море (пляж — бетонные плиты) специальные циновки, чтобы не вымазаться. Понятно, дело связано с транспортировкой нефти через порт Туапсе, на мой взгляд, экологический контроль явно не дорабатывает. Туапсе — небольшой город, красивым назвать не могу. Южная зелень есть, но и грязи много.

Запомнилась экскурсия в горы к месту опытной акклиматизации павианов в естественных условиях Кавказа, 15–20 минут на электричке в сторону Сочи, затем 5–6 км в горы.

Местные жители, особенно мужики, провожают туристические группы сальными репликами и приветами Яшке.

Типичная кавказская горная тропа, рот разинешь на своеобразную растительность, птичек — вляпаешься в человеческое дерьмо, тебя же и обсмеют. Часа полтора подъёма и мы в конечной точке. Речушка с прозрачнейшей водой, оборудованный пункт подкормки обезьян, на бревенчатых сваях что-то типа лёгких домиков (навесов от дождя и снега).

Обезьян нет, солнце, зелень, тихо, журчит вода, лепота! Отдыхающие побросали авоськи (сухой паёк вместо обеда), начали обнажаться до купальников, развешивая верхнюю одежду на ветках для просушки (ночью прошёл дождь).

Неожиданно, откуда-то сверху раздались резкие звуки и стая павианов, особей в 30, с истошными криками налетела на стоянку экскурсантов (Чингисхан из советских фильмов вспоминается). Никто и сообразить ничего не успел, как обезьяны начали трясти сетки, хватать продукты, одежду, обувь, теперь уже кричали женщины, смеялись мужчины. Через 10–15 минут всё

успокоилось, но представление продолжилось. Павианы занялись собой, внешне не обращая внимания на глазеющих любопытных.

В центре стаи самый крупный павиан вожак Яшка. Он, не спеша, передвигается в близком окружении 4-х самок, в 2–3 раза меньших по габаритам, по две с каждой стороны. Во втором ряду окружения Яшки несколько самцов, совсем по периферии стаи мамаши с прицепившимися к титькам малышами и шаловливые подростки. Самцы изредка пытаются дёргать центральных самок, тогда выскакивает Яшка, резко бьёт нарушителя порядка в гареме по морде и возвращается в центр стаи. Жаждущие самки покусывают вожака, трутся об него, Яшка лениво отмахивается, затем резко заскакивает сверху сзади на самку, без проблем сходу попадает возбуждённым пенисом в ждущее отверстие, 5–6 энергичных движений и удовлетворённая самка уступает место около морды Яшки следующей озабоченной обезьяне. Очередь самок продвигается с интервалом минут в 15.

Реалити-шоу продолжается. Любопытно наблюдать за женщинами, умиляющимися мужской силой Яшки, их реакцией «ну всё как у людей». И так же быстро. А женский оргазм?

Проходит некоторое время, обезьяны понимают, что больше от этих праздных людей еды не получат, Яшка ведёт стаю в сторону густого леса.

Экскурсанты возвращаются, переполненные эмоциями, неожиданно для себя выясняют, что местные жители относятся к обезьянам с антипатией, зимой павианы подбираются к жилью в поисках лёгкой добычи пропитания и доставляют много неприятностей.

В первой половине 70-х неплохо ознакомились с Адлером (недели две жили «дикарями») и Сочи. Чего-то для себя нового не обнаружил. Парковая растительность после Абхазии не вызвала чрезвычайных положительных эмоций. В Сочи поразили скопление загорающих на городских пляжах и грязная вода в зоне купания. Противно в воду заходить. Много ездил на экскурсии, запомнил поездку в горную Красную Поляну. Дорога вверх идёт серпантином, большинство экскурсантов чувствуют себя как на пароходе во время качки, проклинают распространителя билетов. Конечная точка — охотничий «домик» министерства обороны, рядом вертолётная площадка. Экскурсовод взахлёб рассказывает, кого здесь убил Гречко, другие маршалы. Мне же больше всего запомнились полосатые поросята у местных жителей, домашние свиньи гуляют свободно, а дикие кабаны не дремлют. Кто бы мог представить, что новые правители России додумаются создать в этих местах зимний курорт, для чего и пригласили зимнюю Олимпиаду 2014 года. Десятки миллиардов народных долларов

выбрасываются ради удовлетворения личных амбиций, разворовываются приближёнными к власти.

В июле 1974 г. месяц отдыхали с Ниной в Севастополе, снимали комнату на Северной стороне. Основное время на пляже, с едой напряжёнка, в столовых огромные очереди, зато на базаре изобилие дешёвых небольших персиков, никогда в жизни я их столько не ел. Посмотрели несколько концертов заезжих звёзд на открытых эстрадах, хорошо запомнил сольный концерт Евгения Весника. Посчастливилось увидеть грандиозное зрелище — военно-морской парад Черноморского флота в честь Дня Военно-морского флота. Авианосец «Киев», подводные лодки, воздушный массовый десант на воду….

Во время отдыха на Чёрном море всегда с интересом наблюдал за ловлей рыбы с волнорезов, причалов, но почему-то никогда не возникло желания самому подобной рыбалкой заняться.

В мае 1976 г. отдыхал по санаторной путёвке (радикулит со студенческих времён) в Грузии на курорте Цхалтубо. Новые впечатления: бассейны Сталина и Берия; взятки медицинского персонала; потрясающее грузинское кладбище; дешёвое вино… В 10 км от Цхалтубо промышленный центр Грузии Кутаиси. Несколько раз ездил, гулял по Кутаиси. Запомнил, к сожалению, карманников, дважды залезавших в мой карман. Одного (мужчина лет сорока) поймал за руку, поднял шум, но полный автобус грузин молча наблюдал «кино», пока вор не вырвался и выскочил из автобуса. Обратился к сидящей рядом пожилой грузинке, что не думал такое встретить в Грузии. Она ответила коротко: везде так. За 35 лет я впервые столкнулся с карманниками, хотя основная часть жизни прошла в местах с развитой преступностью.

На всю катушку использовал экскурсионную программу, поездки по историческим памятникам, побывал на родине Маяковского Багдади. Крупное грузинское село, двухэтажный дом, в котором в семье лесничего родился Маяковский. Большее впечатление осталось от самой дороги (~ 150 км), кругом типичные грузинские деревеньки, плантации винограда, простые труженики, так отличающиеся от грузин, которых мы привыкли видеть в России.

Май 1976 г. Грузия. Место рождения Владимира Маяковского. Я в центре 3-го ряда сверху.

Май 1976 г. Грузия. Древний православный монастырь. Я второй справа в первом ряду.

Май 1976 г. Грузия. Окрестности Кутаиси. Я в первом ряду слева.

Запомнился из Цхалтубо факт человеческой подлости, вызванный элементарной завистью. Чувство зависти — мощный фактор человеческого характера. Нередко зависть сильней движет человеком, чем половой инстинкт (у психически нормальных людей). Отсюда большой процент, казалось бы, немотивированных изнасилований (социологические обследования показывают, что заявляют об изнасиловании в России менее 10 % пострадавших). Да и заявляют женщины о личной трагедии, чаще при наличии дополнительных свидетелей или вмешательстве близких родственников. Нередко стремление

к физическому обладанию женщиной исходит из зависти к её партнёру, другу, знакомому, отнюдь не любовью или влюблённостью. Конкретный пример. Появилась у меня «санаторная» подруга за 30, вроде бы тоже лечившая радикулит, откуда-то с Волги. Никакой близости, просто гуляли по парку вместе, ездили в Кутаиси, вместе участвовали в санаторных пирушках. И вот за день до её отъезда сосед по палате, с которым мы вдвоём за сезон выпили «море» разливного вина, влез к ней по карнизу в окно, третий этаж, и попытался изнасиловать, помешали случайные люди. Казалось бы, вокруг сотни желающих женщин, зачем пакостить приятелю, пусть даже временному. Зависть, в чистом виде. Помню, как он часами, открыв рот, слушал мои рассказы о жизни и вот финал, плюнул в душу. Подруга уехала, «приятель» оставшиеся санаторные три дня пытался объясниться, «ведь ты всё равно с ней не спал», но я его просто игнорировал.

11 августа 1976 г. мы впервые с Ниной поехали за границу, предварительно год оформляли документы, проходили собеседование с сотрудниками КГБ. В Софию прилетели из Москвы (двое суток группа собиралась в вонючей гостинице «Восток»), затем шестидневный автобусный переезд по Болгарии до курорта «Солнечный берег».

София не произвела впечатления крупного города. Широкие улицы, обилие памятников. Зашли в мавзолей Димитрова, никаких очередей, как было принято у мавзолея Ленина в Москве. На постаменте величественного памятника «Александру Второму — освободителю» сбита оригинальная надпись и вместо имени императора фигурирует «русскому народу». В 90-е убрали из мавзолея Димитрова, почему бы России не взять пример со своих славянских братьев, восстановлен и памятник российскому императору.

Женщины устремлялись в магазины, восхищались обилием товаров, но финансовые возможности предельно ограничены, деньги фактически не разрешали перевозить через советскую границу (некоторые опытные женщины в группе умудрялись утаивать деньги от таможни). Даже пиво в Болгарии я *попробовал* всего пару раз.

Посмотрели музей на перевале Шипка, памятник Алёше, восторгались концертом поющих фонтанов в Пловдиве, ознакомились с музеем юмора в Габрово (см. выше). На «Солнечном берегу» нас разместили в недостроенном здании (откровенно задевало, что западные туристы, даже чехи и поляки жили в гораздо лучших условиях). Вокруг пустырь. Море рядом, но подход по щиколотку в песке. Никаких подводов (тротуаров) к

морю нет. Вернувшись в Тюмень, осознал (1976 год!), отдыхать лучше на родных берегах Чёрного моря, но поездка в Болгарию существенно расширила кругозор.

Завершаю настоящую главу проблемой потребления алкоголя. Пьяницей никогда не был, но в моём окружении, в моём доме пили всегда. Несколько общих рассуждений.

Средний человек в России проводит за рюмкой (стаканом, кружкой) довольно много времени. И я здесь не исключение. Совершенно непьющие люди, на мой взгляд, или идейные фанатики (их мало, не могу вспомнить среди своих знакомых) или больные, в т. ч. попившие в своё время с избытком. Многотысячелетняя история человечества показывает, человек не может обходиться без стимуляторов, типа алкоголя или наркотиков.

Проблема заключается в мере потребления алкоголя. Любой организм имеет индивидуальную генетическую предрасположенность к алкоголю. Чаще диагностированными алкоголиками становятся люди со слабой волей, потерявшие жизненные ориентиры. Нормально развитый человек в состоянии сказать себе стоп, когда ситуация с потреблением алкоголя начинает выходить из-под контроля.

В жизни человек постоянно попадает в стрессовые ситуации, давно известным (одним из многих) способом облегчения душевного состояния является рюмка. Умственная и физическая усталость имеет тенденцию к накоплению в организме, почему люди и ждут праздников, государственных и семейных, конца недели, чтобы расслабиться, в т. ч. и с потреблением алкоголя. Не случайно, среди много пьющих работники тяжёлых профессий: шахтёры, металлурги, хирурги, шофёры…

Древняя сексуальная культура Китая требует обязательного потребления вина «до того, как». К сожалению, в России нередко предварительное потребление не ограничивается стаканом водки, а отсюда и множество рождающихся детей с печатью неполноценности на лице.

Культура народа, культура государства — бесконечно ёмкие понятия, одним из важных направлений является культура потребления алкогольных напитков. И вот здесь-то Россия далека «от мировых стандартов». В течение веков совместной жизни россияне рассматривали как причуду культуру пития в Грузии, Армении (в 1974 г. в Ереване я с удивлением узнал, что в Армении не было вытрезвителей). Вином запивается еда (в России питьё закусывается), в застолье много песен и веселья. Длинные красивые тосты, регулируемые уважаемым тамадой, контрастируют с российскими «будем!» или «вздрогнем!». Как не

удивляться, когда столетние старцы опорожняют полные рога вина. Эдуард Шеварднадзе публично, в телевизионном интервью, говорит о том, что ежедневно вечером потребляет 2–3 бокала красного натурального вина. Можно ли представить, что лидер СССР или России лично объявит народу о том, что любит выпить. И дело здесь не в том, что в России больше любят водку, а в том, что пить не умеют, страдают от похмелья, начальники разного калибра позволяют себе на работу не выходить, президент России в том числе. Что уж тут говорить о «простом работяге», под угрозой увольнения он тащится на работу в тяжёлом состоянии, чреватом трагическими последствиями, как для самого работника, так и для производства.

Ещё к вопросу культуры пития. Прежде всего, надо реально оценивать собственные возможности, не ориентироваться на способность пить компаньонов. Лучше всего на одной пьянке пить один напиток. У каждого здесь свой опыт. Мой организм совершенно по-разному принимает водку и сухое вино и дело здесь не в крепости, потребляя фужерами сухое вино можно загрузить организм бСльшим количеством спирта, чем при потреблении рюмками водку. Сухие вина: чем больше пьёшь, тем больше хочется (на первом фужере слегка морщишься). Водка: после второй рюмки каждая следующая идёт через отвращение.

В реальной жизни чаще получается не так, как планируешь. В большой компании редко удаётся выдержать задуманный режим пития, приходится потреблять разные напитки. Известно, что во время пьянок надо начинать от менее крепких к более крепким. По жизни, почти всегда получается с точностью наоборот. В лучшем случае, стакан шампанского вначале. Затем водка или коньяк, затем вино, а затем и пиво. Всё! Головная боль обеспечена! Ну что это за пьянка, если на завтра голова не болит. В деревнях, что только не добавляют в самогонку, чтобы сильней в голову била (и махорку, и купорос).

Существует мнение, что можно смешивать в организме напитки, имеющие в основе близкое сырьё. Квас — пиво — водка (хлебная основа), вино — коньяк (виноградная основа, не спиртосодержащие суррогаты). Недопустимо, скажем, коньяк запивать пивом. Одновременное употребление напитков из разных групп сразу создаёт дисгармонию в организме, простейшим проявлением которой является нестерпимая головная боль. Где-то рядом (по смыслу) находится немецкая пословица, которую много раз я слышал от папы: *Bier und Wein macht Mensch zum Schwein, Schnaps und Bier das rat ich dir.* Не уверен за немецкое правописание, суть пословицы: пиво вперемежку с вином, делает человека свиньёй, водку с пивом я тебе

рекомендую. В России подход хорошо определяется современной пословицей: водка без пива — деньги на ветер. Каждый читатель имеет личный опыт по совмещению напитков, не всегда совпадающий с фольклором на алкогольную тему. Мой опыт также не всегда позволяет согласиться с народной мудростью.

Пробегусь по личному потреблению в Тюмени (изменение возраста, окружения, финансовых и физических возможностей постоянно корректируют застольный ассортимент). Я прибыл из Барнаула большим любителем сухого вина, но…

Хороший коньяк у меня не вызывал похмельный синдром. Помню, как в 70–72 гг., мы с Геной Неупокоевым вели многочасовые разговоры «за жизнь», пили коньяк без закуски и запивали кофе. Удивительное ощущение: много выпил и не пьян, уснуть не можешь до утра, голова не болит.

Много лет водку в рот не брал, да и сейчас не люблю. Отдых на турбазе «Чолпон-Ата» (см. выше) несколько поколебал мою безапелляционность.

В Тюмени кто-то (по-моему, Гена Неупокоев) меня убедил, что лучше всего лечить периодически обостряющуюся язву желудка неразбавленным чистым спиртом. Приготовил лимонную настойку градусов под 70, благо спирта в моём распоряжении всегда было достаточно, быстро нашлись собутыльники (холява, сэр!). 2–3 раза сравнительно умеренных потреблений и язва обострилась настолько, что навсегда отбросил этот «способ лечения».

Изготовлением самогона никогда не занимался, хотя технология для химика-органика никакой проблемы не составляет. Готовится брага (вода, сахар, дрожи + «что-нибудь»), которая пропускается через обычный перегонный аппарат. Большинство использует медный змеевик для охлаждения паров спирта, я же своей тёще поставлял в Бийск аккуратную стеклянную перегонную установку. Как-то по просьбе папы в Талды-Кургане смастерил самогонный аппарат из обычной скороварки для перегонки старого яблочного вина. Установку соорудил во дворе, запах сивухи чувствовался за 2 квартала от нашего дома. Ничего путного из единственной в жизни попытки испытать себя в роли самогонщика не получилось, вино содержало больше уксусной кислоты, чем спирта.

Любопытно, что в Болгарии любят потреблять дешёвые крепкие спиртные напитки, в каждом магазине продавалась раза в 3 дешевле «Столичной» практически неочищенная сорокаградусная «Ракия» (ею же угощали туристов), вкус которой уступает нашему деревенскому самогону. Приходилось мне пробовать самогон в Абхазии, распространённое название «чача»,

дядя Артур называл её водкой. Для изготовления «чачи» используются отходы от приготовления вина + фруктовые отходы своего сада. Отбирают для потребления перегон крепостью 60–70? вкус специфический, с российским самогоном не спутаешь. Интересным показалось и непонятным, что летом в самую жару в Абхазии предпочитают «чачу» (лучше, конечно, вообще не пить), а не вино, хотя, в основном, пьют именно вино.

Личный опыт потребления самогона приводит к однозначному выводу. Кто бы, что ни говорил, но в домашних условиях хорошо очистить самогон от сивушных масел не удаётся, похмелье от самогона тяжёлое, поэтому лучше всё-таки пить (если очень хочется) хорошую лицензионную водку.

Однажды в Тюмени не смог пойти на работу, когда четыре дня подряд (30.04–03.05.72) встречали и провожали в Москву Гену Неупокоева. Вроде все праздники на ногах, но 4 мая не смог надеть брюки, пришлось жене срочно с кем-то в институте договариваться о подмене. Пьянки заканчиваются тяжёлым похмельем (голова болит, живот пошёл в разнос, руки трясутся, не находишь себе места, тошнит от одного вида спиртного), но я не похмеляюсь. Повлияло мнение толкового медика, популярно объяснившего, что снятие похмельного синдрома новыми спиртными напитками — первый симптом начинающегося алкоголизма (болезни). Большинство же пьющих предпочитает на утро похмелиться. Бывают разные способы выхода из пьянки, не связанные с новой попойкой. Две таблетки аспирина (способ вычитал в американской литературе), огуречный и помидорный рассол, чай в большом объёме, прохладный душ — способов много, каждый потенциальный алкоголик сам приводит в норму свой организм. Однажды видел, как приходил в себя один из моих родственников, раз за разом на даче окуная голову в бочку с холодной водой.

Опыт приготовления домашнего вина приобрёл в отчем доме. На юге принято иметь собственное вино. Не сразу, но и папа начал заниматься виноделием, изготовлением яблочного вина из плодов своего сада. Обычно летом я помогал, основная работа — приготовление яблочного сока из раек (в России принято называть ранетки, на юге Казахстана — райские яблоки, «райки»). Использовали обычную бытовую соковыжималку, часть сока пастеризовали на зиму, остальное — на вино. Обычно ставились 4–5 20-литровых бутылей. Дальше добавлением определённых доз сахара регулировалось брожение, выпуск углекислого газа через водную среду, отстой, двойная декантация, разлив в бутылки. Вино, точнее сидр, 15–16? готово к употреблению, стаканами пить опасно, лучше рюмкой. Если при питье не

смешивать с другими напитками, то вино обладает слабым снотворным действием, утром голова не болит. Вроде бы технология изготовления вина достаточно проста, но много факторов влияет на качество конечного продукта. Помню, как в 1974 г. после папиного 60-летнего юбилея привёз в Тюмень 20-литровую канистру вина. Друзья-доценты живо оценили высокое качество вина, через 3 дня с ним было покончено.

В Тюмени я приспособился делать вино из черноплодной рябины, но здесь есть своя специфика. Черноплодка — ягода малосочная, приходится прокрученную через мясорубку массу разбавлять водой. Немало усилий следует приложить, чтобы начать и вести брожение в нужном режиме. Вино из черноплодной рябины 14–16? насыщенного красно-фиолетового цвета, вкусное, сладкое, красивое в фужере, но не подлежит длительному хранению даже в темноте, так как постепенно идёт обесцвечивание. В больших количествах вино из черноплодной рябины, скажем, больше 0.5 литра за один раз пить не рекомендуется, появляется тяжесть в голове, да и организм сладостью переполняется.

В 70-е большое распространение в СССР получили отвратительные плодово-ягодные вина, которые изготавливались практически в каждом населённом пункте на мелких винзаводах (плохой сок смешивали с плохим спиртом). В народе получили название «чернила», но пользовались популярностью, вследствие дешевизны и большой «убойности». Распространённое обращение к продавцу: мне за рубль двенадцать 18 градусов. Я помню даже бутылки, на этикетке которых скромно значилось «Вино». Или «Красное». Ещё одно популярное в народе название упомянутых напитков, ничего общего не имеющих с натуральным вином, плюс мерзкие отечественные варианты вермута — «бормотуха». Позже приходилось пить вермуты изготовления Югославии и Венгрии, итальянские «Мартини», это качественно другие напитки, но мне всё равно не нравятся. С большим скепсисом я наблюдаю за нашими людьми, которые с придыханием в голосе рассуждают на тему потребления «Мартини». Вермут есть вермут (настой на травах) и с натуральным креплёным вином его сравнивать нельзя.

Руководители государства постоянно «волнуются», чтобы наш человек пил качественные спиртные напитки отечественного производства.

В 70-е вброшено в торговлю огромное количества ранее неизвестного вина крепостью 16–18?. Первый напиток — «Солнцедар». Сам я пару раз пробовал «Солнцедар», не хуже и не лучше традиционного отечественного портвейна. Первые партии приняты «рядовым пьющим» с одобрением, затем «Солнцедар»

начали возить в бочках, цистернах, разливать по бутылкам на месте применения, в результате массовые отравления со смертельным исходом. Теперь никто и не помнит о таком вине. Чуть позже появился «Агдам», мало отличающийся по вкусу и убойной силе, но продержался на десяток лет дольше «Солнцедара». Были и другие массовые креплёные вина, например, «Анапа».

Заканчиваю тему креплёных вин, которые пью очень редко, опытом дегустации хереса, много раз упоминаемом в произведениях предреволюционных писателей (например, у Чехова). После окончания симпозиума в Ворошиловграде в ресторанном меню увидели херес. Принесли бутылку марочного хереса, на этикетке изображения десятков медалей. Втроём не смогли осилить бутылку, удивительно невкусное вино (крепкое ~ 20? сахар до 1 %). Лет через 20 ещё раз попробовал херес из красивой бутылки, мнение не изменилось. Похоже, не понимаю вкуса, может быть надо пить напёрстками, но никому херес не рекомендую.

Несмотря на то, что пришлось попробовать все виды спиртных напитков, остаюсь убеждённым сторонником сухих вин.

В Ленинграде в 1976 г. я нашёл отличный фирменный магазин «Грузинские вина», здесь впервые попробовал первосортные (не те, что продавались в Сибири) «Цинандали», «Гурджаани», «Напареули», всех названий не запомнил. В Ленинграде открыл для себя, что при посещении сауны лучше пить сухое вино, чем пиво. Из молдавских сухих вин — лучшие из тех, что мне приходилось пить, «Алиготэ» (белое) и «Каберне» (красное). В 70-е магазины в Тюмени неожиданно переполнились красным и розовым сухим вином из Алжира, по-видимому, больше нечем было расплачиваться за поставки оружия. Тюменцы алжирское вино игнорировали, даже когда его разрешали продавать после контрольного времени (существовал строгий порядок продажи спиртных напитков с 11 до 19 часов). В первых поставках было неплохое вино (арабскую вязь названий на тёмных бутылках прочитать не могли ни продавцы, ни покупатели), цвет фольги вокруг пробки соответствовал цвету вина, мы с Витей Кучерюком предпочитали розовое. Через некоторое время вино из Алжира начали привозить танкерами, в СССР бутилировать. Вот это уже были мерзкие напитки, по слухам, случалось много отравлений. Сам не сталкивался, но покупать алжирское вино перестал.

В завершение темы ещё раз подчеркну: умеренное потребление алкоголя имеет немало положительных моментов. Определив свою меру, необходимо проявлять волю, не

поддаваться на уговоры и ограничить приём алкогольных напитков. Не хвастаюсь, в целом мне это удавалось, чего и всем желаю, особенно молодым, нередко переоценивающим возможности собственного организма и считающим, что им «море по колено». В тюменские 27–36 лет, когда сплелись в клубок рабочие и семейные неурядицы, потребление алкоголя выполняло функции, прежде всего, психологической разгрузки организма.

Профессиональный тупик

Уважаемый читатель! Из предыдущего текста хорошо заметны метания молодого доцента, стремление утвердить «своё место под солнцем». Девятилетний «бег с препятствиями» проходил в Тюмени с переменным успехом.

Объём выполненной научной работы, на мой взгляд, достаточен для оформления диссертации, ректорат активно загонял в двухлетний творческий отпуск — докторантуру. Но в 1973 г. прошла очередная «революция» в Высшей Аттестационной Комиссии (руководителем назначен профессор Кириллов-Угрюмов). ВАК, под благим намерением повысить качество диссертаций сделала практически невозможным успешную защиту докторских диссертации без столичной научной крыши. Государственная власть опомнилась лет через 15, когда исчезли доктора наук самого работоспособного возраста 35–50 лет. В 90-е годы другая крайность, докторскую степень получали люди, которые в 70-е, возможно, не защитили бы и кандидатской диссертации. Хаос в России стимулировал многих «деловых», политиков к получению учёной степени, учёного звания любым путём, как когда-то руководители разного уровня добывали дипломы о высшем образовании. Не столько обидно, как противно!

Лизать задницы даже крупных научных черепов не приспособлен, не тот характер. И всё-таки сделал две попытки выйти на столичную научную элиту. Первый раз я обратился в октябре 1975 г. к профессору ленинградского технологического института О.Ф.Гинзбургу, куратору группы повышения квалификации. На просьбу оценить мою тематику, уровень и объём выполненной работы Гинзбург, не дослушав обращение, начал рассуждать: почему все приезжие с периферии стремятся защищать докторские диссертации? После такого приёма у меня даже отпало желание заниматься по утрам обработкой эксперимента и написанием статей, в дневнике бесконечная тема скуки. Цитирую типичные мысли, записанные в Ленинграде.

19.11.75 г.…Обычно до обеда пишу, а затем выезжаю в город. Довольно часто перепад настроения, то появляется желание форсировать докторскую, то полная апатия. Иногда хочется всё бросить к чёртовой матери, но как-то уж всё засосало. И я боюсь, что если уйду от студенческой среды, то как человек совсем закисну. Всё-таки очень трудно навожу контакты и не умею удерживать те контакты, которые есть. Не знаю, является ли

это признаком большого самомнения (но ведь в душе этого нет, скорей даже не хватает) или отталкивает окружающих слишком мрачный вид в трезвом состоянии. Но не могу же я ради хорошего вида начать систематически пить. При моём хилом организме быстро бы опустился на уровень Шеломова [спившийся и погибший от пьянки талантливый доцент ТИИ] *или ещё ниже.*

Но ведь появляется же энергия, когда возникают препятствия, казалось бы непреодолимые. Так было и с кандидатской диссертацией, так и при конфликте с Магарилом. Во всех этих случаях я имел поддержку хоть нескольких человек. С докторской же я не имею поддержки даже от жены. Только Коля Иванов всё время подгоняет, но в данном случае это не та поддержка, которая придаёт уверенности в своих силах. Все остальные, кто с нами контачат, в лучшем случае праздно наблюдают, а то и по мелочам палки в колёса ставят. А уж если защищусь, не дай бог, сразу появятся «друзья». И все будут «соучастниками в борьбе с Магарилом» и всякого рода помощниками…

02.01.76 г…. Долго размышлял… и пришёл к следующему выводу: по-видимому, от рождения я получил функцию лидера (психологический термин). И, похоже, эта функция с крупным изъяном. Как только коллектив (количественно не важно 1, 2, 4, 6 или 10 человек или больше) уходит из-под влияния такого лидера, он скисает и превращается в обычную «серость», не способную произнести что-нибудь вразумительное. Очевидно, не хватает запаса прочности воли (недостаточная уверенность в себе), чтобы бороться за сохранение роли лидера. И наступает период апатии. И в семейной жизни и на работе. Это же было и в школе и в институте. На пятом курсе уже никто и не помнил, что я когда-то активно участвовал в факультетской жизни. В то же время на вечере, посвящённом десятилетию окончания университета, после приёма алкоголя все сокурсники приняли моё лидерство.

По-видимому, в период опьянения ощущение внимания окружающих является своеобразным допингом для проявления лидерской функции (правда, в присутствии Нины такое стало происходить редко). Плох не сам факт лидерства, а его гипертрофированная форма. На следующий день бывает стыдно и, к тому же, нередко после такого лидерства появляются недоброжелатели.

По-видимому, функция лидерства лучше всего выполняется у меня со студентами… Правда, при работе со студентами, функция лидера вручается каждому преподавателю в отделе кадров при приёме на работу.

После уезда Гены Неупокоева в Москву стало понятно, рано или поздно, но из тюменского индустриального института

придётся уходить.

Первый, довольно экзотический, вариант связан с предложением профессором Р.О. Матевосяном («Научная деятельность») должности заведующего физико-химическим отделом академического института в Ереване. Повод для ознакомления с гипотетическим местом работы нашёлся: договориться с Матевосяном об оппонировании диссертации Вали Нагарёвой и добиться приезда на защиту в Свердловск (и в те времена расстояние не близкое, причём с одной-двумя пересадками, и далеко не каждый маститый профессор соглашался на подобные утомительные вояжи). Институт Матевосяна имел отличные помещения и оборудование. Режим работы (на моих глазах) «интересный», то кофе пьют, то маццони. Удивительное, режущее глаз сибиряка, чинопочитание. Свердловские ребята почти год жили в общежитии (очень уж грязном), но проблесков с квартирой как-то не заметно. Жена Игоря Донских с подругой показали основные достопримечательности Еревана. Поразило, в рабочее время на улицах столицы Армении масса праздношатающихся мужчин (1974 год!), постоянно кто-то «прилипает» к одной из попутчиц. О, думаю, моей блондинки Нины здесь только не хватает. Женщин на улицах, в кафе почти не видно. На центральном бульваре города сотни мужиков играют в нарды. Для работы и для проживания моей семьи Ереван показался непригодным, но Матевосяну дал уклончивый ответ, не хотел срыва защиты Валиной диссертации.

С Геной Неупокоевым прорабатывался более серьёзный вариант ухода из ТИИ. Неупокоев приглашён в министерство химической промышленности начальником отдела управления по науке и технике с перспективой роста (для чиновника такого ранга 32 года не возраст). Однако бюрократический рабочий ритм не всем по нутру. Первая задача Неупокоева — квартира в Москве, дача в Подмосковье решена, можно подумать и о более интересной работе. Задумано создание крупной химической экспериментальной базы с набором новейших опытных установок (вариант отраслевого НИИ) в Подмосковье, управляемой группой единомышленников (кроме Гены и меня планировалось в числе других использовать В.С. Гетманцева, в будущем генерального директора томского нефтехимического комбината). Проект обсуждали письменно и устно, я много раз ездил тогда в Москву, ночевал у Неупокоевых. Наконец приступили к реализации. Первая стадия — переезд в Подмосковье и получение прописки. Летом 1974 г. я приехал знакомиться с филиалом отраслевого научно-исследовательского института при химкомбинате в

Воскресенске (о масштабах и возможностях градообразующего предприятия много говорит содержание популярного хоккейного клуба «Химик»). Заместитель министра химической промышленности Новиков гарантировал квартиру и прописку. Сначала аудиенция у директора комбината Меркулова (филиал НИИ располагался на территории химкомбината) с пожеланием успешной работы. Помню удивлённое выражение лица директора филиала НИИ, рассматривавшего присланного сверху потенциального работника. Он показал мне просторные хорошо оборудованные лаборатории, но почти без людей. Завершая экскурсию, объяснил, что работы много, а людей не хватает, так как у НИИ нет ни квартир, ни прописки. Я удивил потенциального начальника ещё больше, сказав, что эти вопросы решены. Соглашение достигнуто, я поехал утрясать (масса личных и производственных нюансов) отъезд из Тюмени. Небольшая заминка произошла в связи с отпуском, а затем санаторным лечением Неупокоева. Его смерть 18.11.74 г. в 34-летнем возрасте стала сильнейшим потрясением своей неожиданностью и нелепостью. Совместные планы унеслись на небеса с Геной, хотя на похоронах его сотрудники считали глупостью мой отказ от переезда в Подмосковье. Они, естественно, не могли знать о наших истинных намерениях и масштабах задуманного.

Следующим реальным проектом стало участие в конкурсе на заведование кафедрой тюменского университета весной 1975 г., измотавшая нервную систему процедура закончилась неудачно («Учебная работа»).

В ноябре 1975 г. на годовщину смерти Неупокоева я приехал в Москву из Ленинграда, где «повышал квалификацию». Эта поездка, в конечном итоге кардинально изменила мою жизнь. Среди нескольких участников поминок на квартире Неупокоевых оказался генеральный директор строящегося томского нефтехимического комбината Виктор Стефанович Гетманцев, друг и соратник Гены ещё по работе в Салавате. В личном разговоре Гетманцев, очевидно что-то слышавший обо мне от Неупокоева, пригласил к себе на работу, не конкретизируя должность.

Возвратившись из Ленинграда в Тюмень, примерно, полгода размышлял, что делать. Работа в институте и работа на химическом производстве — «две большие разницы». Созрел перед началом очередного семестра и написал лирическое письмо Гетманцеву (стиль письма свидетельствует, как далёк пока от производства и бюрократии). Суть в нескольких цитатах.

22.09.76 г.…Что я хочу? Должности начальника ЦЗЛ…

Почему именно сейчас я к Вам обращаюсь? Во-первых, Вы сообщили, что с 1976 г. начнётся постепенный набор кадров. Во-вторых, ректорат института настойчиво «заталкивает» меня в творческий отпуск на написание докторской диссертации. И хотя материала достаточно у меня есть глубокое внутреннее убеждение, что на практической работе смогу сделать значительно больше полезного…

Заключение. Можно полагать, что принятие положительного решения маловероятно. Однако знание современных физико-химических методов анализа и современной аппаратуры позволяет надеяться, что при комплектовании и оборудовании ЦЗЛ был бы небесполезен. Национальная принадлежность — гарантия систематичности и порядка в лаборатории.

Виктор Стефанович! Убедительно прошу Вас ответить (независимо от содержания), так как от этого полностью зависят мои дальнейшие планы…

Я действительно был уверен, обращение к генеральному директору через 10 месяцев после личного разговора запоздало. Оказалось, не так. *Рукописный* ответ Гетманцева пришёл через неделю, он приглашал в ноябре на личную встречу в Томске «*для решения затронутых вопросов по месту, чтобы потом отсутствовал повод для разочарований*».

Возникла заминка в контактах с Гетманцевым, в октябре 1976 г. нам выделили в Тюмени трёхкомнатную квартиру. Кроме того забрезжила надежда что-то выжать из контактов с московской научной элитой (институт химической физики АН СССР — бренд, известный во всём научном мире). Удалось выйти на профессора М.Л.Хидекеля (апрель 1976 г., Рига, Всесоюзное совещание по комплексам с переносом заряда), специально ездил на переговоры в Черноголовку. Сотрудничество в виде совместного использования дипломника, ленинского стипендиата закончилось очередным фиаско, описано выше («Учебная работа»). Сначала профессор Гинзбург, затем профессор Хидекель — эти два учёных еврея полностью отбили желание заниматься оформлением докторской диссертации.

Неудачные попытки перейти на заведование кафедрой в тюменский университет и деловых контактов со столичной научной элитой, события защиты дипломов весной 1977 г. в ТИИ окончательно убедили в необходимости кардинально сменить работу.

Летом 1977 г., находясь в Красноярке в качестве руководителя производственной практики студентов, позвонил Гетманцеву, договорился о встрече. Телефонный разговор вышел сухой, ведь он приглашал приехать ещё в ноябре 1976 г. 18 июля

нанёс блицвизит в Томск (утром туда, вечером обратно на ЯК-40). Гетманцев представил меня главному инженеру Владимиру Матвеевичу Набоких, тот суетился, так как получил задачу убедить меня безотлагательно перейти на химкомбинат. Обещали 4-х-комнатную квартиру, через год работы оформить полугодовую стажировку в Италию. Решался вопрос об опытном заводе, появляется перспектива роста. Показали строительную площадку, разрабатывалась огромная площадь за речкой Киргизкой, где мы студентами когда-то купались. Осмотрели почти законченный 9-этажный дом, в котором мне должны выделить квартиру.

Обещал дать окончательный ответ 1 сентября. Головная боль: что делать? Всё-таки это полная смена деятельности (не ВУЗ на ВУЗ или ВУЗ на НИИ менять). С другой стороны, второго такого случая может и не быть. Две недели раздумий без чьих-либо советов и я решился на крутой поворот в трудовой деятельности.

В конце июля, приехав с практики, подал заявление об отпуске, получил отпускные, а затем подал заявление об увольнении. Несколько дней ректор Копылов не подписывал, я отказался идти на встречу с ним (свинья!), приписал к заявлению, что квартира будет оставлена при увольнении жены. Получил трудовую книжку, поехал в Талды-Курган, забрал ребят, привёз в Тюмень, а 3 сентября 1977 г. выехал в Томск.